

Ф. Ф. Шахмагонов, Е. А. Зотов

„ИНДЕКС“

БЕЗ

ИНДЕКСА

НА СТРАЖЕ ЗАКОНА

НА СТРАЖЕ ЗАКОНА

Ф. Ф. Шахмагонов, Е. А. Зотов

„ИНДЕКС“

БЕЗ

ИНДЕКСА

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ МОСКВА—1975

34С33
Ш 31

Шахмагонов Ф. Ф., Зотов Е. А.

Ш 31 «Индекс» без индекса. М., «Юрид. лит.», 1975.

208с. (серия «На страже закона»).

Авторы в увлекательной форме рассказывают о событиях, происшедших в наши дни.

В основу повестей положены действительные факты — сложное переплетение человеческих судеб, случайностей, которыми хотели воспользоваться враги нашего государства.

Авторы показывают, как, распутывая и разоблачая искусную игру зарубежной разведки, советские контрразведчики стоят на страже завоеваний Советской власти.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Ш $\frac{11002-006}{012(01)-75}$ 65-75

34С33

© Издательство «Юридическая литература», 1975

„Индекс“ без индекса

1

Я с моим помощником Снетковым составлял обвинительное заключение по уже законченному уголовному делу, когда раздался телефонный звонок. Меня пригласил к себе начальник управления.

Вызов ничего необычного не предвещал. Надо было пройти по коридору, подняться на несколько этажей выше. Я не торопился. Несколько раз останавливался перемолвиться словом с сотрудниками.

В приемной тревога. Меня уже хотели разыскивать. Что за нетерпение?

Я вошел в кабинет. На длинном столе разложена карта Энской области. Начальник управления, Юрий Александрович, склонившись над ней, следил за красной чертой, которую прочерчивал, сверяясь по кальке, один из сотрудников.

Прямая линия пересекала зеленоватые разводы, обозначающие леса, перечеркивала линию реки и, обходя населенные пункты, нацеливалась на областной город.

Юрий Александрович оторвался от карты, мы поздоровались. Указывая на красную черту, он пояснил, что это линия нефтепровода к нефтеперегонному заводу.

На красную линию лег красный кружок.

— Здесь! — воскликнул он. — Здесь полыхает пожар... Горит лес, горит деревня... Бедствие! Настоящее бедствие!

Он посмотрел на меня.

— Надо ехать! И ехать немедленно!

Я удивился. Стало быть, пожар, о котором шла речь, был не простым пожаром, что-то там просверкнуло в огне пламени и по нашей линии.

— Вы должны будете возглавить оперативно-следственную группу. К вашей группе подключатся работники областного управления.

Я сказал, что к отъезду готов, но выразил и удивление столь большому вниманию к пожару.

Юрий Александрович отвел меня к столу. Протянул папку.

— Читайте, а я сделаю кое-какие распоряжения к отъезду. Надо лететь самолетом. Время не терпит...

На первый взгляд картина пожара представлялась простой. В нефтепроводе произошел прорыв, нефть выбилась из-под земли, натекала в деревню, вспыхнул пожар. Он бушевал с ночи и, как свидетельствовали оперативные сводки, еще не утих. В папке — всего лишь несколько страниц. Сообщение от наших коллег из Германской Демократической Республики. В сообщении говорилось, что несколько месяцев тому назад был задержан на территории ГДР некто Эрвин Эккель, в прошлом гестаповец, в настоящем агент одной из разведывательных служб ФРГ. На допросе он дал показания, что два года назад он завербовал для агентурной работы советского инженера Чарустина Василия Михайловича, приезжавшего в ФРГ в составе группы инженеров-нефтяников принимать трубы для строящегося в СССР нефтепровода. Эккель показывал, что Чарустин приезжал в ФРГ несколько раз. За ним было установлено наблюдение. Он проявил склонность к авантюризму в своих действиях, и это было использовано... Сообщались и некоторые подробности вербовки. В частности, говорилось, что вербовка Чарустина осуществлена с помощью переводчицы Гертруды Ламердинг, специально подставленной к нему разведкой.

Кто же таков Чарустин? По общим отзывам опытный нефтяник, опытный организатор производства, ныне директор нефтеперегонного завода. Прорван тот самый нефтепровод, который прокладывал Чарустин.

Я спросил у Юрия Александровича, знают ли в областном управлении КГБ об этих показаниях.

— Безусловно! Техническая комиссия из министерства уже на месте. Областная прокуратура возбудила уголовное дело по взрыву. Пожар гасят несколько пожарных команд особого назначения. В борьбу с огнем введены соединения гражданской обороны...

— Чарустин взят под стражу? — спросил я.

— Для этого пока нет оснований.

Я указал на сообщение из ГДР.

— Одно показание! К тому же оно не перепроверено. Группа, которую вы возглавите, должна будет заняться тщательной перепроверкой показаний Эккеля. Но к этому вернемся позже! А сейчас собирайтесь, и через несколько часов вы должны быть на месте пожара.

Вызов в управление состоялся в четвертом часу дня.

Август. Давно не было дождей. В городе было душно и жарко. Там, где вспыхнул пожар, как я знал из газет, шла полным ходом уборка урожая. Можно представить, как там разгулялся огонь.

...Самолет в темноте приближался к месту катастрофы. Вот он качнул крылом, сделал разворот — и я, наконец, увидел отблеск далекого пожара.

Из земли в небо рвался огненный протуберанец. С самолета люди на земле казались фантастическими силуэтами. Они наступали на огонь, сбивая его стремительную ярость.

Несколько роторных экскаваторов двигались по кругу, обнося место пожара глубоким рвом.

В проходы между рвами вступали одна за другой пожарные машины и сейчас же подключались к пожарным рукавам — поблизости не было воды.

С одного края наступление велось более успешно. Здесь пытались прорваться к центру огня.

В несколько рядов стояли машины, вода хлестала широкой полосой, у пожарных рукавов каждую секунду менялись люди в пожарных касках и медленно продвигались к центру.

Невдалеке засветились сигнальные огни временного полевого аэродрома.

На аэродроме нас встретили товарищи из областного управления. Сели в машину. Километра за два до линии огня машина остановилась.

Пахло гарью и нефтью. Удушающий дым оседал на землю. С каждым шагом ко рву, который вели роторные экскаваторы, жар нарастал.

Мы остановились возле рва. Огонь обжигал лицо.

К нам подошел начальник областного управления КГБ полковник Марченко. Мне доводилось с ним

встречаться, когда он работал в «центре». Веселый и энергичный, он любил работать весело, с шуткой, не теряя присутствия духа даже в труднейших положениях. Когда ему предложили выехать в область, был очень расстроен. Что могло потрясти спокойствие этого края, какие могли возникнуть там трудные задачи у контрразведчика? Но солдат — всегда солдат. Надо было ехать — поехал.

Я ему напомнил его слова о спокойствии на областной работе. Он махнул рукой.

— Беда страшная... Причины? Их может обнаружиться немало: халатность, недосмотр... Просто беспхозяйственность или преднамеренность? В свете показаний Эккеля у нас были основания и для такого предположения. Я вас представлю председателю технической комиссии. Это ответственный работник министерства, крупный инженер. Он только что приступил к работе. С документацией он уже ознакомился. Высказывает кое-какие соображения...

— Не рановато ли? — спросил я.

— Все торопятся узнать, в чем причина бедствия...

Понемногу из рассказов очевидцев стала вырисовываться картина случившегося.

Пожар вспыхнул сутки тому назад. Огонь охватил сразу огромную площадь и пополз по скошенным хлебам, по стерне в разные стороны. Перекинулся к небольшому перелеску, слизнул его и остановился у реки. Эпицентром пожара оказалась деревенька Сосновка. Туда до сих пор еще не пробились. Загорелось ночью. Из огненного кольца вырвалось лишь несколько человек.

Те, кто вырвался, рассказали, что несколько дней из земли сочилась темная и густая жидкость. Высказывалось предположение, что это вниз, в ложину, стекает нефть из нефтепровода. Нефтепровод пролегал далеко, никто по этому поводу особой тревоги не проявил. Во всяком случае, никто из сосновцев не знал, было ли сообщено об этом в город, на завод или в милицию.

К концу дня, перед самым пожаром, из земли проступили черные лужицы. У ларька собрались любители выпить после работы. Шутили, что деревня ско-

ро станет знаменитой. Нефть найдут... Пошутили и разошлись.

Огонь возник со взрывом и во многих местах. Он несея от лужицы к лужице, тут же перекидываясь с земли на крыши. Пылала деревня, горела дорога, огонь катился с изволока, где пролегал нефтепровод.

Из этих рассказов пожарники сделали заключение, конечно предварительное и предположительное.

Под землей прорвало нефтепровод. Почва в этих местах песчаная. Нефть незаметно сочилась, скапливаясь в песке. Под землей она нашла более легкие протоки и спустилась вниз, в ложину. В ложине выбилась из земли, пропитав почву. На жаре начались испарения, в ложине произошло скопление газов. Сначала вспыхнул газ. Отсюда и эффект взрывного возникновения пожара. Затем загорелась нефть, просочившаяся в верхние слои почвы.

Предполагалось, что прорыв в нефтепроводе был незначительным, ибо ни нефтеперегонная станция, ни завод не сигнализировали об утечке нефти. Истечение нефти шло длительное время...

Меня познакомили с председателем технической комиссии Николаем Николаевичем Баландиным. Лет сорока семи—пятидесяти. Высокий. Тонкие черты волевого лица. Кудряв, черноволос. Мне он показался крайне возбужденным. Он курил короткими затяжками сигарету. Словно оправдываясь, пояснил, что не курил два года, а здесь, на пожаре, не удержался.

Всех волновало: что с деревней, что с людьми там, в огненном кольце? Из-за опасений причинить еще большие беды людям, окруженным огнем, не применяли направленный взрыв, который сбил бы огонь. За рвом у леса стоял батальон войск гражданской обороны. Вслед за взрывом готовы были устремиться танки, были бы пущены в ход химические средства борьбы с огнем.

Несколько пожарных рукавов тянулись от реки. До реки было не менее полутора километров, на перекачке стояли мощные компрессоры. Десятки машин одна за другой подкатывали с водой. Клином прорывались солдаты и пожарники в огонь.

Что делается в деревне? Никто не решался произнести роковые слова, признать, что в деревне уже

некого спасти. Но оставалась надежда на чудо, на смелость людскую, надежда, что и там борются с огненной смертью.

До деревни оставалось еще с полкилометра огня...

Надо было принимать решение. Специалисты высказались за применение взрывных средств. Начальник штаба гражданской обороны области и начальник Управления пожарной охраны согласились с ними. Последнее слово оставалось за Проскуровым, первым секретарем обкома партии.

Говор умолк. Гудел огонь, перекрывая работу моторов.

Проскуров смотрел, как замороженный, на огонь, на людей, прорывавшихся в эпицентр пожара. Подвигались. Но страшно медленно, по сантиметру отвоевывая пространство у огня.

— Какое страшное преступление! — процедил сквозь зубы Баландин. — За это надо расстреливать!

Проскуров оглянулся, что-то хотел сказать, но, так ничего и не сказав, отвернулся от огня и медленно пошел к машине с полевой рацией. Остановился на полпути. Негромко, но внятно произнес, как бы отвечая Баландину:

— Преступление... Сейчас эти слова не имеют никакого смысла. Остались или нет в этом огне живые люди? Вот в чем вопрос!

В темноте в поле мерно покачивались огни фар. Это вереницей подходили пожарные автомобили — включались в битву с огнем новые силы.

Проскуров медлил.

Клин в огне медленно расширялся. По широким основаниям клина двинулись два роторных экскаватора, проделывая глубокие канавы, чтобы закрепить отвоеванное у огня. По экскаваторам хлестали струи воды, чтобы охладить металл.

Рассвет наступил мутный и темный. Смешались пар и дым и залегли черным туманом в низинах, покрыли темной слизью листья на деревьях, пожелтевшую от жары траву.

Люди раздвинули пламя — открылись обожженные пустоты. Солдаты батальона гражданской обороны вошли в прорыв. Подразделение достигло обгоревшего фундамента крайнего дома в деревне. По-

трескался кирпич, завалилась труба. Дерево выгорело в пыль и золу. Но земля здесь не горела. Она была набита ногами, скотиной, приезжена и притоптана. Чад и мрак висели над пепелищем.

В прорыв хлынули мощные водяные струи. Водяная завеса отбросила огонь, укладывая его на землю.

Солнце красным шаром выкатилось из-за леса.

Проскуров, бледный, позеленевший и от бессонной ночи, и от духоты, от волнения, мерил широкими шагами обочину рва. Поглядывал на часы. Он оказался прав... В глубоких подвалах спаслись те, кто не успел вырваться из огненного кольца. Пострадавших вывозили в полубморочном состоянии. Но они были живы. Живы!

2

Технические эксперты приступили к работе.

Много высказывалось версий и предположений. Тем временем роторные экскаваторы начали вскрышные работы над нефтепроводом.

Мы уехали в город, в управление.

Я попросил Марченко как можно скорее раздобыть списки рабочих, служащих и инженерно-технических работников, участвовавших в прокладке нефтепровода в районе Сосновки.

Список начинался с Василия Михайловича Чарустина. Но за ним было общее руководство, он был тогда начальником строительства.

Вторым стоял в списке главный инженер по прокладке нефтепровода. Против его фамилии — пометка, что он находится в длительной заграничной командировке.

Начальник геологической группы Осипов Георгий Осипович. Инженер. В настоящий момент Осипов был на изыскательских работах в Архангельской области.

С электросварщиком Александром Даниловичем Куражихиным меня познакомили накануне.

Некоторые члены технической комиссии высказывали предположение, что несчастье могло произойти из-за плохого качества сварочных работ. На сварочном

шве, видимо, образовался разрыв, в который потекла из нефтепровода нефть. Экспертам было известно, что рассматриваемый участок был выложен трубами, полученными из ФРГ.

Александр Данилович Куражихин — человек молодой, ему нет и тридцати. Жена его чуть моложе. Я их видел на пожаре. Она плакала, не осушая глаз, он молча стоял, спрятав руки в карманы.

Сварочный шов — наиболее уязвимое место в трубопроводе. Куражихин — возможный виновник бедствия. Мне хотелось узнать, что он за человек? Биографическая справка, переданная мне работниками областного управления, мало что могла сказать.

Родился в марте 1942 года. Отец не вернулся с фронта. Растила его мать. Колхозница, доярка. Кроме него у нее еще было трое. Те постарше... Он младший. Деревенская школа. ФЗО, комсомол, путевка в школу сварщиков высшего разряда и работа... Паспорт сварщика давал ему право на свое рабочее клеймо. Производственные характеристики отличные. О Саше говорили тепло пожилые, умудренные опытом рабочие, коммунисты, товарищи по профессии.

Верхолаз. Доводилось ему сваривать и очень ответственные узлы, в условиях нелегких — на ветру, на морозе, на высоте.

Молодой квалифицированный рабочий. Представитель поколения нового рабочего класса.

Каков же круг его интересов? Поговаривает о возможности учиться в институте, но на такой шаг не решается — жена кончает педагогический институт.

К нему у нас возникло много вопросов. Он варил трубы, он мог что-то сказать нам об их качестве. Когда допросить его? После выводов комиссии или до этого?

После выводов технической комиссии, возможно, все станет на место: или ему будет предъявлено обвинение, или его имя отойдет в сторону. Сейчас всё неясно, сейчас над ним нависла угроза обвинения... Я решил пока неофициально, в домашней обстановке поговорить с Куражихиным.

Жил он на окраине областного города в новом жилом квартале, который вырос после пуска нефтеперегонного завода.

Кольцевая дорога, охлестнувшая город для объезда, хилая рощица, остатки недавних лесов, по взгорью домики с садовыми участками, и вот он — новый квартал нефтяников.

Пятиэтажные панельные дома. Обычная планировка, детские площадки, газоны.

Однокомнатная квартира на первом этаже.

Вся семья в сборе. Настроение траурное.

Наталья Ивановна Куражихина открыла мне дверь и вопросительно посмотрела в лицо.

Я представился. Хозяйка отступила в комнату, приглашая пройти за ней. Куражихин встал из-за стола мне навстречу и стоял, опустив глаза. Куражихина притянула к себе девочку лет четырех, дочкой как бы заслонившись от меня.

— Александр Данилович! Страшная беда случилась... Мы все вместе должны разобраться...

— Я готов, — ответил Куражихин.

Живые карие глаза, без какого-либо следа настороженности или опаски, скорее безысходная в них тоска.

— Сушу сухарики, — добавил он. — Работа такая — на краю пропасти. Металл сшивать надо, а рвется он на швах. Кто виноват? Сварщик... Это же не молекулярная точечная сварка, не лазером, а всего лишь электросварка.

Самая пора настала задать вопрос, удобнее не представится случая.

— Может быть, металл на трубах был некачественный?

Куражихин покачал головой.

— Отличный был металл. К тому же каждый сантиметр мы проверяли... Я грешу на сварные швы, хотя варил на совесть. А вот почему они распустились, что там могло получиться, под землей? Не знаю. Бродячие токи, быть может? Ума не приложу!

Ответ Куражихина мне понравился. Не ищет человек зацепочки, не ищет лазейки, готов отвечать, если виноват.

— Вы хотите меня допрашивать?

— Нет, — ответил я. — Я хочу услышать рассказ о том, как шла работа.

— Работа шла неторопливо и ритмично. Пожаловаться не на что.

— Кто сварку проверял?

— У меня паспорт... Мою сварку не проверяют. Я отвечаю целиком!

Вопросы мои, собственно говоря, иссякли.

Присмотрелся я к обстановке в комнате. Все же это какой-то кусок того мира, в котором жил Куражихин. О его зарработке я имел справку. Хороший у него заработок. Не ленился... И не только на заводе работал, вызывали его на исполнение ответственных заказов. Платили щедро.

Обставлена квартира достойно. Книжные стеллажи. Редкие книги. И не было заметно на вещах той зализанной, лакированной показухи, которая обличает и выдает с первого взгляда спрятавшегося за вещью мещанина. Нет, по недогляду этот молодой рабочий преступления не совершит. Но нависла над ним довольно реальная опасность. Если прорвало трубы по шву — не избежать ему ответственности.

Уже уходя, я спросил:

— Чарустин интересовался, как ведутся сварочные работы?

— Без него ни одна труба не уложена... Василий Михайлович — человек аккуратный. Вникал во все мелочи.

Мы прощались, Куражихин вдруг спросил:

— Директора завода тоже потянут к ответу?

— А почему же директор должен быть избавлен от ответственности?

Куражихин вздохнул.

— Он каждый метр трассы проверил, на все составлена полная документация. Хороший и деловой он человек, товарищ Дубровин.

— Не надо так уж пессимистически смотреть на эти вещи. В каждом расследовании есть две стороны медали. Одна — это найти виноватого, а другая — установить, что виновного нет!

Если Чарустин действительно вникал в каждую мелочь, если сварщик работал добросовестно, если все было на должном техническом уровне, то в чем же причина случившегося?

Три дня работала техническая комиссия.

К концу третьего в прокуратуру было представлено заключение технической комиссии, подписанное Баландиным и членами комиссии.

Мы получили копию заключения. Мне первому предстояло прочесть этот документ. Не без волнения вскрыл я пакет. Куражихин получил полную реабилитацию. Разрыв трубы. Но не на сварочном шве, а разрыв металла. Блуждающих токов в районе нефтепровода не обнаружено. Не обнаружено и следов грозового разряда. Баландин, специалист по нефтепроводам, утверждал, что металл на трубах был недоброкачественным и это привело к катастрофе.

К заключению были приложены проектная документация и результаты геологических изысканий по трассе.

Показание Эккеля и разрыв трубы... Совпало!

Марченко вопросительно взглянул на меня. Я понял его вопрос. Это был скорее не вопрос, а предложение действовать. Мы могли забрать дело в прокуратуре и начать следствие по своей линии.

Могли и имели на это право.

Настал ли час воспользоваться этим правом? Очень уж все легко и просто совмещалось, очень легко и просто напрашивалось решение. Что-то меня беспокоило в этой простоте. «В сомнении воздержайся!» — так, кажется, Кутузов определил свое жизненное правило. Откуда такая уверенность Баландина и тех членов комиссии, которые его поддерживают, что металл на трубах оказался недоброкачественным?

Фотографии разрыва трубы. Это неопровержимый документ. Однако химический анализ металла не дал никаких заметных отклонений от нормы. Откуда же вывод, что разрыв трубы произошел из-за недоброкачественности металла? Из факта, из непреложного факта. Труба разорвана. Но разорвана на странно образовавшемся изгибе. Откуда изгиб в трубе? Металл разорвался, в разрыв устремилась нефть. Она пропитала песок под трубой. Когда возник пожар, огонь вырвал песчаную подушку, разрушил ее, взрывом выкинуло песок и труба провисла над образовавшейся пустотой...

Марченко предложил еще раз выехать на место происшествия и осмотреть его.

На пожарище смотреть было страшно. Вот гребень, оставшийся после прокладки нефтепровода, вот и «место происшествия», т. е. вскрытый ров с нефтепроводом в том месте, где совершился прорыв.

Глубокий зияющий провал. В стороне техника, подтянутая для ремонтных работ. Мы остановились на краю провала.

Черная обгоревшая земля. Оплавленная труба, ее разлом.

От бульдозера двинулся к нам человек.

— Еще одна комиссия? — спросил он не без иронии.

— Комиссия... — ответил Марченко.

— Осокин, — представился бульдозерист. — В дырку лазили?

— В какую дырку? — удивился Марченко.

— Под трубами — пропасть. Пещера выгорела. Вот страсть-то. Мой бульдозер чуть не провалился туда... нефть размыла песок и горела. Подземное озеро или пропасть. Туда на веревках только спускаться. Дольше всего горело.

Мы присмотрелись к зияющему провалу. Черная пасть не очень-то широкой воронки; в глубину ничего не видно.

— С шахтеркой надо спускаться, — пояснил Осокин. — Загадка природы.

Загадок в расследовании не должно оставаться. Это закон. Нужно исследовать и подземный провал. Но спуститься без приспособлений туда действительно было невозможно.

Марченко связался по радиотелефону со штабом гражданской обороны и вызвал взвод солдат. От города путь немалый, надо было их дожидаться. Решили проехать к берегу речки. День стоял жаркий, можно было искупаться, обговорить все в тишине на берегу.

Тальница — неширокая быстрая речушка со светлой ключевой водой. Бежит по отмытому добела мелкому, рассыпчатому, как сахар, песку. Возьмешь в руку, течет между пальцами,

В светлой воде с берега можно было подсмотреть, как гуляют, распластав плавники, крупные стайки плотвы и головлей.

Нашлась закуска, шофер достал из багажника термос с крепким чаем.

По берегу шли два рыбака. У одного на плече мокрый бредень, у другого — мешок с рыбой. Бредень нес молодой парень. На ногах резиновые болотные сапоги, брюки в заплатках, мокрые выше пояса, Выгоревшая и просоленная гимнастерка. Мешок нес старик.

Остановились...

Сразу возникло содружество. У них рыба, у нас городская закуска. Шофер достал ведро, запыхал костер и потянуло из ведерка запахом ухицы.

Разговор, конечно, сразу же зашел о пожаре.

Старик оказался местным жителем, из села, соседствовавшего с Сосновкой. Конюх колхозный. В час, когда начался пожар, стерег он лошадей в ночном, в лесу за Талицей.

— Рвануло, как бомбой, — рассказывал он. — Думал, бомбежка началась. Лошади захрапели, разбежались бы, коли не были бы стреножены. А потом зарево. Ночь... А казалось, что солнце взошло. Выбежал на берег — смотрю: Сосновка горит, и огонь дальше мчится, прямо к речке. Вода остановила. Страсть, какой никогда не видывал.

— А в дырку-то ты заглядывал? — спросил его вдруг шофер.

— В дырку-то... — ответил старик. — Нас туда не подпускают. Военская охрана стоит. А чего в нее заглядывать? Она сквозь до самой Талицы пробита.

— Как это до Талицы?

— Ты не гляди, что речушка воробью по колено, а галке по скакалку. Она хитрая...

— В чем же ее хитрость?

— Что ни год, то норовит русло поменять. Ишь, как равнину изгрызла. А все от подземных ключей. Они под землей бегут и всю воду в Талицу сливают. Тут песочек — одно заглядение, а наступишь, совсем можно сгнать. Зыбун — песок...

— Это как же сгнать-то?

— Скотины страсть погребло. На мокреть ступишь, сразу под землю утянет — хуже, чем в трясине. Его весь снизу размыло. Песок плавает...

— Как же это дырка на Талицу вышла? Что это за дырка? А?

— Под трубой — труба. Сколько рыбы пропало... Вода текла черная перед самым пожаром...

Я поднял глаза на Марченко. Он смотрел на старика.

— О подземных речках не слыхивали? — спросил старик. — В стародавние времена здесь неподалеку монастырь стоял. От монастыря нынче ничего не осталось. Фундамент песком затянуло. Богатый фундамент. Мы иной раз оттуда кирпич поковыриваем. Ковырять трудно. На известке клали с яичным белком. Глубоко в землю уходит тот фундамент. Так говорят, что имели монахи подземные ходы, от татар спасались, к родникам за водой под землей ходили...

Я поднялся на пригорок.

Как это раньше я не пригляделся к этой местности? С дороги, на первый взгляд, словно бы обычная долина обычной среднерусской речушки. Перелески, кустарники. В приспущенном, словно бы геологическим сбросом, распадке бежит речка. Каменистые прожилки на склонах оврагов. Листва на деревьях густозеленая, словно подтемненная, подкрашенная, если сравнивать с зеленью за распадком...

Прибыл взвод солдат из частей гражданской обороны. Мы пригласили с собой старика.

В комбинезоне и в кислородной маске спустился в провал солдат. За ним потянулись телефонный провод и трос. Трос пустили по лебедке. Сначала солдат спускался по склону шагом, затем трос натянулся. По телефону поступило сообщение, что в глубину уходит отвесный провал. Начали спускать солдата на тросе. Медленно крутилось колесико лебедки. Метра на четыре распустился трос. Остановка. Сообщение по телефону: «Грунт под ногами влажный. Песок с черной глиной. Беру на пробу».

Трос начал опять раскручиваться. Поступило сообщение: «Наткнулся на крупные камни. Сочится вода».

— Вам не по возрасту, Никита Алексеевич! — сказал Марченко. — Я спущусь.

Марченко исчез в зияющем провале. За ним спустился офицер с кинокамерой и оборудованием для освещения.

Снизу последовало еще одно сообщение: «Идет киносъемка подземной ниши».

Старик сидел на корточках надо рвом и курил самокрутку. Он торжествовал, поглядывал на меня, подмигивал.

— Тут поискать, — говорил он, — еще и не то найдешь! Тут ить и золотишко могло остаться от монахов...

— Поискать придется, — обнадежил я старика. — Глядишь и клад найдем!

— Здесь, — подхватил старик, — как мне дед говорил, а деду его дед, а тому деду еще дед, самый ход татарский пролегал... Они лесов опасались, шли по рекам. Как пошли трактора распахать землю, то по первости всякие железяки находили в земле. Серпик, ржой изъеденный, саблю татарскую, наконецник от стрелы или же копья...

Знал бы старик, какой клад мы здесь искали!

Но тогда, правда, и я еще не очень-то знал, что мы найдем.

3

Вечером в управлении мы просмотрели отснятый фильм. Объектив киноаппарата выхватил очертания большого подземного обвала и нишу, выложенную из крупных камней. Ниша! Каменной кладки! Что же это такое?

Рассказ о подземных ходах из монастыря очень походил на сказы, которые всегда бродят возле старинных сооружений. Но историей монастыря я поручил поинтересоваться.

В этих делах незаменим был Снетков. Я позвонил ему в Москву и попросил навестить в Ленинскую библиотеку и найти все, что написано о монастыре Сосновская Пустынь...

А к нам между тем явился по собственной инициативе товарищ Баландин.

Мне об этом позвонил утром Марченко.

— Просится на прием председатель технической комиссии. Я заказал пропуск. Вы, Никита Алексеевич, будете присутствовать при нашем разговоре?

Уклоняться от встречи с председателем технической комиссии я не видел оснований. К тому же меня крайне заинтересовало, что побудило прийти Баландина? О специфике нашего интереса к этому делу он ничего не знал.

Там на пожаре его горячее возбуждение я приписал и огню, и виду бедствия, и общему состоянию волнения. Но и здесь, в кабинете, он словно бы был в горячке. Его худое лицо потемнело. В глазах мерцал огонек. Он его гасил, но тот не гас. Он держал в руках сигарету и курил короткими затяжками.

Мы с Марченко молчали, давая ему самому высказаться.

Он ожидал, видимо, вопросов, но, не дождавшись, торопливо начал:

— Я узнал, что ваше ведомство тоже проявило интерес к пожару... Я не ошибся?

— Все мы вместе должны разобраться в случившемся. Нас это не могло не взволновать... — ответил Марченко.

— А не диверсия ли это? — спросил он вдруг.

— В своем заключении вы такого вывода не сделали, — остановил его Марченко.

— Мы сделали один и самый важный вывод: металл на трубах был некондиционным. Нам подсунули из ФРГ некачественный металл.

— Все зависит от того, в каком месте трубы был изгиб, — сказал Марченко.

Баландин поднял протестующе руку.

— Это не предмет для спора! Я знакомился с документацией на поставки труб. Вы с ней знакомы?

— Нет, — ответил Марченко.

— А вы, Никита Алексеевич? Я сам перед отъездом из Москвы отправлял копию документации в Комитет государственной безопасности и писал по этому поводу справку.

— За вашей подписью справки я не читал, — сказал я.

— Справка шла не за моей подписью. О приобретении этих труб в ФРГ шли переговоры. В нашу делегацию на переговорах входил Чарустин. Он вел переговоры о приобретении этих труб, был техническим экспертом при их отгрузке, он их укладывал в землю... Совпадение несколько необычное для нашей практики.

— Что означает это совпадение? — спросил я Баландина.

— Я просто обращаю ваше внимание на это совпадение.

— В справке, которую вы составляли, но подписывал ее за вас другой, на это совпадение указывалось. Но для каких-либо выводов такое совпадение еще не дает оснований.

— Зато, насколько я понимаю, это дает основание для вашего активного вмешательства. Вы, наверное, знаете, что у нас в министерстве после этой поездки Чарустина сложилось мнение, что его нельзя направлять в заграникомандировки.

— Интересно, — поддержал я Баландина. — Почему же у вас сложилось такое мнение?

— А вам ничего об этом не известно?

— Об этом мнении нам ничего не известно. Чарустин, по-моему, больше не выезжал...

— Не выезжал... Вопрос о его командировке рассматривался у нас в министерстве, его кандидатура была отклонена.

— Почему же?

— Его поведение в ФРГ показалось нашим товарищам... — Баландин замолк, подыскивая подходящее слово. — Поведение его в ФРГ мы считали недостойным!

Я пристально смотрел на Баландина. Все, что он говорил, заслуживало интереса, но что-то мешало мне с сочувствием принимать его слова. И даже не горячность его мешала, мешала какая-то его целеустремленность, заданность что ли.

— Товарищи докладывали в парткоме, что Чарустин вел себя недисциплинированно, анархически. Часто отрывался от делегации, что-то там у него было с переводчицей. Или роман, или что-то на это похожее...

— Эти рассказы ваших товарищей как-то зафиксированы? — спросил я.

— Нет! Нужды не было. Можно попросить их изложить письменно... Потребовать, наконец.

— Зачем же требовать? В таких вещах насилие излишне...

— Не излишне! Вы были на пожаре? Вы понимаете, что произошло?

— Несчастье произошло...

— И произошло по вине одного человека! Бог спас хорошего парня, сварщика. Обломись труба на сварном шве — засудили бы невиновного.

— Чарустина вы уже считаете виновным?

— Безусловно!

— В чем, на ваш взгляд, он виновен?

— Прежде всего в халатности, в недосмотре, в катастрофе! А жизни людские, кто за это ответит!

— Все это так. В прокуратуре возбуждено уголовное дело.

— На мой взгляд, вы можете глубже заглянуть, чем прокуратура, — продолжал Баландин. — Я знаю Чарустина не первый год. Он никогда не вызывал у меня ни доверия, ни симпатии! Это нечестный и жестокий человек.

Я остановил Баландина жестом руки.

— Николай Николаевич! Вы лицо в данном случае официальное. Каждая ваша оценка должна опираться на факты. Вы сказали, что Чарустин нечестен, далее вы назвали его жестоким. Какими фактами вы могли бы подтвердить свои выводы?

— Мы задали ему вопрос на комиссии, считает ли он себя виновным в случившемся. Он ответил, что не может никак усмотреть своей вины. Это же жестоко! Сколько жизней по его недосмотру... Хотя бы и недосмотру!

— Почему «хотя бы»?

— Редко, но случается. Вам, наверное, лучше нас известны некоторые эпизоды... Случалось, что нашим инженерам и закупщикам подкидывали негодное оборудование. Недосмотр? Иногда бывал недосмотр, а иногда прямой сговор с фирмой. Оказывалась взятка... Люди отвечали за такие штучки!

— Какое это имеет отношение к Чарустину?

— Почему он принял некондиционные трубы? Я хотел бы получить от вас ответ на этот вопрос.

— Вы нам, в некотором роде, подсказываете направление для расследования? Так вас следует понимать?

— Так и понимать!

— Вы сказали, что давно знаете Чарустина. Скажите, почему у вас сложилось о нем такое неблагоприятное мнение, почему он у вас не вызывает доверия?

— Это тонкие, почти неуловимые вещи. Вам, конечно, нужны факты...

— Нам приходится иметь дело и с неуловимыми вещами...

Баландин пожал плечами, как бы показывая, что вынужден говорить, что сам он, по своей инициативе, не упомянул бы о таких мелочах.

— Мы учились с ним вместе в аспирантуре. Он написал кандидатскую диссертацию... Руководитель, уважаемый и любимый нами профессор, крупный ученый, сделал ему по диссертации значительные замечания. Надо было кое-что доработать. Вы знаете, что он сделал? Обиделся. Снял вопрос о защите диссертации в институте и выехал из Москвы в другой город. Поработал там на одном из заводов и в этом городе защитил диссертацию. Без доработки. Сами понимаете, что требования не московские и обстановка облегченная. Пришлось нашему профессору повоевать в Высшей аттестационной комиссии. Но вмешался директор завода, где работал Чарустин, звонил министру и диссертацию протащили. Где, какой великий выбирал путь протоптанней и легче? Использовал связи, кадровый голод на далекой периферии?

— Далекая периферия?

— Сахалин! За одно согласие туда ехать могут кандидатскую степень присвоить...

— Но ведь надо поехать... И не на один год!

— Не на один год. Это верно. Но и не один год пришлось бы ему и дорабатывать диссертацию. Вы склонны считать этот поступок красивым?

— Все дело, конечно, в содержании диссертации...

— Вы можете обратиться к фактам. Поднимите диссертацию, отзывы. Все станет на место.

— Посмотрим, Николай Николаевич! Для этого нужна консультация у специалистов.

Баландин продолжал.

— Я знал его семью. У него двое детей. Он бросил семью. Бывает... Но и в этом поступке он оказался не на высоте! Со стороны в семейные дела, конечно, трудно вникнуть... Но честные, порядочные люди в таких случаях поступают прямо и решительно. Он придумал себе предлог. Он работал в то время в одной из лабораторий в Москве. Интересная работа, значительный институт. Вдруг собрался в глубинку... Объявил, что жена отказывается с ним ехать, и подал на развод. Она не отказывалась! Сделал подлость, и еще прикинулся благородным! Характер! Ну, а этот роман с немкой-переводчицей, там, в ФРГ? Как вам это нравится? Проверьте по вашим каналам, что у него там было с переводчицей? Шутка ли, в капиталистической стране и роман с иностранкой. Вот его моральный облик. Роман на Западе требует денег, и не в нашей валюте. Все это очень подозрительно.

4

Следователь прокуратуры вызвал на допрос Василия Михайловича Чарустина. Допрос велся под стенограмму.

Теперь, когда дело закончено, когда я пишу эти строчки, легко обозримы все детали. Тогда же перед каждым из нас лежало по чистому листу бумаги, и на нем предстояло вычертить ту единственную линию, которая привела бы к истине. За конечной точкой этой линии лежали судьбы людские, жизни, тот кошмар, к которому привела катастрофа.

Теперь просто оценить усилия каждого из нас. Тогда все еще бродило не устоявшись. Привожу стенограмму допроса в прокуратуре...

«С л е д о в а т е л ь : — Каким образом вы, инженер Чарустин, будучи уполномоченным по приему заказа в ФРГ, проверяли доброкачественность заказа?

Ч а р у с т и н : — Завод чужой... Страна чужая... В такой обстановке я не имел возможности прибег-

нута к техническим средствам. Я следил за выполнением заказа. Бывал на заводе. Знакомился с технологическим процессом. Я не мог проследить за изготовлением всей партии. Партия была большая, да никто мне и не давал такой возможности. Я лично проверил все заводские клейма. Здесь, у нас, каждая труба прошла техническую экспертизу. На это есть соответствующая документация.

С л е д о в а т е л ь : — Да, документация в порядке... Объясните, пожалуйста, мне о таком, несколько странном совпадении. Вы принимали трубы на заводе в ФРГ и вы же руководили укладкой этих труб.

Ч а р у с т и н : — Это был не первый нефтепровод, который я строил. Именно как специалист по прокладке нефтепроводов я и выезжал в командировку за границу для закупки труб. Прокладка нефтепроводов — это моя работа, это моя специальность...

С л е д о в а т е л ь : — Однако теперь вы работаете директором завода.

Ч а р у с т и н : — И опять же у этих труб, хотите сказать?

С л е д о в а т е л ь : — Вы жестокий человек, Чарустин. В вашем положении шутки неуместны. Вы же знаете, к каким трагическим последствиям привела катастрофа.

Ч а р у с т и н : — На завод я был направлен решением обкома партии. Этот или другой завод... Редкий завод найдется, чтобы я не был причастен к укладке его нефтепровода.

С л е д о в а т е л ь : — Назовите владельца западногерманского завода.

Ч а р у с т и н : — Курт Ганс Грейзер.

С л е д о в а т е л ь : — Вам известны его политические убеждения?

Ч а р у с т и н : — Его политические убеждения меня не интересовали. Он капиталист. Хозяин предприятия. Ему принадлежит контрольный пакет акций... Какие у него могут быть при его положении политические убеждения?

С л е д о в а т е л ь : — Скорее всего враждебные нам...

Ч а р у с т и н : — Видимо, вы не ошиблись. Это, однако, не мешает нам торговать с капиталистами...

С л е д о в а т е л ь : — И можем при этом наткнуться на неприятности.

Ч а р у с т и н : — Наверное... Но вам, как и мне, известно и другое. Крупные промышленные фирмы обычно дорожат маркой своих изделий. Не будешь дорожить — пролетишь в трубу!

С л е д о в а т е л ь : — Да, но у промышленников есть и другой принцип: не обманешь — не продашь!

Ч а р у с т и н : — Это скорее было присуще русскому купцу, чем нынешнему западному промышленнику. И потом надо было очень точно рассчитать, чтобы определить, какая партия труб пойдет к нам, а какая в другие страны, допустим, капиталистические. Я не верю в умышленную продажу нам заведомо бракованных труб. Я много думал над этим.

С л е д о в а т е л ь : — И вы ручаетесь? Ручаетесь за качество труб?

Ч а р у с т и н : — Ручаюсь ли?.. В этом случае следует опираться на факты, а не на речительства.

С л е д о в а т е л ь : — Я такого же мнения, а поэтому предлагаю вам ознакомиться с заключением технической комиссии.

Ч а р у с т и н : — Я не согласен с заключением технической комиссии о причине разрыва трубы. Это сложный технический вопрос. Я считаю, что на него сейчас ответить невозможно. Труба оплавлена высокой температурой в эпицентре пожара. Был взрыв. Мы лишены возможности установить первоначальное состояние металла. Перед укладкой я лично проверял, и не один раз, каждую трубу с помощью приборов и каждая из труб соответствовала техническим требованиям. Все это зафиксировано в документах, из этого надо и исходить.

С л е д о в а т е л ь : — Из ваших слов следует, что вы снимаете с себя всякую ответственность за случившееся?

Ч а р у с т и н : — Всякую, нет! А что касается заключения комиссии, что причиной катастрофы был некачественный металл на трубах, это я отвергаю категорически. Оно неосновательно и, я бы даже сказал, технически безграмотно!

С л е д о в а т е л ь : — Что же вы считаете причиной катастрофы?

Ч а р у с т и н : — Насколько мне известно, по настоянию председателя технической комиссии Баландина я был отстранен от участия в работе этой комиссии. Я не получил и возможности осмотреть место возникновения прорыва нефтепровода. Поэтому я не могу сейчас дать сколько-нибудь точный ответ на этот вопрос».

На этом допрос Чарустина закончился.

Меня в протоколе допроса Чарустина заинтересовала одна фраза следователя: «Вы жестокий человек, Чарустин!» Фраза, которую я услышал от Баландина. Тот факт, что трубы в ФРГ принимались Чарустиным и укладывались им здесь в нефтепровод, мог быть установлен и следователем. Но эта фраза указывала на то, что Баландин успел побывать и у следователя и произвести на него некое впечатление.

Активность Баландина начинала меня настораживать.

Прокуратура вызвала на допрос свидетеля Осипова. Нужно было время, чтобы он прибыл в Энск.

Я получил ответ от Снеткова на мой запрос. Ответ неутешительный. Ни в одном из описаний монастырей и церквей, хранящихся в Ленинской библиотеке, он не встретил упоминания монастыря «Сосновская Пустынь». Он рекомендовал обратиться в Краеведческий музей. Монастырь мог значиться под другим названием.

В музеях всегда можно найти любителя родного края, увлеченного повествователем о местных событиях, своего рода фанатика, в хорошем смысле этого слова.

Сергей Аполлинариевич Кокошников, работник музея, экскурсовод, бессменный глава всех экспедиций по родному краю. Именно к нему нас сразу направила дирекция музея. Высокий, худой, с седой бородкой, он провел нас по залам музея. Чувствовалось, что он часами может рассказывать об экспонатах, расположенных в любом зале. Мы спросили о монастыре в Сосновской Пустыни. Тут же все и разъяснилось. Сосновская Пустынь образовалась в начале XIX века. В пору увлечения церковников старчеством там поселился монашек, старец. Село и нарекли Со-

сновская Пустынь. А до этого село называлось Поречьем... Остатки монастыря восходят к XII веку. Разрушен монастырь в 1237 году Батыевыми полчищами, сожжен и в землю втопан. Возродился как монастырь Иоанна Предтечи. На старом фундаменте поставили деревянные стены. Опасность набегов кое-чему научила. В старинных рукописных книгах встречались указания на то, что монастырь был превращен в степную крепость. Крепость выдерживала осады и не раз горела. Монахи рыли подземные проходы из монастыря в лесные урочища и к берегу реки. Через эти проходы во время осады они и воины покидали монастырь, когда загорались деревянные стены.

Полистал я и рукописную книгу, в которой в XVII веке производилась опись всего церковного землевладения. Указывалось в этой книге, что монастырь последний раз был разрушен татарским набегом уже после Куликовской битвы, когда хан Едигей двигался в поход на Москву.

Пришлось заказать фотокопию с этой старинной рукописи.

Итак, легенда о подземных переходах подтвердилась.

Проливала ли она свет на наше дело? Пожалуй, да.

На этот раз я и Марченко сами решили пригласить Баландина. О подземных переходах техническая комиссия, видимо, ничего не знала. Могли ли подземные переходы повлиять на провис нефтепровода? Почему геологическая разведка не предупредила об опасности подземного обвала? Что могло явиться его причиной? Течь в нефтепроводе, пожар и взрыв, или могли быть какие-либо другие причины обвала, предшествующие разлому трубы? Не разломилась ли труба из-за подземного обвала?

К этому моменту Марченко провел еще одно исследование. Его работники побеседовали с руководством колхоза, с трактористами, которые пахали землю возле нефтепровода. Трактористы — люди технически грамотные. Кое-что удалось узнать. Над нефтепроводом лежала земляная гряда. Она заросла бурьяном, бурьян укрепил ее. При вспашке гряды не

трогали. Но через нее неоднократно переезжали трактора. Гряда была довольно высокой. Каждый раз не с руки было перекатываться через нее по новому следу. Поэтому пробили и утоптали проходы. Трактористы нанесли на карту места, где чаще всего переезжали. В весновспашку, при подъеме зяби трактора здесь проходили по несколько раз в день. Провозили этим проходом грузовые машины зерно от комбайнов, проходили по нему и комбайны.

Появилась версия: если под нефтепроводом залегала пустотная полость подземного перехода или подземной речки, то от тяжелых тракторов возникали вибрация и добавочные давления, пустотная полость могла обрушиться, земля под нефтепроводом рухнула в провал. Труба зависла над пустотой. Повторяющиеся нагрузки давили на трубу, труба прогибалась. Это версия нуждалась в технической проверке.

Нужно было заключение специалистов.

Вот я и Марченко решили посоветоваться с Баландиным как со специалистом. Баландин вошел в кабинет оживленный, быстрый, но с печатью усталости и озабоченности на лице.

Марченко раскрыл папку и, не поднимая на него глаз, сухо спросил:

— Николай Николаевич, вы изучили документы геологической разведки?

Баландин устало откинулся на спинку кресла.

— Всю документацию просмотрел вдоль и поперек. Все до строчки. Результаты геологической разведки были положительными.

— Скажите, при изучении этих документов у вас не возникло каких-либо сомнений?

— Никаких!

Марченко поднял взгляд на Баландина.

— Это положение члены технической комиссии так же, как и вы, будут отстаивать?

— Безусловно!

— Вы проводили осмотр образовавшегося провала под нефтепроводом в месте прорыва разлома трубы?

— Сам туда спускался... Взрывом вырвало землю и выкинуло на поверхность. Там же все черно возле этого места! Земля горела. Нефть сочилась в песок.

Образовалось скопление газов. Взрыв там должен был произойти огромной силы.

— Вы совершенно исключаете возможность несколько иного развития событий. А если предположить, что под нефтепроводом, под трубой, на некоторой глубине была пустота. Нечто похожее, скажем, на подземную речку... Что тогда?

Баландин перебил Марченко.

— Должен заметить, подземные родники в этой местности не исключаются. Но подземные реки в песчаном грунте сочатся, фильтруются сквозь песок, не образуя подземных коридоров и пустот. Подземные пустоты и коридоры могут встречаться в каменных кряжах.

Марченко начертил на листе бумаги две линии нефтепровода, пересек эти линии двумя другими. Протянул его Баландину.

— А если бы вот таким образом линия нефтепровода была внизу пересечена подземным ходом, подземной пустотой, подземной речкой? Могло бы это повлиять на разлом трубы?

Баландин посмотрел на чертеж и пожал плечами.

— Нет! Для этого подземный ход должен иметь не менее десяти метров в ширину.

— А если бы подземный ход шел вдоль трассы?

— Он был бы обнаружен геологической разведкой.

— Обязательно обнаружен?

— Обязательно! Подземные воды не могут в песчаном грунте образовать полости. Это исключено!

— Ну, а искусственный подземный ход?

— Кому он здесь мог бы понадобиться? Кто его мог сделать? Зачем?

— Давайте рассмотрим этот вопрос пока чисто теоретически. Предположим, что такой подземный ход под трассой нефтепровода существовал. Могло ли это стать причиной разлома трубы?

— Я не понимаю, для какой цели мы должны решать такого рода теоретическую задачу? Был подземный ход или не был?

— Мог быть...

— Мог и не быть! Любое из этих положений надо доказать!

— Да, это надо доказать, — согласился Марченко. — Предположим все же, что под трассой был подземный проход. Могло это быть причиной разлома трубы?

— При известных обстоятельствах, конечно, могло быть. При скоплении различных обстоятельств. При давлении на трубы, при размывке грунта подземными талыми водами...

Марченко остановил Баландина.

— Спасибо, вы ответили на наш вопрос. Мы вам ничего предлагать не имеем права. Но я вам посоветовал бы провести дополнительные технические исследования. Надо, чтобы все вопросы, возникающие при расследовании данного дела, получили исчерпывающий ответ.

Баландин встал.

— Я обещаю вам и на эти вопросы дать исчерпывающие ответы.

5

Итак, что же прояснилось в этой истории?

Начинали мы с показаний Эрвина Эккеля о вербовке Чарустина. Разразилась катастрофа, прямо связанная со служебной деятельностью Чарустина. Техническая комиссия в своих выводах указывала на него как на виновника катастрофы. Председатель технической комиссии, ответственный работник министерства, явился официально в областное управление Комитета государственной безопасности с заявлением о «неправильном поведении Чарустина за границей». Ко всему этому Баландин вообще ставил под сомнение моральный облик Чарустина: комбинация с получением кандидатской степени, развод...

Оставалось еще одно сомнительное звено. Легенды о подземных переходах из древнего монастыря и подозрение, что под нефтепроводом мог быть подземный ход. Каменная кладка, обнаруженная в провале под нефтепроводом, не могла быть основательным доказательством версии о подземном ходе. На оперативном совещании нашей группы раздались голоса, советовавшие истребовать дело из прокуратуры

и поставить перед прокурором вопрос об аресте Чарустина.

Для меня и для Марченко вопрос еще так не стоял. Мы ждали ответа на запрос из Германской Демократической Республики. Мы просили наших коллег еще раз обстоятельнее допросить Эрвина Эккеля о вербовке Чарустина.

Надо было дожидаться ответа на вопрос, поставленный нами перед технической комиссией; мы ожидали и приезда геолога Осипова.

Позвонил я еще раз и Снеткову, сообщив ему, что надо искать не монастырь Сосновская Пустынь, а монастырь Иоанна Предтечи.

Оставалось только ждать...

6

В послевоенные годы зачастил в Германскую Демократическую Республику гость из ФРГ Эрвин Эккель. Он приезжал к своему престарелому родственнику, проживающему на скромную учительскую пенсию в тихом провинциальном городке. В документах, которые подавались для получения разрешения на въезд в ГДР, он называл себя инженером-экономистом крупной западногерманской торговой фирмы.

Границу он почти всегда пересекал налегке. Небольшой баул из крокодиловой кожи с туалетными принадлежностями, сменой белья и чемодан с подарками родственнику. Подарки скромные. Бутылка редкого вина, какие-нибудь консервные новинки, всякого рода сувениры.

На вокзале его встречал Эдгар Эккель. Они чем-то были даже похожи. Оба высокие, худые, медлительные. Они очень сдержанно здоровались, брали такси и ехали на окраину городка.

Эдгару Эккелю было под семьдесят, Эрвину Эккелю — под шестьдесят.

Вечерами они выходили на прогулку, медленно шли, опираясь на одинаковые трости. Эдгар Эккель носил темные очки, Эрвин Эккель на прогулках обходился без очков. Он стрижен под бобрик, Эдгар — лысоват.

Эрвин Эккель гостил у своего родственника три—четыре дня, потом уезжал. Следовала та же сдержанная церемония прощания на вокзале.

Общественное лицо Эдгара Эккеля не вызывало никаких сомнений. Он всю свою жизнь провел в городке. Родился в семье пастора, учился, закончил университет, преподавал древние языки и историю. В тридцать пятом году он имел крупные неприятности. В чем они заключались — никто не знал. Он был отстранен сначала от учительской работы, а потом подвергнут превентивному аресту без предъявления обвинения, а затем исчез из городка на три года. Вернулся. Но в те времена ни одной душе не поведал, где пропадал. Уже после войны властям Германской Демократической Республики дал показания, что в тридцать пятом году без суда и следствия его заточили в концлагерь Эстервеген. Он также показал, что на его глазах умирал от истязаний в Эстервегене писатель Карл фон Осецкий, лауреат Нобелевской премии... Также ничего ему не объяснив, его выпустили из лагеря, взяв подписку, что он никогда и нигде не будет рассказывать об Эстервегене и обо всем, что с ним происходило. Ему тогда же разрешили вновь вернуться к учительской работе.

Долгое время визиты его родственника из Западной Германии не вызывали никаких подозрений...

В разное время, в разных административных учреждениях Германской Демократической Республики были обнаружены странные документы. Это были распоряжения различных правительственных учреждений, получаемые по почте. Эти распоряжения вызывали недоумение. Одно противоречило другому, одно исключало другое. В банки приходили телеграфные распоряжения о выдаче крупных кредитных сумм различным предприятиям без каких-либо заявок с этих предприятий. Кое-где успели выполнить эти распоряжения, где-то подвергли их сомнениям, но и только. Предписания были оформлены правильно, стояли на них все положенные подписи.

Распоряжения и предписания приходили в почтовых конвертах перепечатанными на пишущей машинке. Органы безопасности интересовались этими документами. Проверка сразу же показала, что

распоряжения и предписания, а также ряд телеграмм в банки были искусно сфабрикованными фальшивками. Цель этого «творчества» не вызвала сомнений. С помощью фальшивок кто-то пытался внести хаос и неразбериху в работу административных учреждений. Надо было искать машинку. И нашли...

Эдгар Эккель обратился в муниципалитет за разрешением подключить свой сад к городскому водопроводу. Заявление его было отпечатано на машинке. Кому-то шрифт машинки показался сходным со шрифтом фальшивок. Заявление было доставлено в органы безопасности. Экспертиза немедленно установила, что фальшивки печатались на той же машинке, на которой печаталось заявление Эдгара Эккеля. Так попали в орбиту внимания визиты его родственника из Западной Германии.

Остальное дело техники...

Прибыл в очередной вояж Эрвин Эккель. Лишь только он пересек границу, последовал сигнал в городок, где жил Эдгар Эккель. К Эдгару явились сотрудники органов безопасности. Пока поезд с Эрвином шел от границы в глубь страны, в доме Эдгара шло выяснение, как появлялись фальшивки.

Эдгара Эккеля попросили показать пишущую машинку, на которой было отпечатано его заявление.

Он спокойно провел контрразведчиков в большую и светлую комнату. Он ее назвал комнатой брата. На столе стояла пишущая машинка. Сверили шрифт — совпадает.

Эдгар сказал, что Эрвин приезжает к нему в свободное время писать мемуары, писать дома он боится. В углу комнаты стоял сейф. Эдгар объяснил, что брат хранит в нем свою рукопись. Машинкой этой он, Эдгар, никогда не пользовался. Несколько дней тому назад сломалась буква на его машинке, и он решил написать заявление на машинке Эрвина, не усматривая в этом ничего предосудительного.

Решили вскрыть сейф. Сразу же начались сюрпризы. Вскрывали сейф специалисты с большими предосторожностями. И не напрасно. Замок сейфа был заминирован. Мину обезвредили. В сейфе рукописи не обнаружили, зато нашли множество заготовок для фальшивок.

На этот раз Эрвина Эккеля на вокзале встретил не Эдгар, а сотрудники органов безопасности. Был арестован и Эдгар Эккель. Он сразу же начал давать показания.

Да, он имел основания не верить Эрвину Эккелю, но о том, что тот печатал на машинке фальшивки, не знал. Этому можно было поверить, иначе Эдгар Эккель не решился бы воспользоваться его машинкой.

Далее Эдгар показал, что Эрвин на самом деле не состоит с ним в родстве, что он присвоил себе имя его двоюродного брата, погибшего на Восточном фронте. Настоящее имя Эрвина — Курт Ханс Фишер. Познакомились они в концлагере Эстервеген...

В 1933 году Курту Фишеру было девятнадцать лет. Отец его содержал мясную лавочку на одной из улочек во Франкфурте-на-Майне. Торговля шла трудно, еле-еле удавалось сводить концы с концами. Приказчика не держали. За прилавком с пятнадцати лет стоял Курт. Он же разносил товары по домам богатых заказчиков.

Лавчонка в полуподвале, взгляд целый день на улицу из полуподвального окошка на ноги прохожих, на мелькавшую мимо жизнь. В особняках, куда приходилось относить заказы, — второй этаж жизни, а к верхним этажам и взгляд не проникал.

В те годы начиналось повальное заболевание «вещью», рынок был завален соблазнительными товарами, горели приманчиво огни ресторанов и ночных заведений, на голову обывателя обрушивались невиданные дотоле зрелища с острой приправой.

Молодой приказчик из мясной лавчонки жаждал приобщения к общему празднеству, но билет на это празднество стоил слишком дорого.

Для того, чтобы что-то иметь, надо было отнять у других, но на пути этой простейшей комбинации стояли уголовные законы. А Курт был трусоват для того, чтобы идти на прямой конфликт с законом. Фигура полицейского вызывала у него оторопь. И вдруг освобождение, полное освобождение от ответственности перед законом, перед совестью, перед богом, перед людьми. Кто-то другой брал на себя ответственность; высвобождая энергию зависти и влобы.

На площади во Франкфурте-на-Майне перед зданием городской ратуши с трибуны, осененной невиданными раньше знаменами с черной свастикой, человек произносил речь во всеуслышание, не таясь и не скрываясь, а даже под охраной полицейских. Он призывал уничтожать и истреблять... Кого уничтожать и истреблять, девятнадцатилетний Курт Фишер не очень точно представлял, но призыв к разбою звучал, и он принимал этот призыв.

Это была знаменитая речь Геринга 3 марта 1933 года.

Мы можем обратиться к документам и восстановить ее ударное содержание. «Соотечественники! — восклицал Герман Геринг. — Мои мероприятия не будут ограничены какими-либо юридическими соображениями. Мои мероприятия не будут иметь ничего общего с бюрократией. Здесь я не собираюсь соблюдать справедливость, здесь я должен лишь уничтожать и истреблять, и ничего более! Эта борьба, мои соотечественники, будет борьбой против хаоса, и такую борьбу я буду вести не только теми средствами насилия, которые имеются в распоряжении полиции. Пусть этим занимается буржуазное государство. Разумеется, я буду до конца использовать средства насилия, имеющиеся в распоряжении государства и полиции, с тем чтобы вы, господа коммунисты, не сделали неправильных выводов, но борьбу не на жизнь, а на смерть, в которой я разможжу вашу голову своим кулаком, я буду вести вместе с теми, кто стоит здесь, внизу, с теми, кто в коричневых рубашках».

Именно эта речь, как указал Курт Фишер на допросе в органах безопасности ГДР, и была для него толчком к вступлению в легион «коричневорубашечников».

Он добавил, что после речи он оказался в двух шагах от Геринга. Геринг обнял за плечи двух подростков и сказал:

— Я завидую вам здоровой завистью. Мы прокладываем путь, мы совершаем черную работу по очистке человека от совести, от страха, от жалости, от всего этого хлама, которым забиты мозги. Мы будем работать мечом и кулаком, а вы увидите тот мир, который будет построен по высшей справедливости.

востях: выживает только сильнейший, у кого крепче мускулы, у кого острее зубы и зорче глаза!

Курту Фишеру не понадобилось оттачивать зубы, они у него оказались острыми.

Он покинул полуподвальчик на тихой улочке, дорожка привела его охранником в лагерь Эстервеген.

Здесь и зубы, и кулаки пошли в ход. Он понял, что от него требуется, он видел, что исполнение требований ведет по лесенке вверх. В Эстервегене он помогал на допросах... По знаку допрашивающих набрасывался на жертву, бил, крушил, «уничтожал и истреблял».

Иногда ему представлялась возможность потренироваться и в одиночку. Он вызывал на выбор кого-нибудь из заключенных и добивался признаний от заключенного в любом преступлении, которое сам же и придумывал.

Так они встретились с Эдгаром Эккелем.

Протокол, зафиксировавший этот допрос, не сохранился. Но память удерживает подробности в минуты крайнего нервного напряжения надежнее всякого протокола.

Эдгар Эккель рассказал, как с ним поигрывал Курт Фишер.

Падение человеческой личности в бездну — предмет для изучения психологов. Отклонение от психических норм? Нет! Не сумасшествие, система мышления, может быть, пробужденные темные инстинкты. Зверь носит шерсть наружу, человек может отрастить шерсть внутри.

Курт Фишер предложил Эдгару на выбор несколько вариантов признания. Хочешь — признаешься в своем еврейском, неарийском происхождении, хочешь — в том, что убил функционера Национал-социалистической партии, хочешь — в принадлежности к коммунистической партии. Он так и спросил:

— Какое признание из тебя вытянуть?

Эккелю не повезло. По существу, это был первый его допрос. До этого ему никаких обвинений не предъявлялось. Был арестован, доставлен в лагерь без объяснения причин. Учитель, воспитанный на немецкой классике, взирал с удивлением на своего па-

лача. Он шел на допрос в надежде, что вот теперь-то разберутся во всем, как положено, и вдруг такая нелепость.

— Учитель? — спросил Фишер. — Убийство для тебя самое подходящее дело. Рассказывай, как убивал функционера нашей партии? Отвечай: где и когда совершил преступление?

— Я... я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете?! — ответил Эккель.

Тут же последовал страшный удар дубинкой по лбу и Эккель свалился на пол...

Словом, в конце допроса он подписался подо всем, что пожелал ему вменить в преступление Фишер.

Палач обычно начинает ненавидеть свою жертву, ненавидеть за обиды, что ей причинил, за укоры своей совести.

Фишер частенько стал вызывать на допрос Эккеля, каждый раз придумывая ему новое преступление, добиваясь пытками признания и уничтожая потом эти признания.

Но что-то само собой свершилось в деле Эккеля и его выпустили.

Фишер, выпуская Эккеля, вынудил его дать подписку не только не разглашать все, что он видел, но и обязательство помогать ему, Фишеру, когда бы он этого ни потребовал.

Шли годы. Фишер поднимался по своей «палаческой» лесенке, правда, высот особых не достигнув, поэтому пришлось причаститься и к ужасам в России. Опыт его службы в концлагерях был принят во внимание. В действующие части он не попал, его направили на формирование карательных отрядов и легиона из уголовников, контрреволюционных недобитков, оставшихся в России после революции.

Расстрел мирного населения на юге России принес ему известность. Имя Фишера попало в списки Чрезвычайной комиссии по расследованию зверств немецких оккупантов. Советским военным трибуналом Фишер заочно был приговорен к смертной казни.

Приговор был опубликован в газетах. Окольными путями газета с приговором Советского военного трибунала попала сначала в руки командования карательным легионом, а затем и в руки Фишера. Сна-

чала этот приговор звучал для Фишера как признание его «подвигов», придавая ему вес в глазах коллег и начальства. Шло время. Под ударами Красной Армии захватчики откатывались на запад.

Тайком от своих коллег по кровавым делам Фишер чаще и чаще заглядывал в газету со смертным приговором. Война стремительно подкатывалась к границам Германии. Фишер поторопился перебраться в западные районы страны. Конец войны застал его в Западной зоне оккупации. Он затаился, но ненадолго.

В 1948 году его разыскали. Он получил письмо из конторы Рейнера Хильденбранда. Контора имела на первый взгляд безобидную вывеску. Она именовалась «Служба розыска».

Но все дело в том, кого и для каких целей разыскивать. «Служба розыска» открылась якобы для того, чтобы помочь немцам найти своих родственников, близких, друзей... Но за этим гуманным делом скрывалось нечто иное. Рейнер Хильденбранд разыскивал бывших нацистов, эсэсовцев, военных преступников.

Фишер получил от Хильденбранда заманчивое предложение работать на новых хозяев. Но для этого ему надо было переменить имя и составить более или менее приемлемую легенду для легализации. Вот тут Фишер и вспомнил об Эдгаре Эккеле. Несмотря на невзгоды, на частые переезды, он сохранил расписку Эккеля. Навели справки через ту же контору по розыску и установили, что Эккель проживает на территории Германской Демократической Республики, работает учителем в школе. Не составило труда установить, что у Эккеля был двоюродный брат Эрвин Эккель, которого считали пропавшим без вести...

Эдгар Эккель получил любезное письмо из конторы Хильденбранда с просьбой дать сведения о своем брате. Он ответил на письмо в надежде, что запрос был не случаен и он получит какие-то сведения о погибшем. Он даже надеялся, что брат вдруг окажется жив.

Вскоре Эдгар Эккель получил сообщение, что брат его жив, его приглашали на свидание в Западный

сектор Берлина. Эдгар поехал и встретился с Фишером.

Эдгару некуда было отступать. Он знал и помнил повадки палачей. Требовалось же немного: признать Фишера родным братом и изредка принимать его у себя в доме...

Из Германской Демократической Республики нам прислали фотографию Курта Ханса Фишера.

Бесцветное, невыразительное лицо. Залысина надо лбом. Темные жесткие глаза на серой фотографии глубоко провалились, не испуг, нет, в них что-то мрачное, что-то от бездны, — жесткие глаза. Этот человек мог растоптать душу Эдгара Эккеля, наполнить ее страхом, мог запугать и подчинить себе.

Спрашивается, как же смог такой Курт Фишер выйти на психологический поединок с Чарустиным? Чем он мог бы взять Чарустина, если бы тот сопротивлялся? Какие бы убедительные доводы он нашел для него, чтобы склонить на свою сторону?

Запугать? Чем? Я не раз вчитывался в показания Фишера, желая получить ответы на эти и многие другие, возникшие у меня вопросы. Вот выдержка из показаний арестованного Фишера:

«Инженер Чарустин давно привлек наше внимание. Мне было дано поручение заняться Чарустиным.

С л е д о в а т е л ь : — Кто вам дал такое поручение?

Ф и ш е р : — Офицер Бундеснахрихтендинст, в сокращении «БНД».

С л е д о в а т е л ь : — Офицер какого подразделения?

Ф и ш е р : — Я работал в той области, которая контролировалась представительством «БНД» под кодовым названием «Уран».

С л е д о в а т е л ь : — Кто руководит «Ураном»?

Ф и ш е р : — Господин Хейнрихс. Его кличка Хафнер, цифровой псевдоним «№ 29-72».

С л е д о в а т е л ь : — Он лично вам давал это поручение?

Ф и ш е р : — Нет! Личных встреч с Хейнрихсом я не имел. Мне передавались поручения через связанного агента под кличкой «Шварц». Настоящее имя его мне неизвестно. Встречи наши происходили обычно на конспиративной квартире.

С л е д о в а т е л ь : — Сообщите адрес конспиративной квартиры.

Ф и ш е р : — Бад-Годесберг, Потцштрассе...

С л е д о в а т е л ь : — Итак, вы утверждаете, что некий Шварц дал вам указание присмотреться к советскому инженеру Чарустину. Для какой цели?

Ф и ш е р : — Я немного знаю русский язык. Я работал в сфере обслуживания советских людей...

С л е д о в а т е л ь : — Что значит сфера обслуживания?

Ф и ш е р : — Это наше внутреннее обозначение. Это значит, что я выполнял указания БНД в отношении советских людей.

С л е д о в а т е л ь : — Итак, разведка Федеративной Республики Германии ставит перед своими агентами какие-то задачи относительно советских людей, приезжающих в страну. Что это за задачи?

Ф и ш е р : — Это целая серия мероприятий... Она носит у нас кодовое название «Индекс». Мы изучаем работников советских представительств, прослушиваем их разговоры, ведем запись телефонных переговоров, стараемся узнать все, что возможно, о их личной жизни, наклонностях, пороках, слабостях. Сюда же входит и изучение советских людей для возможной вербовки.

С л е д о в а т е л ь : — Почему ваше руководство заинтересовалось Чарустиным?

Ф и ш е р : — Эти подробности мне неизвестны. Мне было поручено установить за ним слежку, изучить его на предмет вербовки.

С л е д о в а т е л ь : — Кто должен был вербовать Чарустина?

Ф и ш е р : — Это было поручено мне, и я завербовал его.

С л е д о в а т е л ь : — Расскажите подробнее об этом.

Ф и ш е р : — О, эти вещи сразу не делаются! Прежде всего я изучил наше досье на господина Чарустина. В досье указывалось, что он коммунист, инженер, ответственный работник и неженатый человек. Мы решили подыскать ему женщину. Господин Чарустин очень плохо знал немецкий язык и хорошо — английский. Это облегчало задачу. С русским языком

у нас всегда трудности. Мы нашли Гертруду Ламердинг, девушку из благопристойной семьи...

С л е д о в а т е л ь : — ...которая согласилась на столь нечистоплотную работу?

Ф и ш е р : — Раньше из гитлерюгенд на такую работу шли из преданности фюреру и Великой Германии. Теперь это стоит денег...

С л е д о в а т е л ь : — Из какой она семьи?

Ф и ш е р : — Ламердинг... Боюсь, я здесь запутаюсь... Она не может быть дочерью фон Ламердинга. Она интересная, молодая, незамужняя женщина. Чарустину представили ее как переводчицу. Она начала с ним работать.

С л е д о в а т е л ь : — Вы ожидали повторного приезда Чарустина?

Ф и ш е р : — Он не скрывал, что приедет. В свой первый приезд Чарустин договаривался с фирмой о распределении заказов на трубы. Во второй приезд переговоры продолжались. Начали поступать первые партии труб. Он прожил на этот раз в Западной Германии почти месяц. Гертруда оставалась его переводчицей. Она сопровождала его в поездках по музеям, по городу... В общем, женщины умеют залезать в постель к мужчине, когда это хорошо оплачивается. Инженер Чарустин съездил на родину и вскоре приехал принимать партию труб. На этот раз мы встретили его во всеоружии. Пропагандировать его мы не собирались. Это обычно очень хлопотливо и редко дает результаты. Предложить деньги — слишком рискованно. Мы решили снять на кинопленку его похождения с Гертрудой. Однажды, явившись к нему в номер, я предъявил ему эту кинопленку. Инженер Чарустин стоял перед выбором: или общественный скандал с публикацией в газетах снимков, либо... Он предпочел сотрудничество с нами.

С л е д о в а т е л ь : — Какие вы ему поставили задачи?

Ф и ш е р : — Это уже было не по моей части. После вербовки Чарустина я и Гертруда отошли от него.

С л е д о в а т е л ь : — С кем вы его связали?

Ф и ш е р : — И это не по моей части. С кем он был потом связан — мне неизвестно.

К протоколу допроса Фишера прилагались некоторые документы, как некоторые штрихи к его портрету.

Комендант концентрационного лагеря Эстервеген.
«Концентрационный лагерь. Эстервеген, 1 марта 1942 года.

СЕКРЕТНО!

Имперское Министерство юстиции.

Лично г-ну старшему инспектору юстиции Кину или его заместителю.

Берлин,

Вильгельмштрассе, 65

В феврале месяце 1942 года были казнены 245 человек палачом Фишером.

Оберрегирунгсрат

Подпись».

Приказчик из мясной лавки в полуподвальном этаже. Крики толпы у ратуши, хриплый и чуть визгливый голос «толстого» Геринга, «здоровая зависть» нацистского вожака к «молодой поросли»...

Фигура Курта Ханса Фишера дальнейших исследований не требовала.

Наши друзья прислали и фотографию Гертруды Ламердинг. Как говорится, на всякого мудреца довольно простоты. Ее портрет был выставлен на витрине фотоателье. Реклама мастерства фотографа в изготовлении настольных портретов. Размер 19 X 24. Отличная фотография. Молодая женщина чуть склонила голову. Светлые распущенные по плечам волосы. Чуть не в фокусе очертания головы и овал лица. Фокус на профиле и глазах. Влажные большие глаза чуть задумчивы.

На обратной стороне фотографии: «Настоящим удостоверяю, что на этом снимке есть изображение Гертруды Ламердинг, агента группы «Нейтрон», входящей как подразделение в группу «Уран», возглавляемую Хейнрихсом. Курт Ханс Фишер».

Подпись руки Фишера удостоверялась следователем.

* * *

После уточнения названия монастыря Снетков вернулся к поискам в Ленинской библиотеке и кое-что обнаружил. В 1878 году Археологический кабинет при Святейшем Синоде вел раскопки в Приреченске. Искали остатки знаменитого когда-то монастыря. К описанию раскопок были приложены карты местности и чертеж подземных переходов. В отчете рассказывалось подробнейшим образом, как при помощи глубоких шурфов были установлены подземные проходы из монастыря. На карте отмечалось три подземных хода. Были прослежены их направления. Но на этой карте не был отмечен подземный ход в том месте, где пролегал аварийный участок нефтепровода.

На оперативном совещании вновь встал вопрос о возбуждении уголовного дела против Чарустина и его аресте.

В принципе не отвергая этого предложения, я оставил за собой право подумать несколько дней и после этого принять решение.

7

Есть в нашей работе законы, закрепленные процессуальным кодексом, есть и законы чести и совести. Одно показание. Чье? Врага? Почему мы должны верить врагу, тщательнейшим образом не проверив его показаний?

По неписаному закону, по закону чекистской чести и совести я считал арест Чарустина преждевременным. Мы не утвердились во мнении, что Чарустин изменник, что он изменил Родине, что это явилось причиной катастрофы на нефтепроводе. Я искал новые доказательства, которые бы убедили меня в его виновности или опровергли показания Фишера.

Если принять, на одну минуту, за истину показания Фишера, то западногерманская разведка завербовала советского инженера Чарустина, имеющего доступ к промышленным секретам. Вербовка такого

агента — большая удача. Он может работать годы, поставляя секретную информацию, ценность которой во много раз превышает эффект от диверсий. Если рассматривать пожар на нефтепроводе как диверсию, то диверсия эта, конечно, не из значительных. Если встать, на минуту, на позиции БНД, то ее руководители в данном случае действовали крайне расточительно и неосмотрительно. Диверсия или несчастный случай такого порядка привлекают внимание ко всем лицам, прикасавшимся к строительству нефтепровода, что может привести к разоблачению агента.

Диверсия и вербовка. Поначалу это связывалось в один узелок. Когда мы узнали некоторые подробности о вербовке, этот узелок развязывался и одно с другим не сходилось.

Что же делать?

Еще раз допросить Фишера? Попросить доставить его в Советский Союз и самому допросить? Я высказал руководству свое желание встретиться с Фишером, но особых надежд на эту встречу не возлагал. Не верить его показаниям особых оснований не было. Гертруда — вот кто еще мог бы подтвердить или опровергнуть показания Фишера. Но она живет в ФРГ и ее не допросить. Допрашивать же Чарустина сейчас было бы тактически неверным шагом.

В вечерний час я вышел пройтись по городу. Город незнакомый, но расположение главных улиц я уже знал. Мне было все равно куда идти, но влекло к Чарустину, к дому, где он жил.

Стандартный типовой дом нового жилого квартала. Внизу «Гастроном». Я зашел в магазин, осмотрел прилавки, вышел. В сквере возле дома присел на скамейку.

Посреди сквера детская площадка. Там резвились самые маленькие жители города. Качались на качалках, возились в ящике с песком. Я смотрел на окна дома. Здесь он живет, здесь его дом, его мир, где он остается один на один со своей совестью.

Мои товарищи работали, собирая все, что можно было узнать в короткий срок об этом человеке. Мы не обошли вниманием и подсказки Баландина. В институт, где он защищал диссертацию, поехал наш сотрудник выяснить все, что можно об этой диссертации.

Консультировались наши товарищи и со специалистами, пытаясь выяснить, что могло быть основой конфликта между куратором и Чарустиным в московской аспирантуре. Нам надо было понять этого человека, воссоздать его моральный облик. Что, что привело его или могло привести к Фишеру?

Я задумался и не услышал шагов подошедшего ко мне человека. Раздался знакомый голос, я его слышал на пожаре.

— Вы ко мне, товарищ Дубровин?

Я оглянулся и встал. Передо мной стоял Чарустин. Высокий, полнеющий седой человек с усталыми карими глазами. Он осунулся за эти дни и даже угасла та тревога, которую я приметил у него на пожаре. Он весь как-то угас.

Неладно получилось, что он застал меня возле сзоего дома, я же не собирался за ним следить.

— Да вот, выдался свободный вечер...

Чарустин сочувственно улыбнулся.

— И вечер, и день — я всегда в вашем распоряжении. Я ждал.

— Вы ждали?

— Ждал! Мне известно, что Баландин настаивает на том, чтобы расследованием занялось ваше учреждение. К тому же у следователя прокуратуры я уловил некий оттенок подозрительности.

Он сам шел к нам навстречу. Это всегда интересно. Здесь может быть масса психологических оттенков. Например, прямой ход, попытка разведать боем, что нам известно. Обычное в таких случаях нетерпение.

— Вы один? — спросил Чарустин.

Опять крайне острый вопрос. Задавая этот вопрос, не высказал ли он опасение, что мы пришли за ним? Хм!

— Один! — ответил я Чарустину.

— Неофициальный допрос?

— Нет! Почему же... Расследование ведет прокуратура. Баландин действительно сделал нам некоторые представления. Но это же объяснимо, Василий Михайлович! Такое несчастье...

— Чем обязан я вашему визиту? — сухо и даже вызывающе сказал он.

Визита не было. Не объяснять же Чарустину, что ноги сами меня привели к его дому, а стало быть, и к случайной с ним встрече.

— Считайте нашу встречу случайной! — ответил я Чарустину.

Он грустно усмехнулся.

— Наш город невелик, а вы, товарищ Дубровин, в этом городе приметны. Поверьте, я не вижу ничего необычного в том, что катастрофой заинтересовалось ваше учреждение. Я рад, что встретил вас... Случайно! Я знаю, что у вас побывал Баландин. Он об этом всех и широко оповещал. Я ждал вызова — вызова нет. Самому идти — как будто бы и незачем... А надо бы! Надо! Баландин у вас побывал, в этом есть особенный смысл!

— В чем же вы видите особенный смысл?

— Мне кажется, что по своим особым причинам Баландин решил меня уничтожить... Мне надо бы с вами объясниться, поскольку вы причастны к расследованию причин катастрофы.

— Технические вопросы, товарищ Чарустин. Технические вопросы...

Чарустин сдержанно, но с подчеркнутой торжественностью поклонился.

— Прошу ко мне! В технических вопросах я могу быть полезен.

Пришлось принять приглашение.

Квартира на третьем этаже. Две комнаты. Кабинет и, наверное, гостиная. Мы прошли в кабинет.

Вдоль стен книжные стеллажи. Письменный стол, не очень просторный, да их сейчас и не делают большими и массивными. Над письменным столом фотографии двух ребятишек: мальчика и девочки.

Я мгновенно все это обежал взглядом и... Я не мог скрыть своего удивления. На столе стояла фотография. Точное повторение фотографии Гертруды, присланной нам органами безопасности Германской Демократической Республики.

Я постарался скрыть свое удивление и обострившийся сразу интерес к нашей встрече. Признаюсь, к такому варианту я был не подготовлен.

Вежливый хозяин пропустил меня вперед, поэтому он не видел моего лица в тот момент, когда я заметил на столе фотографию.

Мы сели к столу. Я попросил листок бумаги и высказал наше предположение о наличии подземного хода под нефтепроводом.

Чарустин внимательно слушал. Какого-либо облегчения я не заметил у него. И он не ухватился, как утопающий, за эту соломинку.

Когда я кончил, он с сомнением покачал головой.

— Легенда о подземных ходах возле монастырей — явление распространенное. Вы утверждаете, что есть документы о подземных ходах именно в этом монастыре. Может быть... Были, вероятно. Но это четырнадцатый век. С тех пор минуло более шестисот лет. Предполагаемый подземный ход лежит в пойме реки. Давайте прикинем, какой слой песка могла нанести за шестьсот лет Талица. Она только по виду скромная речушка... Я ее видел в дни разлива.

— На откосах видны камни. Можно предполагать, что она бежит по каменистому кряжу...

Чарустин покачал головой.

— Кремниевые прожилки и не более того. Песок. Талица в какой-то очень седой древности, вероятно, в меловой период, была дном моря. Вообще огромные площади этой области в меловой период были покрыты морем. Отсюда и пески. И не только по руслу Талицы. Со времен татарских нашествий здесь вырубались леса. В петровские времена отсюда брали дуб и сосну. В прошлом веке разорившиеся помещики продавали лес на выруб. Пески не дремали, они тихо накатывались под ветрами, которым открыло дорогу безлесье.

Чарустин начал что-то подсчитывать на бумажке и вдруг остановился. Внимательно посмотрел на меня и опустил глаза. По бумаге опять побежали цифры. Карандаш сломался от сильного и, пожалуй, нервного нажима.

Чарустин достал из кармана шариковую ручку. На листке выстроились колонки цифр. Пошла в ход логарифмическая линейка.

Я смотрел на него, пытаюсь угадать, всерьез все это или тонко рассчитанная игра.

Фотография Гертруды на письменном столе сразила меня, и я позволил закрасться подозрению в сердце, хотя на подозрения я не имел права, я должен был исходить только из фактов, только из реальной действительности.

— Я не хотел бы таких доказательств для своей невиновности, — сказал задумчиво Чарустин. — Вам известно, какое обвинение выставляется прокуратурой?

— Мне известен акт технической комиссии, — ответил я уклончиво.

— В прокуратуре ход рассуждения сводится к тому, что я получил трубы некачественного металла... Слово «диверсия» не произнесено, но оно как бы повисло невысказанным вопросом. Мне легко было бы ухватиться за эту версию... но! Подземный ход в песчаном грунте, в пойме реки не мог сохраниться на протяжении шестисот лет. Это исключено. Что там произошло? Почему получился провал? Выводы технической комиссии относительно причин взрыва придется мне оспаривать!

— А каменная кладка?

— Она о чем-то говорит... Но о чем? Техническая экспертиза вообще ничего не говорила о каменной кладке. Я буду настаивать на широких вскрышных работах. Может быть, что-то объяснит геолог... Но это все детали. Я отвечаю за эту аварию... Некачественный металл? Это я сразу категорически отвергаю!

Я указал на листок бумаги.

— Что говорят ваши расчеты?

— Они приблизительны. Нанос песка должен составить за шестьсот лет... Это горы песка! Нефтепровод лежит значительно мельче. Но мы можем идти и от обратного. Мог быть нанос песка, а могло быть и смывание песка. Тогда бы подземный ход открылся и следы его исчезли бы еще в семнадцатом столетии...

— А каменная кладка?

— Она меня и сбивает, эта каменная кладка! Нужны вскрышные работы...

Я встал. Чарустин проводил меня до двери. Я медленно спускался с лестницы.

Портрет Гертруды? Что должно означать это? Он же много ее старше. Лет на двадцать с лишним.

Портрет, конечно, дареный. Но это еще не обязывало поставить его на виду, на столе. Не для меня же поставил он его? Для тех, кто часто ходит в дом, для его приятелей это предмет интереса и прямых вопросов. Интересно, что он отвечает на такие вопросы? Любовь, разъединенная границами? Портреты переводчиц и просто приятельниц на стол не ставят. Ну, а если принять версию, которая основывается на показаниях Фишера?

Гертруда — важнейшее звено в вербовке. Гертруда — и причина, и повод для вербовки. Чем же и в этом случае она для него столь близка и дорога, что он оставил ее портрет?

Однако, если состоялась вербовка, то никакой речи о чувствах быть уже не может. К тому же вступают в силу иные законы, а по этим законам привлекать внимание к Гертруде он не имеет права. Но!..

С Гертрудой связано важнейшее звено в вербовке. Их свидания зафиксированы и не только БНД и Фишером, но и его спутниками по поездке в ФРГ. Даже имели место разговоры о странной их близости, о внеслужебных контактах.

Фишер, или скорее те, кто с ним связан, могли дать профессиональный совет Чарустину: поставить портрет Гертруды на стол, афишировать связь с ней ссылкой на чувства. Любовь в общем-то имеет право на нарушение государственных границ. Они могли предполагать чей-то вопрос Чарустину о Гертруде. Фотография, да еще и с дарственной надписью — готовый ответ на этот вопрос.

Стало быть, появление портрета на столе могло быть тонко рассчитанным ходом. Могло быть...

А как же на самом деле?

8

Наконец прибыл в Энск геолог Григорий Осипович Осипов. Молодой человек лет тридцати. Поезд пришел вечером. Осипов пришел в гостиницу и снял

номер. Весь вечер у него был свободным. Он провел его в ресторане при гостинице. Там в ресторане к нему подсел за столик Баландин.

Утром Осипов явился к следователю прокуратуры.

Выдержка из протокола допроса:

«С л е д о в а т е л ь : — Итак, вы ознакомились с заключением технической комиссии о причинах взрыва на нефтепроводе. Что вы по этому поводу могли бы заявить?

О с и п о в : — И многое, и ничего... Никаких существенных возражений против выводов технической комиссии я высказать не имею оснований. Когда я узнал о несчастье, я сразу подумал, что лопнул сварной шов.

С л е д о в а т е л ь : — Воображать ничего не надо. От вас мы хотели бы услышать, не вызвала ли у вас тревоги местность, по которой прокладывался нефтепровод? Не имелось ли каких-либо данных разведки, вызывающих опасения в возможности подземных обвалов, осыпей, оползней, проникновения подпочвенных грунтовых вод в зону нефтепровода?

О с и п о в : — Местность трудная. Трудная именно на этом участке нефтепровода. Об этом предупреждала разведка.

С л е д о в а т е л ь : — Конкретнее... О чем предупреждала разведка?

О с и п о в : — Прокладывая нефтепровод, строители обычно стараются выпрямить насколько возможно его линию. Но это не всегда возможно. Наша разведка предупреждает обо всех опасностях на пути нефтепровода. Русло реки Талицы мы считали трудным участком. Я написал заключение, что нефтепровод на этом участке проводить нельзя...

С л е д о в а т е л ь : — Кому вы написали такое заключение? Я такого заключения в деле не видел...

О с и п о в : — Не может этого быть! Я написал заключение, что в пойме Талицы возможны пробои из-за сильных подземных источников, что возможны обвалы в слоях юры, обнаженных смытием грунта талыми водами.

С л е д о в а т е л ь : — Я очень внимательно ознакомился со всей документацией. Этого заключения я не видел.

О с и п о в : — Я передал заключение начальнику строительства нефтепровода товарищу Чарустину. Он при мне написал на уголке свою резолюцию: «Внимание не принимать!». Он мне доказывал, что прочность труб нефтепровода гарантирует безопасность. Я потребовал его резолюции. Он при мне, повторяю, написал... Я не отвечаю за прочность нефтепровода, я отвечаю за прочность грунта. Он взял ответственность на себя.

С л е д о в а т е л ь : — Эта докладная шла под каким-нибудь номером? Результаты разведки, наверное, все нумеровались.

О с и п о в : — Акты разведки все нумеровались. Но акты носили чисто описательный характер грунтов. Это была докладная, написанная от руки. В ней я писал свой протест. Она не нумеровалась.

С л е д о в а т е л ь : — Вы не могли бы припомнить, какого числа была вами передана докладная?

О с и п о в : — Это вспомнить невозможно. Она, наверное, могла быть подписана тем же числом, что и акт разведки поймы Талицы.

С л е д о в а т е л ь : — Какого рода опасность вас беспокоила? Могли бы вы нам ее обрисовать?

О с и п о в : — Талые воды могли устремиться по кремнистым и глиняным слоям в грунте. Они могли размыть подземные протоки, что привело бы к обрушению земли под трубами нефтепровода. Трубы оказались бы без грунтовой подушки, они повисли бы в воздухе. Давление грунта, а также всякого рода посторонние толчки с земли могли поломать трубы. Промывы под землей могли оказаться довольно длинными и глубокими. Обо всем этом я указывал в докладной на имя Чарустина...».

Следователь предложил Осипову ознакомиться с образовавшимся провалом на месте катастрофы и высказать свое заключение о возможных причинах этого провала. Осипов ознакомился с провалом и дал свои показания, что именно такого рода промыва подземными водами он и опасался, когда писал докладную.

Мы с Марченко ждали результатов допроса Чарустина по показаниям Осипова. Баландин задержа-

вал ответ на поставленный нами вопрос. На месте прорыва нефтепровода велись большие вскрышные работы.

Из протокола допроса Чарустина:

«С л е д о в а т е л ь : — Вам известен Осипов Григорий Осипович?

Ч а р у с т и н : — Известен.

С л е д о в а т е л ь : — Следствие предъявляет вам показания Осипова. Ознакомьтесь с ними.

Ч а р у с т и н : — Я ознакомился и крайне удивлен.

С л е д о в а т е л ь : — Удивление — это область эмоций. Что вы можете сказать по существу показаний?

Ч а р у с т и н : — Я заявляю, что Осипов лжет!

С л е д о в а т е л ь : — Осипов, как свидетель, предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний.

Ч а р у с т и н : — Он не внял этому предупреждению. Осипов ни словом не обмолвился об опасности поймы Талицы для прокладки нефтепровода. Не говорил, а тем более и не писал. Никакой докладной с его протестом я не читал, не видел и никаких резолюций, стало быть, не накладывал. Если бы я получил такую докладную, если бы геологическая разведка возражала против прокладки нефтепровода в этих местах, мы провели бы дополнительные изыскательные работы. Или приняли бы меры против подземных промыслов, или изменили бы направление прокладки труб. Технически эта задача при современной технике не составляла особого труда и даже не влекла бы за собой особых затрат. Утверждение Осипова ложно.

С л е д о в а т е л ь : — Итак, вы полностью отрицаете факт представления вам докладной гражданином Осиповым?

Ч а р у с т и н : — Полностью! Осипов лжет!

С л е д о в а т е л ь : — Может быть, вы забыли? Постарайтесь вспомнить.

Ч а р у с т и н : — Я все отлично помню. Не было ни докладной, ни каких-либо заявлений Осипова об опасности для прокладки нефтепровода в пойме Талицы.

С л е д о в а т е л ь : — Мы вынуждены дать вам очную ставку с Осиповым!»

В кабинет следователя пригласили Осипова.

«С л е д о в а т е л ь : — Товарищ Осипов, на допросе вы показали, что предупреждали Чарустина об опасности прокладки нефтепровода в районе поймы реки Талицы и что по этому поводу вы писали ему докладную записку. Вы подтверждаете свои показания?

О с и п о в : — Я по этому поводу уже давал показания и настаиваю на них. Возможность размыва грунта, возможность подземных его промылов вынудили меня подать докладную записку товарищу Чарустину. Докладная была написана от руки в полевых условиях. Чарустин приехал на место геологической разведки. Дело происходило летом на берегу Талицы. Он вышел из машины. Я подал ему докладную...

Ч а р у с т и н : — Это ложь от начала до конца!

О с и п о в : — Вы достали из кармана ручку и начеркали резолюцию: «Во внимание не принимать!» Это же было, товарищ Чарустин!

Ч а р у с т и н : — Повторяю. Ничего подобного не было. Пусть Осипов назовет свидетелей!

О с и п о в : — Свидетелей, к сожалению, не было! И вы это прекрасно знаете, товарищ Чарустин!

Ч а р у с т и н : — Я не желаю больше слушать эту ложь и расцениваю показания Осипова как оговор».

Мы попросили Баландина провести дополнительное исследование в свете показаний Осипова. Он их провел. В заключении Баландина говорилось, что грунт в пойме реки Талицы содержал в себе опасность для прокладки нефтепровода, что разрыв труб мог произойти и от подземных обвалов и промылов.

Марченко созвал оперативное совещание. Надо было оценить весь материал по расследованию.

Докладывал Марченко. Мне хотелось послушать анализ собранного материала со стороны.

Марченко — человек сдержанный, хотя и южанин. Он не давал возобладать над разумом настроению.

Начал он с анализа материалов, присланных нашими друзьями из Германской Демократической Рес-

публики. Закончил он обзор показаний Фишера вопросом — верить этим показаниям или поставить их под сомнение? Фигура Фишера сама по себе не внушала доверия. Поэтому Марченко предложил еще раз перепроверить его показания. Портрет Гертруды у Чарустина он отнес лишь к категории косвенных доказательств. Этот портрет мог свидетельствовать лишь о том, что Чарустин действительно встречался с Гертрудой. Остальное он относил к области предположений.

Виновность Чарустина в катастрофе на нефтепроводе Марченко считал еще недоказанной. Перед показаниями Осипова остановился. Противоречие резкое, почти неразрешимое. Кому верить? Осипову или Чарустину?

Показания Фишера, характеристика, данная Чарустину председателем технической комиссии, — все это склоняло чашу весов в пользу показаний Осипова. Но разве дело состояло только в том, чтобы верить Осипову? Нужны были доказательства более материализованного порядка.

9

Василий Михайлович Чарустин. Все, что удалось собрать нашим товарищам, лежало передо мной.

Вот его автобиография, написанная при поступлении в институт. Она еще коротенькая и событиями не насыщена, поэтому ее автор отдает дань подробностям, которые впоследствии выпадают одна за другой, как маловажные.

Год рождения 1923. В институт Чарустин поступил в 1940 году. Здесь он больше рассказывает о родителях. Он пишет, что отец его работал егерем в охотничьем хозяйстве на севере Калининской области, а до этого был лесным объездчиком. Образование у отца четыре класса церковно-приходской школы, родился и вырос в сторожке лесника. Дед Чарустина охранял лесные владения крупного русского промышленника Рябушинского, а происходил из крепостных.

Итак, сын лесного объездчика, внук лесного сторожа. Стало быть, в этой семье никак не мог зародиться какой-либо протест против Советской власти.

Учиться Василий Чарустин начал в сельской школе. В первые классы ходил каждый день пешком четыре километра лесом. Дальше стало и того труднее. Поступил в пятый класс сельской семилетки и пешком приходилось ходить уже восемь километров. Два часа дороги в один конец.

Десятилетку кончал в маленьком поселке. Туда ходить было невозможно. С восьмого класса жил на квартире. Вот копия с аттестата. Все до одной отметки отличные. В семилетке он вступил в пионеры, в десятилетке — в комсомол. Детство прошло за школьной скамьей и в долгой пешей дороге. Мальчик из лесной сторожки, из глухого, хоть и не очень-то удаленного от Москвы, но в полном смысле слова медвежьего края. Зимняя тропинка в снегах через лес, распутица весенняя, разлив речушек, болотных заинок, а осенью дожди и дожди... Все преодолел! Приехал учиться в Москву... Горный институт. Потянуло к странствиям, к приключениям, к жизни первопроходчика. Романтика! Когда же она и где поблекла? Как он умудрился ее растоптать, или может кто-то другой постарался в этом?

На этом автобиография, которую он писал при поступлении в институт, заканчивалась.

Грянула война.

Здесь уже появляются документы, здесь автобиография, написанная им при вступлении в партию, при поступлении в другой институт после окончания войны, справки, характеристики, послужной список, наградные удостоверения.

Летом 1941 года год двадцать третий призыву не подлежал.

3 июля 1941 г. Чарустин поступает аппаратчиком на военный завод. Ему положена военная бронь, но в октябре месяце он идет в райком комсомола и добровольно уходит в истребительный батальон.

Еще не подошли сибирские полки и дивизии, они — эти комсомольцы — принимают удар танковых соединений. Горят немецкие танки от бутылок с горючей смесью, живые руки жгут немецкую технику. Насту-

пленение остановлено, враг поколеблен, и, наконец, обрушился первый и значительный удар на захватчика. В воинских соединениях началось переформирование. Чарустина направляют в десантную школу.

В сорок втором году он уже командир танка. Командовал тяжелым танком «КВ». Дважды горел в танках. Первый раз в дни Изюм-Барвенковской операции, второй раз — в ноябре сорок второго года, когда войска Донского фронта нанесли удар по окруженной группировке Паулюса в Сталинграде.

Участник знаменитой танковой битвы под Прохоровкой 12 июля 1943 г. Танки 5-й гвардейской танковой армии стремительным ударом пронизали строй немецких танков. На поле боя все смешалось. Рвалась броня. Танковые башни взрывами раскидывало по полю. Над землей стоял в полнеба черный дым. За участие в этом сражении Василий Михайлович Чарустин был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Заканчивает он войну командиром танковой роты. Два раза после тяжелых ранений лежал в госпитале. После второго тяжелого ранения в конце сорок четвертого года демобилизовался.

Институт. Студенческая жизнь в общежитии.

Стальными каркасами сшита эта биография. Даже там, где я с усилием над собой пытался разорвать сварные швы, они не рвались.

Что же за история с диссертацией, о которой нам рассказывал Баландин?

Здесь пока оставалось все неясным. Наши товарищи никак не могли найти объяснения истории конфликта с профессором в аспирантуре. Это можно было бы выяснить прямым вопросом, но для прямых вопросов время еще не наступило.

Единственное, что удалось получить — это характеристику Высшей аттестационной комиссии о том, что диссертация Чарустина отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации.

Семья... Что здесь случилось? Почему развод, почему брошены дети?

Бывшая жена его замужем, он не женат. Проще было бы все объяснить, если бы он второй раз женился.

Да, все эти вещи прямого отношения к делу не имели, но они могли воссоздать недостающие линии для обрисовки характера. Пока никак я не мог обнаружить подпорок для того мостика, который мог перекинуть к нему Фишер. Не обнаружив их, не обнаружив уязвимых мест, которые дали бы перевес Фишеру в поединке, состоявшемся там, на чужой для Чарустина земле, я не мог, не имел права подписать постановление о его аресте. Не сближались в моем сознании столь полярно заряженные жизненные линии: линия Фишера, палача и фашиста, и линия Чарустина, биография которого вплеталась в жизнь нашего общества. Но показания Фишера были фактом, и с этим фактом невозможно было не считаться.

Я выехал в Москву настаивать на встрече с Фишером.

10

В четвертый раз я пересекаю границу и вступаю на немецкую землю.

Первый раз это было... Я смотрел из окна вагона на прикрытые туманом дождя черепичные крыши, на прямые струны асфальтированных дорог, на подстриженные деревья вдоль дорог. Все так же это выглядело и более тридцати лет тому назад. Тридцать лет. Для человеческой жизни — это огромный простор, а для истории — мгновение. Но сколько вместилось в это мгновение! Потрясения геологических масштабов. Земля, истоптанная солдатскими сапогами, изрытая снарядами, политая кровью. Возникали и рушились политические режимы, распадалась целые конгломераты государственных образований.

Тридцать лет тому назад, глухой ночью, самолет пересек государственную границу гитлеровского рейха и, меняя несколько раз курс, вышел на ту точку, где я должен был приземлиться после прыжка с парашютом. Это было зимой в метельную ночь. Специально подбиралась такая погода — легче скрыться, уйти от места приземления и раствориться в белой мгле.

Земля за заставами, земля, над которой нависла страшная тень, земля, где творилось зло и выплав-

лялась сталь для уничтожения всего живого на земле. Таинственная земля. Мне нужно было прижиться на ней, стать на ней как бы своим человеком, затаиться и смотреть. Смотреть и слушать, стать на переднем крае будущей обороны, на аванпосте будущей войны. Но это все высокие слова. Тогда же мне приходилось ежесекундно решать множество мелких, прозаичных задач, чтобы остаться нераскрытым.

Сегодняшний поединок с Фишером для меня начался тридцать лет тому назад. Для того чтобы знать повадки врага, надо с ним пожить бок о бок. Это трудная задача, она нелегко дается. В моей судьбе сыграло решающую роль знание немецкого языка. Отец много лет прожил в эмиграции в Швейцарии, в той ее части, где говорили на немецком языке. Мне было семь лет, когда мы уехали в Россию. До семи лет я слышал от своих сверстников только немецкую речь. Изучить язык в общем-то нетрудно, но сделать так, чтобы он звучал для тебя, как родной, почти невозможно. Но я знал немецкий язык не по учебникам, а с детства, он был для меня почти родным языком. Дома со мной говорили по-русски, но для практики часто переходили и на немецкий. Но я рос с соседскими детишками, были у меня дружки и подружки, с ними я объяснялся только на их языке. Именно это и определило мою судьбу. Я был заброшен в Германию для того, чтобы вжиться в чужую среду, стать здесь своим человеком, а потом уже начать работу разведчика.

И тогда, когда я впервые вступил на эту землю, было тихо и словно бы спокойно во всех этих городах, но тогда это спокойствие было обманчивым. Здесь зрели те центробежные силы, которые выплеснули на Европу и на мою страну нашествие обезумевшей вооруженной армии.

Рассказать историю движения — это еще ничего не рассказать. Объяснить ее социальную сущность — это уже кое-что, ну, а как же быть с психологией, как быть с явлением, которое отбросило целую нацию из эпохи цивилизации в эпоху мрака и дикости, как быть с психологией всех этих людей?

Фишер — типичный пример этого массового безумия.

Я попросил привести его ко мне и оставить нас одних. Я мог объясняться с ним без переводчика.

Лицо без живых красок, желтое, серое лицо — маска.

Он смотрел на меня пустыми, ничего не выражающими глазами, но я чувствовал, что он весь в напряжении, что его многолетняя тренировка работает за него, наверное, даже его разум за ней не поспевает.

Я чувствовал, как он ловил, нюхал, что мне от него надо.

Я положил на стол перед Фишером протокол его допроса и поставил первый вопрос — что он мог бы добавить к этим показаниям?

Фишер внимательно перечитал протокол. Пожал плечами.

— Я все сказал... Больше я не знаю.

— Итак, — начал я, — вы сняли на кинопленку похождения Чарустина с некоей Гертрудой. Как это было сделано технически? Пожалуйста, расскажите все в мельчайших подробностях.

— Это чем они занимались?

— Не нужно иронии, Фишер! Меня интересуют технические подробности съемок. Прежде всего, где вы это могли снять?

— В гостиницах, господин следователь! Когда Чарустин приходил к портье, он получал номер, который был заранее обусловлен с нами. В гостинице всегда найдутся номера со скрытыми магнитофонами и приспособлениями для скрытой киносъемки. Синхронная с киносъемкой запись. Дело, конечно, нечистоплотное, но надо кому-то и таким делом заниматься. Картинок иной раз насмотришься до тошноты непристойных! Мы кое-что смонтировали. На нас работают специалисты и из области кинематографа.

— Гертруда Ламердинг знала, что ее изображение попадет на кинопленку?

— Не знаю... Обычно мы не ставим такого рода помощниц в известность...

— Где и когда, Фишер, вы показали эту кинопленку Чарустину?

До этой минуты Фишер отвечал без запинки, без паузы, сразу. Тут он запнулся, помолчал.

— Вам это так уж важно знать?

— Обязательно, Фишер! Вы имеете опыт полицейской работы. Разве такая деталь маловажна?

— Я просто не могу вспомнить название отеля... Это было в номере. Я позвонил ему по телефону и представился служащим фирмы, с которой он имел дело. Напросился на свидание по срочному вопросу. И объявил господину Чарустину, что являюсь представителем определенных кругов, заинтересованных в сотрудничестве с ним, которое должно остаться в тайне от органов безопасности его страны. Господин Чарустин возмутился, потребовал, чтобы я покинул номер. Пригрозил обращением в свое консульство, в печать, в полицию. Я ему сказал, что мы не собираемся обращать его в свою веру, но что он обязан на нас работать из чувства самосохранения и упомянул о его приключениях с Гертрудой. Тогда господин Чарустин заявил мне, что в своих отношениях с Гертрудой он никому не подотчетен. Мы показали ему фильм.

— Он подписал вам вербовочное обязательство?

Фишер почти беззвучно, с чуть заметным торжеством рассмеялся. Скорее даже хихикнул.

— Это же примитивно, господин следователь! Зачем нужны такие бумажки? Достаточно согласия и на словах... Вы поглядели бы, какая была физиономия у господина Чарустина, когда он просмотрел фильм! Увидеть такую физиономию многого стоит!

Я занес ответы Фишера в протокол, дал ему расписаться и отпустил его.

Имел ли я теперь право сомневаться в правдивости его показаний? Нет!

Последняя фраза была особенно густой. Он весь затрясся от какого-то неизъяснимого наслаждения. Садист... Это убеждало.

Однако теперь возможность диверсии со стороны Чарустина входила еще в более разительное противоречие с логикой, которую ему диктовала бы связь с иностранной разведкой. Было бы нелепостью такого рода агента превращать в диверсанта, чтобы его тут же провалить! Это несовпадение было последним звеном, последним вопросом, который требовал ответа. Я был обязан найти ответ и на этот вопрос.

Глупость и примитивность в действиях противника меня не устраивали, я привык считать, что противник и умен и осторожен.

Гертруда Ламердинг... Она могла бы кое-что подсказать. Но и она всего лишь переходное звено. Главная фигура — «это тот, кто направил Фишера. Связной агент под кличкой «Шварц», в переводе на русский «Черный». Темная тоже лошадка. Его искать — это искать иголку в сене. Искать надо Гертруду.

Но как же с ней встретиться? Где?

На ее территории? Что это даст? Разве она захочет что-то нам рассказать?

Передать ей привет от Чарустина, рассказать, что видел ее портрет на столе у него. Что-то она скажет... Что? Это еще неясно! По ее внешней реакции утвердиться в версии, выдвинутой Фишером, или опять уйти с сомнениями после такой встречи? Встреча могла быть, могла ли она получить развитие?

И все же надо было выходить на эту встречу.

11

Я попросил наших друзей попытаться узнать все, что было возможно, о Гертруде Ламердинг. На это нужно было время.

У меня были свободные вечера. Я оставался один на один со своими мыслями и в который уже раз возвращался к тем колебаниям, с которыми выезжал на встречу с Фишером.

Материал для очной ставки с Фишером был готов. Он действительно сказал все, что знал. Но это было всего лишь одно показание. Всего лишь одно... Показание твердое, теперь уже с подробностями, но оно оставляло за бортом главное. Что же последовало после вербовки, какие получил задания Чарустин, как он их выполнял? Здесь перед нами зияла пустота. А это есть главное — его практическая деятельность, его практическая работа на иностранную разведку.

Что же могло нам дать ожидание?

Ровным счетом ничего! После катастрофы на нефтепроводе, если Чарустин и работал на них, всякая работа должна была прекратиться и надолго.

Но вот пришло первое сообщение. Из Гамбурга. Семье Ламердингов принадлежит в Гамбурге особняк. Вдова генерала живет на пенсию. Гертруда — ее дочь, брат Гертруды — коммерсант. Разъезжает по всему миру как представитель фирмы.

Пауль Лавердинг совершает свои вояжи и в Советский Союз. Во всяком случае транзитным пассажиром часто бывает на советских аэродромах во время своих полетов в страны Востока.

Поиски в архивах... Генерал фон Ламердинг, из прусских юнкеров, военная косточка. Погиб на Восточном фронте в Сталинграде в 1942 году.

По показаниям Фишера, Гертруде Ламердинг было не более двадцати пяти лет. Даты смерти генерала и рождения Гертруды не сходились... Генерал Ламердинг не мог быть отцом Гертруды...

Брат коммерсант. Много разъезжает. Он тоже не мог нас не заинтересовать. Если у его сестры имя и фамилия не настоящие, то и у него то же! Он много старше сестры. В сорок втором году, когда Эрих Ламердинг сложил голову в Сталинграде, ему было уже 12 лет. В сорок пятом он подходил по возрасту для фольксштурма. Он вырос в семье, где Восточный поход рассматривался как нечто само собой разумеющееся в развитии германской политики. Если молодчики типа Фишера втянули в свои сети его сестру, то его они никак не могли обойти вниманием. Он мог многое нам рассказать о своей сестре, а может быть о себе.

Пришлось опять беспокоить Фишера.

Пауль Ламердинг ему известен, показывал Фишер. Да, он, Фишер, нисколько не сомневается, что Пауль Ламердинг связан со службами БНД. Ему это, наконец, доподлинно известно, но сам он, Фишер, с ним дела не имел.

Живут в Гамбурге — это правильно. Он не хотел об этом показывать. Не все же он обязан говорить на следствии — это же не имеет прямого отношения к делу и его об этом не спрашивали, и спрашивали бы, зачем ему об этом говорить?

Терпение и ожидание были вознаграждены...

Мои коллеги из органов безопасности Германской Демократической Республики сообщили, что поступил

запрос на разрешение посетить Германскую Демократическую Республику от Гертруды Ламердинг. Разрешение на туристскую поездку было дано незамедлительно.

Показания Фишера давали право нашим коллегам задержать ее для допроса. Я попросил разрешения присутствовать на допросе.

Да, портрет, который мне довелось видеть, не польстил ей. Она была красива броской, заметной красотой. Высокого роста, блондинка, волосы цвета спелой пшеницы.

Белокурая немка с заметной аристократической выправкой. Голубые, скорее даже синие, бездонные глаза.

Она вошла спокойно, с достоинством поклонилась и села, выжидающе оглядев нас. Ни следов волнения, ни недоумения, уверенность в себе редчайшая. В манере держаться, в ее поклоне было что-то от того, что мне довелось видеть, когда я жил возле немецкого барона в годы моей «нелегалки» в этой стране.

— Гертруда Ламердинг? — спросил следователь.

— Частицу фон вы опустили из демократических побуждений? — спросила она в ответ.

Это мне понравилось. Противник шел на «вы».

— Может быть, от неуверенности, что эта частица должна быть поставлена.

— Гертруда фон Ламердинг! — ответила она вызывающе.

— Гражданка Федеративной Республики Германии?

— Совершенно верно...

— Национальность?

— Немка!

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот сорок пятый!

— Место рождения?

— В записях значится Гамбург...

— Профессия?

— Переводчица...

— Вы служите в каком-нибудь учреждении?

— Нет. Я работаю по договорам. Иногда перевожу книги...

— Ваш отец Эрих фон Ламердинг?

— Эрих фон Ламердинг...
— Бывший генерал рейхсвера, командир дивизии на Восточном фронте?
— Да, он был генералом.
— Вам известно что-нибудь о его судьбе?
— Этим вопросом я обязана приглашению к вам на допрос?

Следователь помедлил с ответом. Ответил уклончиво:

— Отчасти...
— Мой отец погиб в сорок пятом году в Берлине, защищая город от штурма советских войск.
— Вам известна дата его смерти?
— Да. Двадцать восьмого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года. Он застрелился в час, когда дальнейшая борьба сделалась бессмысленной!
— Откуда вам это известно?
— Мне об этом рассказывала моя мать.

Разговор приобретал неожиданный оборот. Никаких побудительных причин у Гертруды говорить неправду не было. Ответы ее были лаконичны, и фальши в них нисколько не ощущалось.

Следователь приостановил вопросы об ее отце. Мы входили в соприкосновение с какой-то семейной тайной, надо было продумать, касаться ли ее?

Я решил переключить внимание на другой предмет.

— Скажите, госпожа Ламердинг, — начал я. — Вам знаком советский инженер Чарустин?

Еще раз я должен отдать должное этой женщине. Она умела владеть собой, умела оставаться холодной и надменно вежливой в самые острые минуты.

Она взглянула на меня и тут же отвела глаза.

— Теперь я понимаю... Вас не может интересовать судьба моего отца. Он умер двадцать с лишним лет тому назад. Вас интересует Чарустин. Но я хотела бы знать, по какому праву вы мне задаете эти вопросы?

Следователь представил меня.

— Советский следователь! — повторила она слова моего коллеги. — Теперь мне понятно, почему меня задержали. Я сопровождала его как переводчица у себя в стране, встречалась с ним...

— Скажите, известен ли вам немецкий гражданин Фишер?

— Фишер? — медленно произнесла Гертруда. — Фишер? Вообще может быть найдется в числе моих знакомых человек с такой фамилией. Но я не улавливаю связи между первым вопросом и вторым.

— Фишер... Может быть вам известен человек под именем и фамилией Эрвин Эккель?

— О! — воскликнула Гертруда. — Эрвин Эккель мне известен. Правда, в число своих знакомых я не хотела бы его заносить.

— Эрвин Эккель и Фишер — это одно лицо!

— О Фишере мне ничего не известно. Эрвин Эккель... Это непорядочный человек.

Я как бы между прочим заметил:

— Инженер Чарустин хранит ваш портрет у себя на столе.

— Мой портрет? — переспросила она несколько удивленно.

— Да, да, ваш портрет.

— Это мой подарок! Я не рассчитывала на такое внимание.

— Почему же?

— Это очень личное... Я не думаю, что я должна здесь объяснять эти вещи... Вы меня спрашивали об Эккеле! Это вопрос по существу...

Нет, нет, пока до сей минуты я не мог подметить никакой игры. Удивление ее было искренним. В ее голосе слышались смягченные нотки, когда она упоминала Чарустина, искренней у нее была и какая-то озабоченность.

Все это крайне не подходило к той роли, которую ей отводил в своих показаниях Фишер-Эккель.

Передо мной стоял выбор. Или кое-что рассказать ей о неприятностях Чарустина, или на некоторое время вернуться к вопросу об ее отце, чтобы несколько прояснилась ее личность. Потянуть с острым вопросом никогда не мешает, отложить его, подготовиться к нему. И я резко перевел разговор.

— Госпожа Ламердинг! У меня еще есть один недоуменный вопрос. Он прямо касается вас лично. Заранее приношу извинения за вторжение в ваши семейные дела. Вы сказали, что ваш отец Эрих фон

Ламердинг застрелился в тысяча девятьсот сорок пятом году... Я хочу только уточнить. Ваш отец, генерал фон Ламердинг, насколько мне известно, погиб в бою. Он погиб в январе сорок второго года в Сталинграде.

На этот раз мое сообщение произвело впечатление. Гертруда выпрямилась и как бы внутренне отшатнулась от меня. Она даже подняла к лицу руку, как бы отстраняя это известие.

— Этого не может быть! — вырвалось у нее. — Я родилась в сорок пятом году! О смерти отца рассказывал мне и мой брат!

Я попросил своего коллегу предъявить Гертруде ту часть показаний Фишера, где говорилось о Гертруде. Ей были предъявлены несколько строчек из протокола допроса:

«Ф и ш е р : — О, эти вещи сразу не делаются! Прежде всего я изучил досье на господина Чарустина. В досье указывалось, что он коммунист, инженер, ответственный советский работник и неженатый человек. Мы решили подыскать ему женщину. Господин Чарустин не знал немецкого языка и хорошо знал английский. Это облегчало задачу. С русским языком у нас всегда трудности. Мы нашли Гертруду Ламердинг, девушку из благопристойной семьи...

С л е д о в а т е л ь : ...которая согласилась на столь нечистоплотную работу?

Ф и ш е р : — Раньше из гитлерюгенда на такую работу шли из преданности фюреру и Великой Германии. Теперь это стоит денег.

С л е д о в а т е л ь : — Из какой она семьи?

Ф и ш е р : — Ламердинг... Боюсь, что я здесь запутаюсь... Она не может быть дочерью фон Ламердинга».

На этом мы пока сделали остановку.

Гертруда подняла на меня глаза. Выдержка начинала ей изменять. Голубые глаза обычно почти ничего не выражают, даже в минуты волнения, но у нее были синие глаза, в них что-то могло отразиться. И отразилось. Погас в них холодок.

— Я не понимаю его утверждения, где он говорит, что Ламердинг не мое имя... У вас есть фотография генерала Ламердинга, погибшего в Сталинграде?

— Есть! — коротко ответил я и попросил коллегу предъявить фотографию.

На стол легла фотография Ламердинга из его дела по рейхсверу. Она взглянула на фотографию и пожала плечами.

— Это не он! Этот человек ничего общего не имеет с моим отцом.

— Стало быть, Фишер прав, — заметил я. — Вы носите чужое имя...

Гертруда покачала головой.

— В том, что говорил Фишер, нет ни слова правды. Деньги. Никаких он мне денег не платил и не собирался платить! У нас вообще о деньгах разговора не было.

— Вы знали, что Фишер связан с разведкой?

— Знала!

— Вы получали от него задания по линии разведки в отношении Чарустина?

— Получала...

— Он руководил вами?

— Да, руководил.

Признания получены ценные, надо дать минуту, чтобы они отстоялись.

Мой коллега спросил:

— Как же быть с вашим именем? Кто же ваш отец?

— Эту фотографию я вижу впервые. Я ничего не понимаю... Отец... Значит у нас с моим братом разные отцы?..

— У вас есть фотографии вашего отца?

— С собой нет! Я должна спросить обо всем этом мою мать... При чем здесь мой отец? Вас интересует Эккель...

Для того чтобы понять дальнейшее, придется вернуться в относительно далекое прошлое, к тем дням, когда приближался час крушения гитлеровского государства.

Историки много писали об этих днях, делая выкладки, основанные на документах о том, на что мог

надеяться Гитлер, когда советские войска вошли в пределы Германии. Нам нет нужды повторяться. Надежды Гитлера оказались неосновательными ни в плане создания сверхмощного секретного оружия, ни в плане возможности заключить сепаратный мир с западными державами.

Но наряду с судьбой гитлеровского рейха существовали еще миллионы человеческих судеб. Если Гитлер, Геринг, Гиммлер, Кальтенбруннер, Риббентроп все же знали реальное положение вещей, то еще очень многие в Германии люди верили заверениям Геббельса, что пробьет час и все переменится к лучшему...

И вот все рухнуло!

На запад устремились толпы беженцев. Разношерстная, разнородная толпа. Бежали те, кто боялся расплаты за свои преступления в восточном походе, бежали и те, которые со страхом вздрагивали от одного слова «Советы», и те, кто просто в страхе не мог усидеть на месте.

Генерал Эрих фон Ламердинг был военным человеком. В число военных преступников, подлежащих суду, он не попадал. Нечего было опасаться и его вдове. Но она бежала, как бежали все люди ее круга. Бежала, захватив с собой только то, что можно было унести в руках. Вклады в банках погибли, погибло все, что составляло ее состояние.

Для вдовы генерала нищенство было непереносимо. В гигантской воронке, в которой затонул гитлеровский корабль, она нашла бы свой конец и никогда не выплыла бы на поверхность. Кому нужна память о подвигах ее покойного супруга, когда и живым было неуютно в послевоенном мире. Она погибла бы, если бы вдруг не понадобилась...

Те, кто понимал, что происходит на разбросанных по всей Европе фронтах, те, кто понимал, что означают реляции об оставлении позиций ради сокращения линии фронта, начали готовиться к новому реваншу.

Генеральскую вдову присмотрел один из тех, кто имел все основания опасаться судебного преследования... Надо было сменить имя, надо было для этого имени подобрать подходящую легенду.

Имя генерала Ламердинга присвоил себе по соглашению с его вдовой один видный деятель вновь создаваемой нацистской партии. Он устроил вдову в Гамбурге.

Его разыскивало военное командование союзников, так как он был занесен в список лиц, подлежащих суду Международного трибунала. Любовь сорокалетней, да еще к тому же и облагодетельствованной женщины была более надежной гарантией, чем прежние партийные связи. Каждый устраивался в соответствии со своими возможностями. Естественно, что из семейных альбомов и семейных воспоминаний семьи фон Ламердинг исчезли все реликвии, как-то связанные с генералом, а также и подлинные его изображения.

Камуфляж, конечно, поверхностный, он не выдержал бы даже и беглой проверки. Он носил более формальный характер, но все же на этом этапе был спасительным.

Гертруда, потрясенная показаниями Фишера, взорвалась. Нет нужды приводить те слова, которыми она окрестила Фишера. Она сказала главное: Фишер — лжец.

Признание следовало за признанием.

О, теперь она начинает кое-что понимать! Обман, который был совершен ее матерью, может быть, и простительный обман. Он, этот человек, который скрывался много лет в их доме, все же был ее отцом! Он не был Ламердингом, но был ее отцом! Они его скрывали — ее мать, ее брат и она привыкла его скрывать. Потом он исчез. Он скрывался в другом месте.

Где? Она не знала. Ее воспитывали в убеждении, что ее отец генерал, что он прославленный герой, что ему нельзя объявиться, что везде и всюду надо говорить, что он погиб в Берлине, что настанет час и его военный опыт вновь понадобится нации...

Дома боготворили этого человека. Наверное, это пошло от матери. И все робели перед ним.

В особняке была комната, куда был закрыт доступ для посторонних. Этой комнаты как бы не существовало. В ней не было окон, она размещалась между стенами. Архитектор, строя дом, как бы скра-

дывал ее площадь, укрывая ее за архитектурными поворотами и лестничными переходами. Эта комната сообщалась с угловой спальней. Войти в нее можно было, только зная механизм, приводящий в действие окованные броней двери.

Гертруда допускалась в эту святыню. Там скрывался ее отец. Настоящий ее отец...

Скорее это было похоже на домашнюю церковь без алтаря и религиозных атрибутов. Ламердинги были атеистами.

В нише, обычно занавешенной тяжелыми портьерными драпировками, висел в дубовой раме большой портрет Гитлера. Под портретом стояли в скрещении два боевых знамени с черной свастикой. Древнегерманской вязью над портретом было выведено «Каждому свое...».

Под портретом, на тяжелом дубовом столе, как музейные экспонаты, было разложено боевое оружие, форма фолькштурмиста, которую носил Пауль в последние дни перед падением Берлина, и форма самого Ламердинга. И после того, как отец исчез, все в этой комнате оставалось по-прежнему.

Иногда эта комната оживала. В ней собирались какие-то люди, для них открывались потайные двери. Эти люди были сдержанны и молчаливы. Входя в комнату, они выбрасывали руку вперед и вверх и полупшепотом, как заклинание, произносили: «Хайль Гитлер!»

Гертруде было шестнадцать лет, когда ее пригласил в эту комнату брат. Отца в это время уже не было.

Собрались несколько человек, и она произнесла перед ними клятву служить до конца своих дней великой германской нации. Клятва кончалась тем же заклинанием: «Хайль Гитлер!» Да, она читала «Майн Кампф». Эта книга многие годы была у нее настольной книгой.

Гертруда вызывала у меня уже не только профессиональное любопытство. Ее откровенность в чем-то даже подкупала, и я имел случай поговорить начистоту с представительницей того поколения, на которое ныне рассчитывают неофашисты. Нельзя же считать, что неофашизм собирается опираться только

на бывших эсэсовцев, время постепенно сводит их со сцены...

Я спросил Гертруду:

— Настольная книга — это почти библия для верующих! Вы безоговорочно приняли все, что проповедовал Гитлер?

— Не знаю! Я не задумывалась над этим. Мне нравилась определенность поставленной цели. Что вы можете найти сегодня у нас на Западе равное по силе этому учению? Только не обращайтесь к ученым социалистического характера! Вы обратитесь к нашим философским учениям! Либерализм приемлем для Англии. В Англии все определилось и замерло на века без надежды на какие-либо изменения. Америка бурлит, она — огнедышащий вулкан. Там сражаются противоборствующие стихии. Они еще на подъеме, но у них уже пробиваются ростки сомнений... Что делать нам, немцам? Наше государство разобщено, мы разбросаны, что можно положить в основу для надежды? Вы нам противопоставляете порядки в Восточной Германии...

— Почему же мы? — перебил я ее. — В ГДР хозяином положения выступает народ. Он устанавливает и порядки...

— Не будем об этом спорить! — воскликнула Гертруда. Ее несло к какой-то пока что известной только ей цели, она торопилась высказаться.

— Неужели вы не понимаете, что социализм неприемлем для очень многих? Что может принести социализм моему брату? Вы об этом подумали?

— Почему же? Социализм действительно ничего не может принести вашему классу, но он принесет многое рабочему человеку.

— А мой класс все без сопротивления уступит? Мой брат в пятнадцать лет держал в руках оружие, он — солдат. Он будет сражаться до последнего. А для того, чтобы сражаться, нужны знамена. Гитлер оставил ему знамена! — Гертруда вдруг улыбнулась. — Не так все просто, господин следователь! Я уронила эти знамена, я не устояла!

— Почему вы уронили знамена, почему вы разочаровались? Кто выбил у вас из рук эти знамена?

— Инженер Чарустин!

Из показаний Гертруды Ламердинг:

— «... Мне было семнадцать лет, когда мне были оказаны честь и доверие, и я была принята в НДП. Вступая в новую партию возрождения Германии, я дала твердое слово не отказываться ни от каких партийных поручений ради общей великой цели.

Я распространяла партийную литературу в среде своих знакомых, собирала средства на партию опять же в среде своих знакомых. Когда я начала работать переводчицей, меня просили сообщать характеристики на некоторых иностранцев, приезжающих в ФРГ. Особый интерес вызывали приезжающие из социалистических стран: из Советского Союза, из Чехословакии, из Польши и Болгарии.

Так меня устроили переводчицей к инженеру Чарустину. Меня наставляли:

— Мы очень мало знаем об этом человеке. Знаем, что он коммунист, что не женат, что является крупным техническим специалистом. В наших условиях его ранг может быть приравнен к званию доктора.

Мне намекнули, что я не должна стесняться в средствах, чтобы завоевать доверие господина Чарустина.

Инженер Чарустин оказался очень общительным, обворожительным человеком. Меня связали с Эккелем, объявив, что на него тоже возлагаются кое-какие задачи, связанные с пребыванием в нашей стране советского инженера.

Инженер Чарустин интересовался музеями, книгами, нашей немецкой стариной и историей. В технике я ему не могла быть консультантом, в технике мои возможности не простирались далее перевода с немецкого на английский и с английского на немецкий. Должна отметить, что английский язык он знал хорошо.

Я видела, что параллельно со мной кто-то тоже работает над инженером Чарустиным. Так, на заводе, куда он прибыл, его встретил глава фирмы. Ему делали очень ценные подарки. Я могу их перечислить, ибо Эккель попросил меня проследить, как распоря-

дятся своими подарками господин Чарустин. Ему были подарены магнитофон, транзисторный радиоприемник и ряд мелочей.

Наутро, после посещения завода, я пришла к нему. Все подарки стояли на столе.

Он их сложил и упаковал при мне в чемоданы, и мы по дороге на фирму заехали в советское торговое представительство. Он мне пояснил, что все подарки он передает в торговое представительство...

Когда я рассказала об этом Эккелю, он был очень раздосадован. Он сказал:

— Маньяк! Он же никогда не сможет приобрести что-нибудь подобное! Не может быть, чтобы его не взволновали эти вещи. Надо помочь ему их купить...

Через некоторое время от фирмы последовало предложение инженеру Чарустину оказать помощь в технической консультации. Такого рода консультации хорошо оплачиваются. Я не очень уверена, что консультация была необходима. Тема консультации скорее всего была придумана. Чарустин провел консультацию. Руководитель фирмы выписал ему чек на двести долларов. Чарустин взял чек и, как мне стало известно, передал эти деньги опять же в советское представительство.

Тогда Эккель попросил меня завести с Чарустиным разговоры на идеологические темы. Посоветовал начать с мелочей. Хотя бы с тех подарков, от которых он отказался... Был продуман Эккелем и его шефом и план разговора.

Я к тому времени начинала уже немного понимать инженера Чарустина. Мне их план показался наивным, но я подчинилась.

Я прямо спросила, почему он отдал свои подарки и гонорар в торговое представительство? Я попыталась уверить его, что фирма совершенно бескорыстно сделала подарки, что это принято при совершении сделок на Западе.

Мне помнится, что Чарустин объяснил все это таким образом: на Западе при заключении сделок принят обмен сувенирами, да еще за счет фирм. Возможно, что это даже и узаконено. У нас, говорил Чарустин, тоже есть обычай делать подарки-сувениры при

деловых взаимоотношениях. Дорогие подарки могут мешать делу, а дело у нас общее и народное. Он объяснил мне, что есть обычаи на Западе, т. е. в капиталистическом мире, которые никак не противоречат обычаям, сложившимся в социалистическом обществе, но есть обычаи капиталистического общества, которые никак не приложимы к обычаям социалистического общества. Он не навязывает своих обычаев, но отступать от них не считает возможным.

Я доказывала Чарустину, что иные русские ведут здесь себя несколько иначе — подарки принимают, деньги за консультации берут.

— Вы что же, — спросила я Чарустина, — считаете, что коммунисты не вправе пользоваться технически совершенными вещами? Разве коммунист не может пользоваться лучшим в мире магнитофоном?

И тут началось. Со мной о коммунизме, как Чарустин, никто не говорил. В последние годы очень часты дискуссии о коммунизме. Перечеркнуть это движение, отмахнуться от него теперь невозможно и даже немодно. Все это очень сложно, я не готова писать об этом исчерпывающий трактат. Но хотела бы заметить, что старые идеалы нашего мира несколько потускнели. Что такое богатый предприниматель, как я это вижу сегодня? Я склонна смотреть на этих людей, как на фанатиков. Эта непрерывная гонка, этот непрерывный бег, эта непрерывная борьба без ясно очерченных целей. О, для людей моего поколения совершенно очевидно сегодня, что идеалы сверхмиллионеров рухнули, что это уже в прошлом, что они доживают свой век, их теснят, но смены им нет. И люди, занимающиеся бизнесом, измельчали, и в обществе получили преимущество идеи социалистического оттенка. Деньги — огромная власть, но эта власть теряет уважение и блеск своей славы, она уже не прельщает. Можно когда-то и остановиться, достаточно просто быть богатым человеком, а это не требует ни таких усилий, ни такой борьбы, каких стоит корона миллионера. Как только рухнули эти главные идеалы, так и начался в наших рядах разброд.

Но как только у нас начинается разговор о потускневших идеалах, как тут же выплывает слово

«коммунизм». Это естественно: отталкиваясь от одного берега, мы смотрим, а что на берегу противоположном. Но он, этот противоположный берег, для меня в тумане.

Дискуссия на тему, что такое коммунизм, была для меня не новостью. И я пустила в ход самый сильный аргумент, которым снимали в моем кружке возможность установления коммунизма в человеческом обществе.

«Хорошо, — сказала я Чарустину. — Хорошо! Принимаем, что на всей земле в один прекрасный день устанавливается коммунизм. Заснули мы при одном порядке вещей, проснулись — и везде коммунизм. Мы все должны будем работать так, как работали. Я буду переводить книги, моя сверстница будет мыть посуду в ресторане, вы, инженер, будете изобретать машины, а рабочий будет свинчивать лишь трубы. Но мы все получаем одинаково. И даже неодинаково. Мы получаем каждый по своему желанию, все, что пожелаем. Согласна. Такого разряда магнитофоны, который вам был подарен, можно изготовить для всех. А я хочу надеть на плечи мех из голубой норки. Вы полагаете, что этого меха хватит на всех? Или вот вы, господин Чарустин, полюбили женщину и захотели ее украсить так, чтобы выглядела она красивее всех других или хотя бы ее наряд отличался от нарядов всех других женщин. Вы полагаете, что если каждый пожелает это сделать, то найдется для этого возможность? Или, может быть, мне захочется носить бриллианты с голубинное яйцо? Как быть с этим: «я хочу!»?

Признаться, я была уверена, что против этого нет у коммунистов аргументов. Ни в одну ночь, ни в один день коммунизм не может родиться, — сказал Чарустин. — Коммунистом можно стать, только овладев всем богатством человеческой культуры, когда не дурной вкус и не дурное воспитание будут руководить желаниями человека, а точное сознание целесообразности всякого желания и его согласованности с интересами общества. Тонкость вкуса, эстетическое восприятие мира не сводятся к норковому меху. Главная потребность человека — это поиск разума, здесь ограничений быть не может. Не отказ в силу правил от из-

лишеств, а просто уровень культуры, когда излишества расцениваются как дурной вкус, осуждаются сознанием, отрицаются жизненной потребностью...

Для меня в этом положении было что-то новое.

Я должна была все это пережить и обдумать.

Игра с Чарустиным начинала меня увлекать и с другой стороны. Я нисколько не обманывалась относительно целей, которые на него имел Эккель и наши шефы из БНД. Устоит ли этот коммунист? Там ведь речь пойдет не о мелких подарках, там пойдет речь о настоящем подкупе, и если человек не верит в то, что проповедует, если у него есть малейшие сомнения, то он не устоит перед солидным счетом в швейцарском банке. Этот прием извечно проверен, и проверен на многих!

Признаюсь, началось все со спортивного интереса. Когда была для меня перейдена та черта, за которой начинается чувство, я и не знаю. Говорят, что любовь может начинаться и с удивления. Я удивлялась Чарустину, он был для меня неиссякаемо интересен. Может быть, его обходительность, обворожительность, сдержанные и чуть холодноватые глаза разжигали мое самолюбие. Все может быть... Я полюбила его, а когда в этом призналась, то ужаснулась той роли, которую была призвана играть подле него. Начались мои метания. Признаться, он мне не дал никаких оснований надеяться на взаимность.

Нас разделяла пропасть, бездна, и мы ни по одному пункту не могли найти согласия...

Кому-то надо было уступать, отступаться от убеждений или от иллюзий убеждений.

Я не могу сказать, что мне это давалось без труда. Но все это до той поры, пока наши споры носили абстрактный характер, о событиях и вещах далеких, участниками которых ни он и ни я не были и не могли быть!

Эккель обычно был со мной вежлив и предупредителен. А тут вдруг заявил:

— Вы что же, — спросил он меня. — Вы считаете, что обладаете возможностью обратить советского инженера в свою веру? Бросьте! Занятие безнадежное... Вы уложите его с собой в постель, остальное мы сами доделаем!

Это уже был не намек, это было оскорбление. И ради чего? Я упоминала, что идеалы мои к этому времени потускнели.

Я почти перестала встречаться с Чарустиным. А когда он собрался уезжать, я написала на фотокарточке: «Василию Чарустину, человеку, который раскрыл мне глаза на новый мир и на человеческие чувства, любимому и дорогому человеку».

Эта фотография хранилась у него в номере.

Несколькими днями позже Эккель нанес визит Чарустину.

После этого последовали объяснения с людьми, которым подчинялся Эккель и которые считали и меня своей вещью.

Я слышала магнитофонную запись этой беседы. Она была предъявлена нам с Эккелем, как доказательство нашей беспомощности.

Я воспроизведу по памяти эту запись:

Э к к е л ь : — Господин Чарустин? Я не ошибся номером?

Ч а р у с т и н : — Нет, не ошиблись. Инженер Чарустин... Чем обязан?

Э к к е л ь : — Я бегло говорю по-английски, но у меня скверное произношение. Мы можем с вами объясняться без переводчика?

Ч а р у с т и н : — Давайте попытаемся... Если, конечно, разговор имеет какую-то срочность.

Э к к е л ь : — Разговор, скорее, не требует свидетелей!

Ч а р у с т и н : — Ах, вот как!

Э к к е л ь : — Разрешите сесть, я надолго.

Ч а р у с т и н : — Я слушаю вас!

Э к к е л ь : — По-деловому и прямо? Разрешите представиться! Офицер федеральной разведки. Вы попали в поле нашего зрения. Мы к вам проявили интерес. Вы, наверное, это могли ощущать?

Ч а р у с т и н : — Возможно...

Э к к е л ь : — Вы получали дорогие подарки...

Ч а р у с т и н : — Получал... Я не мог ответить тем же, поэтому подарки сданы мной в мое представительство.

Э к к е л ь : — Это нам известно... Нам также известно, что за техническую консультацию фирме вам

были выплачены двести долларов. Техническая консультация не требовалась фирме, это мы попросили передать в ваши руки деньги. Нам известно, что вы их тоже передали в представительство.

Чарустин: — Не сомневаюсь! И, наверное, даже и мои беседы по телефону в этом номере у вас записаны.

Эккель: — Даже более того! Нам известна и надпись на фотографии, которая сделана Гертрудой Ламердинг.

Чарустин: — Я не склонен скрывать от кого бы то ни было эту надпись.

Эккель: — Вы не раз сидели с Гертрудой за этим столом. На столе стояли вина...

Чарустин: — Случалось...

Эккель: — Вы инженер, вы знакомы с возможностями фотомонтажа?

Чарустин: — Возможности фотомонтажа велики... Есть виртуозы, мастерство которых безгранично.

Эккель: — Ознакомьтесь с этими попытками...

Чарустин: — Какая гадость!

Эккель: — Но никто, слышите, никто не сможет доказать, что это фотомонтаж, если мы завтра опубликуем эти фотографии в какой-нибудь газетенке. И ваша карьера, господин Чарустин, закончится на этом. Вам нельзя будет вернуться на родину, вам невозможно будет найти убежище и у нас... Вы будете посмешищем всего мира!

Чарустин: — Публикуйте! Кто будет посмешищем, покажет время.

Эккель: — Зачем же! Мы не жестокие люди и бессмысленных действий не одобряем. Мы можем предложить вам значительные деньги, вы станете богатым человеком. В следующий свой выезд за рубеж вы сможете остаться. Мы это облегчим...

Чарустин: — У меня истекло время, разговор беспредметен, и я прошу оставить мой номер!

Эккель: — Нам придется опубликовать завтра эти фотографии.

Чарустин: — Публикуйте!

Еще до вызова к офицеру разведки, тут же после свидания с Чарустиным, меня навестил Эккель и по-

казал свой фотомонтаж. Кое-что им удалось сделать... Наука нехитрая. Он потребовал, чтобы я засвидетельствовала своей подписью подлинность снимков. Я отказалась и выставила его за дверь. Без моей подписи на публикацию снимков они не могли решиться. Я пригрозила Эккелю скандалом.

Карьера Эккеля закатилась после разговора с руководителями разведки, закончилась и моя карьера. Меня это мало трогало, для Эккеля это могло окончиться катастрофой. И окончилось. Пришлось ему выехать опять по мелким заданиям сюда, к вам, и...

Естественно, что после этого я не решилась встретиться с Чарустиным. Я написала ему письмо, где все объяснила, хотя это могло грозить мне смертью.

Я просила его также подумать о возможности перебраться мне в его страну, если это не расходится резко с его желанием и его убеждениями».

14

В органы безопасности обратился с запросом о Гертруде ее брат — Пауль Ламердинг. Он явился лично в приемную. Он был очень похож на свою сестру. И в то же время он был очень некрасив. Высоким ростом. Белокурые волосы. Яркий блондин, такая «белокурая бестия». Широкие плечи, спортивная выправка, не солдатская, а именно спортивная. Легкий и энергичный шаг. Но при широких плечах, при высоком росте удивительно маленькая головка с низким, невыразительным лбом, хотя волосы эффектно откинуты назад.

У Гертруды голубые, даже синие глаза, у него стального оттенка, оттого жесток, холоден и непроницаем их взгляд.

Фишер в своих показаниях указывал, что Пауль Ламердинг, несомненно, связан с каким-то подразделением федеральной разведки. Этих показаний было, конечно, недостаточно для того, чтобы мы могли предъявить Ламердингу какие-либо обвинения. Они могли служить лишь фоном в нашей беседе, некоторой ее подсветкой что ли.

Мой коллега на встречу с Паулем Ламердингом любезно пригласил и меня.

Гость наш держался с достоинством, несуетливо и, пожалуй, даже вызывающе.

— Я хотел бы получить справку, — начал он. — Несколько дней назад сюда, на территорию Восточной Германии (слова «Восточная Германия» он произнес с особым ударением, как бы подчеркивая этим, что он вкладывает в них особый политический смысл, словно бы демонстрируя свое непризнание Германской Демократической Республики как государства), выехала моя родная сестра Гертруда фон Ламердинг. Прошел срок ее возвращения, она не вернулась. У нас в семье возникло предположение, что она арестована органами безопасности.

Фон Ламердинг сам поставил себя под острый вопрос, и он последовал мгновенно. Мой коллега спросил:

— Простите, господин Ламердинг! Откуда у вас могло возникнуть такое предположение?

Фон Ламердинг поморщился.

— Чисто следовательский вопрос. Вы меня ловите на слове. Люди внезапно и бесследно редко исчезают. Мне известно, что некоторые лица из федеральной разведки иногда давали кое-какие поручения моей сестре. Они могли втянуть ее в какое-либо дело совершенно против ее воли или, пользуясь тем, что она не ориентирована в этих сложных делах. Я забеспокоился и пришел к вам. Вас устраивает мой ответ, господин следователь? Я рассчитываю на столь же откровенный ответ и с вашей стороны.

Надо отдать справедливость, фон Ламердинг этим ответом поставил моего коллегу перед необходимостью прямо отвечать на прямо поставленный вопрос.

— Ваша сестра задержана, — ответил он. — У нас имеется материал для обвинения ее во враждебной деятельности против Германской Демократической Республики и Советского Союза. Ведется следствие...

Фон Ламердинг хладнокровно выслушал ответ следователя. Встал.

— Очень сожалею... — начал было он и осекся.

Но он не играл. Мой коллега протянул ему пачку сигарет.

— Я не курю! — ответил Ламердинг. — От стакана воды не откажусь.

Я налил в стакан воды и подал Ламердингу. Он сделал несколько глотков, прошелся по кабинету и остановился передо мной.

— Что я могу сделать, чтобы выручить сестру из беды? Я никогда не поверю, что она замешана во что-то серьезное.

— Мы исходим из ее собственных признаний.

— Бедная девочка... Что она могла наболтать на себя? Чем я мог бы ей помочь?

Следователь минуту подумал. Попросил фон Ламердинга сесть.

— Вы можете помочь своей сестре, ответив на некоторые вопросы...

— Пожалуйста.

— Вам известен Эрвин Эккель?

— Известен! — коротко ответил фон Ламердинг.

— Как знакомый вашей сестры?

— Знакомый моей сестры? О, нет! Такого рода человек не мог бы переступить порог нашего дома! Он не мог бы состоять и в числе личных знакомых моей сестры...

— Несовпадающие взгляды на жизнь или что-то другое помешало бы этому?

— Эрвин Эккель не входит в наш круг.

— Он показывает, что знаком с вашей сестрой, что она работала по его заданиям. Вам известно, что Эрвин Эккель является агентом федеральной разведки?

— Я этого подтвердить не могу.

— Он арестован и дает показания на вашу сестру.

Фон Ламердинг пожал плечами, опустил глаза. Он, видимо, с трудом сдерживался.

— Эрвин Эккель — это выдуманная фамилия, — продолжал мой коллега. — Известно, что в годы, когда Гитлер стоял у власти, он исполнял обязанности палача в Эстервегене...

— Это превращение сегодня не столь большая редкость.

— Он показал, что ваша сестра по его заданию соблазнила одного советского инженера. Некоторые сцены засняты на кинопленку...

— Мерзость! — вскричал фон Ламердинг. — Этого не может быть!

— Все может быть, когда к делу привлекают людей типа Фишера.

— С сестрой этого быть не могло! Она могла выполнять задания из патриотического чувства, из приверженности к идее Великой Германии, но... До предела, до грани определенной, господин следователь, за это я ручаюсь...

Следователь иронически улыбнулся.

— Поручительство, я сказал бы, не очень надежное...

— Что значит в этой игре Эккель! — воскликнул фон Ламердинг. Спокойствие его явно оставило. — Карьера Эккеля закончена: Он арестован вами.

— Я могу подсказать, в каком направлении вам надо вести поиски. Есть некий Шварц... Вы знакомы с ним?

— Нет, не знаком, — тут же ответил фон Ламердинг.

— У него остались некоторые документы, связанные с интересующим нас делом. Фотографии Гертруды и советского инженера, о котором шла речь... Если бы мы их получили, мы могли произвести экспертизу, не являются ли эти снимки фотомонтажом. Тогда обвинения против вашей сестры были бы сняты. Но нужны подлинники.

— Они у Шварца?

— Так показывает Фишер, так предполагает ваша сестра.

Ламердинг стремительно встал.

— Через несколько дней вы получите эти документы! Но я хотел бы поставить встречное условие: наши с вами переговоры должны остаться в тайне.

Мы переглянулись. Как они боятся — эти люди так называемого свободного мира — огласки, когда им вдруг приходится говорить правду. Мы могли ему пообещать все оставить в тайне. Это не противоречило нашим задачам. Он все скажет, все, не надо лишь

гласности, это может повлиять на его коммерческие дела.

— Приготовьтесь! — объявил Ламердинг. — Пока я здесь, я хочу внести вам некоторую ясность.

— Можно считать, что вы даете показания и занести их в протокол?

— О, нет! Я никаких бумаг не хочу оставлять. Вы можете записать мою речь на магнитофонную пленку. Этого достаточно.

— Рассказывайте!

— Вы никогда, — торопился Ламердинг, — вы никогда не уясните себе разницу между моим поколением и поколением Фишера. Фишер пришел к фюреру, когда фюрер шел в гору, когда его учение пробивалось через все запоры, когда нация начинала его обожествлять, а всем его делам сопутствовал успех. Тогда присоединиться к фюреру не было проявлением мужества, а всего лишь проявлением здравого смысла и сулило большие выгоды. Мы пришли к Гитлеру в самые трудные для него годы, в дни, когда над ним нависла катастрофа. Мы шли к нему с верой. И теперь те, кто приходят к нему, приходят со святым пламенем в сердце, а не ради карьеры. Вот в чем разница между моим поколением и поколением Фишера. Мы принимаем его учение, но очень условно, принимаем тех, кто был его спутниками и кто пережил его... Так пришла к нему и Гертруда... С верой! Вот почему я не верю показаниям Фишера, что она могла бы пойти на унижение своего человеческого достоинства. Идеальный противник, господин следователь, может вызывать уважение, подонок — нет! Вам известно прошлое Фишера? Он был палачом. Не судьей, не агентом, не солдатом, а ординарным палачом и находил в этом удовлетворение. Я не верю показаниям Фишера. Может быть, он или Гертруда как-то могли склонить к сотрудничеству советского инженера, но не той ценой, о которой говорит Фишер! И к тому же он действует в системе операции «Индекс».

Что такое операция «Индекс»? Прежде всего это сбор информации. Составляется досье на каждого советского человека или человека из социалистических стран, попадающего в поле зрения федеральной раз-

ведки. Изучаются все стороны его характера, увлечения, достоинства, слабости. Может быть, сейчас, немедленно, это и не пригодится, но может пригодиться впоследствии. Может быть, удастся сыграть на каких-либо противоречиях, может быть, удастся воспользоваться компрометирующими данными. О, совсем необязательно вербовать скомпрометированного человека, достаточно его просто-напросто осрамить и опозорить. Не сегодня так завтра, может быть, через десять лет обнаружится та клавиша, на которую можно будет нажать уже и в своих целях. Скомпрометировать и опозорить, натравить одного человека на другого, внести смятение в общество противника.

Вербовать! Это грубо и слишком прямо, это редко удастся. Проще просто опозорить какого-нибудь специалиста из социалистических стран, втянуть его в какую-либо авантюру, растлить морально... Вот что такое операция «Индекс». Достаточно слегка подтолкнуть того, кто поскользнулся, подсунуть нечистоплотную сделку. Разобшение людей — вот сила, которая может проникнуть так глубоко, как не проникает ни один искусный агент. Здесь все годится: и клевета, и анонимные письма, и письма с дезинформацией, и распространение фальшивых купюр и фальшивых распоряжений в банки, и подкуп.

15

Наступил подходящий момент для очной ставки Фишера и Гертруды.

Первым ввели Фишера. Он вошел чуть сгорбившись, всем своим видом показывая угнетенность, подавленность, даже и раскаяние.

Когда к нему обращался мой коллега, Фишер буквально вытягивался навстречу каждому его слову, припуская покорно голову. Смотрите, какой я хороший, я готов говорить все, что вам угодно.

— Мне хотелось бы, — начал я, — господин Фишер, уточнить некоторые детали ваших показаний. Фишер вытянулся в мою сторону.

— Слушаю вас, господин следователь!

— Господин Фишер! Правильно ли мы вас поняли? Вы изъявили готовность говорить вполне откровенно.

— Конечно, конечно, господин следователь! Полная откровенность. Полное признание. Никаких тайн от следствия. Я надеюсь, что полное признание смягчит мою вину. И что же у меня за вина? Сегодняшние мои действия? Прошлые? Прошлому уже более двадцати лет! За давностью смягчается преступление. Я действовал лишь по приказу...

— Господин Фишер, — перебил я его. — До меня дошли слухи: здесь, на новой работе, вы имели неприятности. Вами были недовольны ваши хозяева из федеральной разведки.

— Мной? Недовольны?.. А бывают ли эти господа чем-нибудь довольны?

— А опыт разве не нужен? Но в чем-то у вас получился срыв. В чем?

Ничего не прочтешь в его глазах, но он явно старается угадать, сообразить, откуда у нас такие сведения. И что мы еще знаем? Чего мы от него хотим?

— Я умею служить, — сказал он медленно. — Я службист, господин следователь, и горжусь этим. Я был всегда на хорошем счету у начальства. Если бы вы вдруг пожелали взять меня на службу, вы убедились бы в моей исполнительности. Я не понимаю, о каких неприятностях вы говорите? Скажите мне, господин следователь, прямо, что вы от меня хотите?

— Мы вас предупреждали, что нам нужна правда. Только правда! Вы нигде в своих показаниях не лгали?

— Вам надо, чтобы я изменил свои показания? Пожалуйста! Я откажусь, если это вам нужно...

Я поинтересовался, где мы могли бы найти доказательства вербовки Чарустина, кинофильм, о котором он рассказывал, и прочее.

— А разве мои показания не убеждают вас в этом?

Фишер сказал это даже с некоторой издевкой.

— Вы понимаете, господин следователь, что такие вещи не являются личной собственностью. Обрати-

тесь к господину Шварцу. Вам известен его адрес. Возможно, он передаст вам этот документ.

— А почему бы и нет? — ответил я. — Может быть, мы и обратимся с такой просьбой.

— Попросите! — откликнулся Фишер.

Я помедлил и назвал имя.

— Мы обратились к Гертруде Ламердинг.

Фишер откинулся на спинку стула. Опустил глаза. Я молчал, молчал и мой коллега. Ждали, что скажет Фишер. Он это понял и тоже молчал. Молчание затягивалось.

Если бы он был уверен, что его показания не разойдутся с показаниями Гертруды, зачем бы ему сейчас так упорно молчать. Он ждал, что мы ему еще скажем.

Я прервал молчание.

— Господин Фишер, мы вам сейчас предоставим возможность изложить свои показания, касающиеся Гертруды Ламердинг, в ее присутствии.

— Я вас еще раз спрашиваю, господин следователь, какие вам нужны показания?

— Нужна правда и только правда!

— Это формула для всех судов! И ни один суд не искал правды. Правда лишь то, что хотят считать правдой! Что вы, господин следователь, считаете правдой?

— Действительно ли вы засняли кинофильм, о котором говорили нам?

— Как вам нужно?

— Вы показывали правду или нет? Вот что нас интересует...

— Правду... — процедил Фишер.

Мой коллега снял трубку и попросил привести Гертруду Ламердинг.

— Она арестована? — вырвалось у Фишера.

— Вы ее сейчас увидите! — ответил мой коллега.

Мне показалось, что Фишер что-то хотел еще добавить, но сдержался.

Ожидание длилось довольно долго, во всяком случае вполне достаточно, чтобы Фишер успел обдумать сложившуюся обстановку.

Наконец послышались шаги за дверью, и в кабинет вошла Гертруда.

Фишера словно ударило электрическим током. Гертруда поздоровалась, а он вдруг крикнул:

— Как же ты сюда попала, как они тебя сюда заманили?

Гертруда окинула его холодным взглядом и отвернулась.

— Я слушаю вас, — обратилась она к нам. — Это, вероятно, очная ставка?

— Вы угадали, — ответил мой коллега.

— Я готова дать все показания, которые требуются.

Бледное землистое лицо Фишера не могло изменить окраски, но при этих словах он осунулся, сник и сгорбился. Та вспышка энергии, которая подбросила его, когда вошла Гертруда, погасла.

Несколько оправившись от волнения, Фишер ровным, спокойным, монотонным голосом начал рассказывать. Он полностью повторил свои прежние показания.

И вот он, главный вопрос, ради которого и устроена очная ставка.

— Расскажите, Фишер, в присутствии Гертруды Ламердинг, каким образом вы засняли фильм... кадры, которые могли скомпрометировать инженера Чарустина и Гертруду Ламердинг?

— Я дал задание Гертруде Ламердинг соблазнить инженера Чарустина. Фотографирование велось...

Он замолк.

— Как велось? — воскликнула Гертруда. — Как велось? Вы расскажите, кто делал фотомонтаж, где вы взяли всю ту порнографию, которая вами была предъявлена Чарустину?

Кто из них говорит правду? Или может быть вся эта сцена искусно разыграна Гертрудой, чтобы спасти действительно завербованного агента, как это следовало из показаний Фишера? Если считать и ее раскаяние неискренним, если считать, что она агент федеральной разведки и все сказанное ею о ее чувствах к Чарустину — сентиментальная выдумка, то и тут есть логика... Ну хотя бы в том, что она по служебной своей обязанности должна была бы спасти Чарустина любой ценой.

А к чему же могла бы привести попытка Гертруды спасти в лице Чарустина действительного агента?

Ни к чему. Она видела, она теперь знала, что мы имели прямые на него показания. Как агент, он с этой минуты все равно уже терял всякую ценность.

Нет! Гертруда говорит правду. А Фишер поставил простейшую задачу. Как это раньше не пришло в голову мне и моим коллегам, что это еще одна попытка оговорить, оклеветать советского человека?

Почему же он вспомнил именно Чарустина? И это объяснимо. Из-за него рухнула карьера. Месть за провал!

Он вдруг поднял глаза на Гертруду и бросил ей: — Вы, кажется, упрекнули меня, что я палач! Да, я палач! Я приводил приговор в исполнение, а выносились приговоры вашим отцом, Гертруда... Но не Ламердинг! Вы считаете вашим отцом Эриха фон Ламердинга? Он убит в Сталинграде. Ваш отец — жив, хотя вы и ваша семья его второй раз умудрились похоронить.

Фишер обернулся к моему коллеге.

— Пишите в протокол. Я молчал... Теперь расскажу еще об одном псевдониме.

Двумя днями позже в одной из вечерних газет, издающихся в ФРГ, сообщалось, что утром погиб в автомобильной катастрофе преуспевающий коммерсант Пауль фон Ламердинг, сын бывшего генерала Эриха Ламердинга, участника Восточного похода.

Автомобиль Пауля фон Ламердинга марки «Мерседес-300» следовал в Гамбург. На окраине города в него врезался на полной скорости тяжелый грузовик. Пауль фон Ламердинг погиб на месте, шофера грузовика не нашли. Он выскочил из кабины и скрылся.

Далее шло сенсационное повествование о семье Ламердинга, удивительно схожее с тем, что нам рассказал Фишер во время очной ставки с Гертрудой.

Эту главу можно было бы озаглавить «История еще одного псевдонима».

Совместив газетную статью с показаниями Фишера, с рассказами Гертруды, мы получили любопытную картину.

Эрих фон Ламердинг, генерал рейхсвера, был убит в Сталинграде. Немецкое командование занесло его имя в списки пропавших без вести. Это дало возможность появиться Эриху фон Ламердингу вновь в сорок пятом году. Воскресший генерал поселился со своей вдовой в Гамбурге. При этом был пущен слух, что он погиб, покончив жизнь самоубийством в Берлине. Он считался живым только для семьи и еще некоторых сообщников. Однако жизнь под именем известного генерала грозила все же осложнениями, а надо было выходить из подполья. В 1955 году по улицам Гамбурга протянулась похоронная процессия.

Тогда считалось, что был похоронен советник Лоритц, бывший оберфюрер СС. В одном из журналов была помещена фотография этой процессии. А потом появилось разоблачение. Сообщили в газетах, что похоронен вовсе не Лоритц, а генерал Эрих фон Ламердинг. Следы окончательно запутались. Раздались голоса, требовавшие произвести эксгумацию трупа. Полицейский комиссариат провел эксгумацию и составил протокол, что в действительности был похоронен не Лоритц и не Ламердинг, а Артур Кегель — обербанштурмфюрер СС, занесенный в списки военных преступников, подлежащих смертной казни за преступления против человечества. На том и успокоились. Однако в некоторых французских газетах лет десять назад промелькнуло сообщение, что в Мадриде Отто Скорцени имел встречу с Артуром Кегелем. Сообщение это проскочило мельком, корреспонденты не могли представить доказательств появления покойного Кегеля.

Внезапная смерть Пауля фон Ламердинга пролила свет на эту игру. В карманах пиджака Пауля фон Ламердинга были обнаружены интересные документы. Из них явствовало, что Артур Кегель появился теперь уже в роли владельца контрольного пакета акций одной из крупных промышленных фирм. Откуда вдруг возник миллионер Макс Майер? Оказывается, Макс Майер — это Артур Кегель. Не за мил-

лионами ли он ездил к Отто Скорцени в Мадрид, который, как предполагают, остался распорядителем эсэсовских сокровищ, хранимых тайно в швейцарских банках? Газета так комментировала это событие:

«Полиция, обнаружив эти документы, попыталась обратиться к Максусу Майеру за разъяснениями, но поздно. Макс Майер, он же Артур Кегель, узнал о смерти своего приемного сына до того, как к нему обратилась полиция. Он тут же продал контрольный пакет акций и исчез в неизвестном направлении. Предполагают, что на этот раз он покинул территорию Федеративной Республики».

Мы показали эту заметку Гертруде. Она подтвердила, что ее отец решил в 1955 году выйти из подполья. Для этого была разыграна сцена с похоронами. Он исчез на некоторое время, затем действительно появился под именем Майера. Откуда у отца деньги? Этого она не знает. История, изложенная в газете, похожа на правду. Но при этом она заявила, что брат ее погиб не случайно...

Мы могли догадываться, кто направил на него тяжелый грузовик. После ареста Гертруды Пауль фон Ламердинг стал опасен. Историю с превращениями Артура Кегеля подбросили для того, чтобы отвести внимание общественности от разоблачений более актуального характера. Так мы истолковали эту откровенность западногерманской газеты.

17

— Каковы успехи? — встретил меня вопросом Юрий Александрович, когда я вошел к нему в кабинет. — Садитесь, рассказывайте. Разворошили вы там осиное гнездо... Читаю газеты. Какой поднялся шум вокруг семейки Ламердинга

— Осиное гнездо! — согласился я. — Но в этом осинном гнезде не все осы жужжат одинаково.

— Это вы о Гертруде? Это понятно. Чарустин молодцом, выходит, держался! Напрасно ничего нам не рассказал о попытках Фишера... Боялся?

— Не знаю... — ответил я. — Можно его спросить. А может быть просто боялся за жизнь Гертруды. Мы имеем доказательства, что опасения не напрасны. Брат-то погиб.

— Как вы теперь смотрите на Чарустина? — спросил я Юрия Александровича.

— Пора завершать дело...

— Можно еще повременить? Я хотел бы съездить в Энск и уточнить, что за противоречия с показаниями Осипова? Расставим все точки над «и».

— Пожалуй, вы правы, — согласился Юрий Александрович. — Ваш Баландин здесь развил бурную разоблачительную деятельность.

— Почему он мой?

— Ну, как же, ссылается на вашу с ним встречу, настаивает, требует ареста Чарустина, жалуется, что мы инертны... Желчь? Собрал заявления у тех, кто был в поездке с Чарустиным, пробил, буквально прокричал своей луженой глоткой освобождение от работы Чарустина. Идея разоблачения стала просто навязчивой идеей. Мы даже поинтересовались — не состоит ли он на учете в психиатрической лечебнице. Не состоит. В чем дело?

На этот вопрос я не мог ответить. Мне тоже был непонятен Баландин. Излишняя подозрительность? Так нет же. Излишняя подозрительность утомительна, и она проявилась бы раньше. Ранее таких заскоков у Баландина никто не отмечал. Личные счеты? Что-то там с диссертацией, с аспирантурой. Но это было так давно... Объективно его действия чем-то напоминают действия Фишера. Но тот — наш враг, а клевета — одна из форм борьбы против нас. А чего же хочет Баландин, чего он добивается?

— Баландин настойчиво просил приема — продолжал Юрий Александрович. — Мне пришлось с ним встретиться...

У нас к этому времени разобрались в истории с диссертацией и в истоках неистовства Баландина.

Чарустин в своей диссертации резко разошелся с выводами своего профессора по некоторым техническим вопросам — по существу, разрушил теорию профессора. Тот не внял выводам своего аспиранта и «зарезал» его диссертацию. Чарустину пришлось

уйти из аспирантуры. Баландин был учеником того же профессора, его выдвиженцем, его приверженцем.

Неужели расхождения в технических теориях могли привести Баландина к разоблачительной горячке?

Я выехал в Энск.

Надо было кончать дело с расследованием причин катастрофы.

Встреча Баландина и Осипова в ресторане перед визитом Осипова к следователю в прокуратуру. Не в этой ли встрече и окончательный ответ на вопрос?

Осипов. Еще один человек, еще одна биография, еще один характер. Он вошел ко мне в кабинет, сел и замер в ожидании. Его темные глаза смотрели с тревогой, он был бледен, но минутами на его лице проступали красные пятна. Волновался. И сильно волновался. Бойтся. Я это сразу понял — по походке, по взгляду, по нервному напряжению. Чего же ему бояться?

Ему тридцать три года. Стало быть, сознательная жизнь уместается в каких-то пятнадцать лет. Институт, работа в разведывательных геологических партиях. Какой у него рабочий стаж?

Я заглянул в анкету. Странно. Рабочий стаж всего пять лет. Тридцать три года, а работает только с двадцати восьми лет. Человек кончает институт в двадцать один, в двадцать два года. Что он делал до двадцати восьми лет?

— Почему у вас, Григорий Осипович, такой маленький трудовой стаж? — спросил я его.

— Почему маленький? — с обидой переспросил он меня. — Я сразу же после института пошел на работу.

— Сколько вам было лет, когда кончили институт?

— Двадцать восемь...

— У вас был перерыв в учебе?

— Много перерывов. Болел...

— Когда вы поступили в институт?

— Сразу, как кончил школу.

— Вам было?..

— Мне было семнадцать лет...

— Одиннадцать лет учились в одном институте?

— Одинадцать лет... Я же болел. Это разве относится к делу?

— Не относится! — ответил я ему. — Просто любопытная история... Если бы вы еще работали...

— Нет, я не работал. Я учился, когда мне позволяло здоровье.

— Что же у вас со здоровьем?

— Переутомление... Мозговое что-то, нервное...

— Возможно, возможно... Он не производил впечатления больного, но впечатление в таких случаях может быть и обманчиво. Я пометил себе: запросить справку у врача.

— Григорий Осипович! Нас интересует всего лишь один вопрос. С вами беседовали в прокуратуре, состоялась даже очная ставка. Дело, как известно, передано нам. Была докладная?

Дрогнули веки, он поднял на меня темные глаза. В них метался страх.

Минута, другая молчания. Он лихорадочно ищет в каких-то мной оброненных словах, в жестах моих: что нам известно? Что?

Едва внятно он произносит:

— Не было докладной... Я не хочу, чтобы у меня были тайны от Комитета государственной безопасности.

— Не имеет смысла иметь от нас тайны. Зачем же вы дали эти показания в прокуратуре?

— Испугался... Я не понял, что там произошло на нефтепроводе. Баландин мне пригрозил расстрелом...

— Вам? За что же?

— Дескать, все будет приписано мне, Чарустин большой начальник, его отведут от ответственности...

— А где происходил разговор?

— В номере.

— Рассказывайте все.

Осипов попытался что-то сказать, но поперхнулся. Слова не выдавливались. Человек любит выглядеть перед другими красиво, а здесь надо признаваться в вещах некрасивых.

— Вы же все знаете... — произнес едва слышно Осипов.

— Я хочу, чтобы вы до дна испили чашу, что сами себе налили. Говорите!

— Баландин сказал мне, чтобы я дал эти показания...

— Сказал?

— Он продиктовал мне докладную... Заставил выучить ее наизусть.

— Докладная цела? Шпаргалка, вернее.

— Она у него... Он говорил мне, что Чарустин негодяй, что его очень трудно разоблачить, что я помогу большому делу...

Я протянул лист бумаги Осипову и предложил ему написать показания.

Когда Осипов подписал свои показания, я молча отметил ему пропуск и указал рукой на дверь.

Осипов встал, нетвердой походкой пошел к выходу.

У двери остановился.

— Что мне теперь делать, товарищ следователь?

— Это дело вашей совести! Я бы советовал вам пойти в партийные органы и все рассказать.

Пока я ездил в ГДР, Марченко создал экспертную комиссию из авторитетных специалистов. Специалисты провели обследование места взрыва. Были проведены раскопки. Вскрылась следующая картина: нефтепровод лег не на подземный переход, а на выложенную из камня водопроводную трубу, акведук, протянутый в монастырь от обильного подземного источника.

Время, грунтовые воды подточили и ослабили кладку. А когда прошли тяжелые машины над подземной кладкой, камни поползли, труба зависла и, не выдержав нагрузки, лопнула. Устремившаяся в разрыв трубы нефть сначала заполнила подземные пустоты, затем просочилась сквозь песок на поверхность — вспыхнул пожар.

Кто же виноват во всем этом?

Геологическая разведка?

Несомненно, добросовестное исследование грунта должно было бы привести к открытию подземных провалов. Их не ожидали и просмотрели... Отвечать геологам и, в первую голову, Осипову. Но это уже

не наша забота. Это все опять уйдет в прокуратуру. Чарустин в катастрофе невиновен...

18

Вернувшись в Москву, я пригласил на допрос Баландина.

Марченко с нескрываемым сочувствием смотрел на меня, пока я объяснялся с Баландиным по телефону.

— Над чем смеешься? — спросил я Марченко, положив на рычаг трубку.

— Не смеюсь, а сочувствую... Тяжелое предстоит объяснение!

— Не вижу ничего тяжелого. Налицо сговор и лжесвидетельство! Заказывай пропуск. Я с ним поговорю с глазу на глаз.

Он вошел своим легким спортивным шагом, с изнуренным видом, сжигаемый каким-то внутренним огнем.

Присел к столу и положил перед собой разбухшую от бумаг папку.

— Я рад, что вы появились, — начал он наставительным тоном. — Все ссылаются на вас, дескать, товарищу Дубровину поручено разобраться в этом нелегком деле. А вас нет и нет!

Пока он все это говорил, я смотрел пристально, не отводя глаз, на его лицо. Я должен, должен понять этого человека. Понять! Что им руководило? До объяснений с Осиповым были какие-то сомнения, колебания... Теперь не было ни сомнений, ни колебаний. Передо мной сидел клеветник. Какие он имел цели?

А он продолжал говорить:

— Я переслал вашим товарищам письма некоторых инженеров, находившихся в командировке с Чарустиным. Я не знаю, передали вам эти письма или нет? Я могу вам показать их копии... Я настаиваю на том, чтобы была проведена тщательная проверка: как себя вел в Западной Германии Чарустин!

Баландин запустил руку в папку, отыскивая какие-то документы.

— Николай Николаевич, я только что вернулся из командировки в Германскую Демократическую Республику. Я занимался той самой проверкой, о которой вы говорите.

Баландин привстал.

— Это правда?

— Правда!

— Вам удалось что-нибудь установить?

— Я хотел бы, Николай Николаевич, вам задать вопрос. Вам не знакомо лицо по фамилии Фишер?

Баландин задумался, покачал головой.

— Нет, я впервые слышу такую фамилию.

— А имя Эрвина Эккеля вам говорит о чем-нибудь?

Баландин опять покачал головой.

— Эрвин Эккель, он же Фишер, бывший палач в лагере Эстервеген, офицер Эйнзатцгруппы, действовавшей на советской территории. Ныне сей господин арестован органами безопасности Германской Демократической Республики за враждебную деятельность. Он дал показания, что инженер Чарустин был вовлечен федеральной разведкой в провокацию и завербован им на роль агента разведки ФРГ.

Я говорил и смотрел на Баландина. Впервые лицо его как бы просветлело, появилось даже подобие улыбки, он как бы потянулся мне навстречу, обрадовался.

— Я же говорил, а меня никто не хотел слушать!

— Да, да... Вы намекали, Николай Николаевич! Вы достаточно прозрачно намекали на такую возможность. Я это удостоверяю.

— Я не решался говорить прямее.

— Так вот, этот Фишер дал показания, что он лично завербовал Чарустина. Я выезжал для того, чтобы допросить Фишера. В результате дополнительного расследования нам удалось установить...

Я сделал паузу. Ну, конечно же, он опять ищет подтверждения в моих словах.

— Нам удалось установить, что сей Фишер, действуя в соответствии с директивами своего руководства, умышленно оклеветал советского инженера. У них есть на этот счет свои особые цели!

Я замолк. Баландин внимательно смотрел на меня.

Видимо, не сразу доходил до него смысл моих слов. Медленно сходила с его лица улыбка. И опять оно заметно почернело.

— Вы не знакомы с Фишером, вам не известен сей господин и не может быть известен, но откуда же такое совпадение? Почему и он и вы вдруг выступаете в одной роли, словно по какому-то сигналу? Он клеветает на Чарустина там, вы клеветаете — здесь. В чем природа столь странного совпадения?

— Где, как, когда я клеветал? Я высказываю свои сомнения!

— Сомнения высказывать вправе каждый человек! Не о них речь, хотя минуту назад вы это ставили себе в заслугу. А толкать Осипова на дачу заведомо ложных показаний — это, по-вашему, благородно? Что вас побудило принудить Осипова дать ложные показания о якобы им поданной докладной на имя Чарустина, когда шла прокладка нефтепровода?

— Что такое? Когда? Что?

— Вы в день приезда Осипова встретились с ним в ресторане...

— Где? Где у вас доказательства?! — крикнул истерически Баландин.

Я вернулся к столу, достал из папки протокол допроса Осипова и положил перед Баландиным.

— Читайте! — предложил я ему.

Он схватил листки и бегло их пробежал.

— Ложь!

— Вам нужна очная ставка с Осиповым?

— Он арестован? — спросил Баландин.

— Вам нужна очная ставка с Осиповым? — повторил я вопрос.

Баландин сник. Замолк.

— Не нужна. В таком случае, берите бумагу и дайте следствию собственноручные показания, только без лжи. Вы и так долго лгали.

— Я буду жаловаться!

— На что?

— Мало ли что я мог посоветовать Осипову. Он сам не маленький, он сам отвечает за свои показания...

— Так же, как и вы, Баландин, за свои действия!

Много ли прошло времени с той встречи, когда я видел его. Немного. Но меня встретил другой человек. Он осунулся и как-то сразу и стремительно постарел, припустились его плечи, угас взгляд светлых глаз. Встретил он меня в общем-то довольно сухо. Провел опять в свой кабинет.

Он предложил мне сесть в кресло, подвинул его, сам сел за стол напротив.

— Вот, кстати, — сказал я, указывая глазами на портрет, — после нашей встречи, Василий Михайлович, мне довелось познакомиться с этой молодой женщиной, с Гертрудой фон Ламердинг. Я беседовал с ней и довольно долго... У меня к вам вопрос, Василий Михайлович! Гертруда фон Ламердинг задержана органами безопасности Германской Демократической Республики. Наши коллеги разбираются в ее деятельности. Что бы вы могли сказать о ней, как бы вы могли охарактеризовать ее? Что это за человек? Для наших коллег это очень важно...

— Вас, наверное, интересует вопрос, откуда у меня фотография Гертруды Ламердинг, вопрос о моих с ней отношениях?

Чарустин поднял глаза и пристально посмотрел на меня.

— Я должен быть правдив... Может быть, я сам себе могу повредить своей правдой. Иногда говорят: не то правда, что действительно правда, а то правда, что хотят считать правдой. У меня сложилось впечатление, что Гертруда Ламердинг порядочный человек, но убеждений, совершенно противоположных нашим. Убеждений неосновательных, скорее, наносных. Результат воспитания, формирования в определенной среде... Она пыталась со мной спорить и нападала на мои взгляды довольно горячо. Но когда пропадал запал, пропадала горячность и мы начинали спокойно и не торопясь просматривать ее убеждения, они рассыпались, а когда они рассыпались, она отступала. На это у нее доставало объективности...

— Она это приписывала вашему умению полемизировать... — заметил я.

— Она это преувеличивает. Просто ей, видимо, не случалось встречаться с людьми, умеющими отстаивать свои убеждения. Примешивалось к этому и еще одно обстоятельство. Мне трудно об этом судить... еще труднее говорить...

— Она вас любит! Она сказала нам об этом... Она даже готова приехать сюда, к вам, конечно!

— Да, это так! Но я ее не полюбил...

— Вам что-нибудь было известно о ее связях с разведкой?

— Нет! Но у меня были все основания предполагать, что на первых порах она не сама по себе ко мне потянулась. Потом это переменялось, и она в решающий момент выступила против тех, кто ею пытался руководить. Но это все область предположений! Я об этом мог судить лишь по грубости того господина, который явился ко мне. Я, несомненно, сообщил бы об этом вашим товарищам, если бы придал какое-то значение этой попытке. Все было грубо и примитивно. Шум поднимать мне не хотелось. Гертруда мне сказала, что если по этому поводу разразится скандал, ей не жить... Я был обезоружен... Если бы мне пришлось еще раз ехать туда же, я, конечно, отказался бы и объяснил вашим товарищам причину отказа.

— Этот господин, который пытался вас шантажировать, арестован. Он занимался довольно активно такого рода делами.

Чарустин вдруг улыбнулся, и как бы тяжесть свалилась с его плеч, они даже чуть распрямились.

— Молодцы товарищи из органов безопасности ГДР! Это подлый человек! Я готов дать свои свидетельские показания...

— Не нужно! — ответил я. — Он полностью изобличен в своих преступлениях! Над ним состоится суд. Гертруда заслуживает снисхождения. Ее брат, лишь начав в чем-то там разбираться, чтобы выручить сестру, стал жертвой автомобильной катастрофы. На его машину наскочил тяжелый грузовик...

Чарустин взглянул на портрет. Задумался.

— Мне жалко ее, — произнес он тихо. — Но жалость — это еще не любовь!

Материалы о причинах катастрофы на нефтепроводе мы вернули в прокуратуру. Прокуратура привлекла Осипова к уголовной ответственности за халатность и за дачу ложных показаний, Баландина — за организацию клеветы на Чарустина.

В министерстве отменили приказ об освобождении Чарустина от работы.

Нающийся взяточник

Все началось как будто бы со случайности.

И все же я не думаю, что гражданин Сальников пришел в Комитет государственной безопасности случайно. Он пришел к нам в тот час, когда больше не мог молчать. Он даже не сумел как следует объяснить, почему пришел именно к нам.

Сальников Георгий Иванович. Двадцатого года рождения. Невысокого роста, горбится, во время разговора прячет глаза. Некрасив.

До того как пригласить его в кабинет, я уже знал, что он некрасив и душой.

Я знал, что он брал взятки, небольшие, по мелочи... В ином случае это даже и нельзя было счесть взятками. Подарки. Но подарки, которые развращают, стоят на грани взятки. Артисты эстрады, Госконцерта, артисты ансамблей, приезжая из-за границы, привозили ему подарки. Каждый по своим средствам. Кто привезет изящный карманный фонарик, кто газовую зажигалку, а кто и портативный магнитофон. Его двухкомнатная квартира напоминала комиссионный магазин.

В приемную Комитета государственной безопасности он пришел растерянный, бледный, с синевой под глазами. Чувствовалось, что провел тяжелую ночь.

— Так жить я больше не могу! — сказал он срывающимся голосом. — Я ничего не боюсь, я боюсь только неизвестности... Я попал в руки крупного авантюриста и мошенника.

Нужно отдать должное Сальникову. Он не стал утаивать все то темное, что было в его жизни. Говорил как на исповеди.

Дом его — полная чаша. Не было у него только заграничной машины — «иномарки», как ее принято

именовать среди автолюбителей. Заграничный автомобиль! Это была его неисполненная мечта.

И вот надо же! Сальникова свели с обладателем сравнительно новенького автомобиля «Оппель—капитан».

Хозяином машины оказался некто Значковский, музыкант, претендент на гастрольную поездку за границу.

Сальников попросил Значковского продать ему «Оппель». Значковский довольно откровенно объявил, что продаст машину, если попадет в группу музыкантов, отправляющихся на зарубежные гастроли. От Сальникова отчасти зависело формирование концертных групп. Итак, одному — машина, другому — зарубежные гастроли.

Сальников пояснил:

— Желание Значковского выехать за границу не вызвало у меня удивления. Попасть в группу музыкантов, выезжающих за рубеж, представлять советское искусство само по себе почетно. Успех на гастролях, несомненно, обратил бы внимание на музыканта, который еще не имел достаточно известного имени. Должен признать, что без моего содействия Значковский на этот раз не попал бы в группу — у него не было рекомендаций Госконцерта. Включая его в группу, я особых угрызений совести не испытывал. У него были отличные характеристики. Однако если бы он не обещал мне машины, я не включил бы его в группу. Мне пришлось взять эту акцию полностью под свою ответственность. Больше никто за него голоса не подал, но я был уверен, что он не провалится. Успех мог быть и не быть. Когда я показал Значковскому список группы, в котором стояло и его имя, он тут же вручил мне доверенность на управление своей машиной, документы, технический паспорт, техталон и ключи от машины. Доверенность была сроком на три года. Я предложил ему деньги за машину, он не взял и сказал при этом, что мы когда-нибудь сочтемся по возвращении.

— Итак, вы получили взятку от Значковского? — спросил я.

— Да!

Короткий и ясный ответ.

Значковский уехал на гастроли. Сальников отвел свою «Волгу» в комиссионный магазин и через несколько дней подъехал к месту своей работы на голубом «Оппеле». Пижон с седыми висками. Как он мог не ответить на вопрос, его ли машина, желанным словом «моя»? Он даже похвалился перед сослуживцами, что купил ее за шесть тысяч. В комиссионном. Он устроил и автомобильную прогулку, «пикник», для нужных ему людей.

Беспокоило, конечно, возвращение Значковского. А вдруг, вернувшись, передумает? Доверенность не такой уж надежный документ. Вернулся. Поездка удалась. Значковский, по сведениям, которые получил Сальников, имел большой успех... Он выступал с сольными концертами. А после одного из концертов в большом рабочем профсоюзном клубе ему сделали подарок — автомашину. Он привез ее и, конечно, похвастался Сальникову. «Умопомрачительная машина», — так охарактеризовал ее Сальников.

Он утверждал, что еще раз предложил Значковскому получить деньги. Тот и на этот раз отказался, бросив на ходу: «Катайтесь в свое удовольствие».

Но... однажды Сальников не нашел на стоянке «своей» машины. Значковский забрал ее.

Сальников испугался. Он не знал, как объяснить со своими сослуживцами. Сравнительно недавно купил «Волгу» и тут же ее продал. Хвастался «Оппелем», не мог на него наглядеться, нарадоваться и опять же продал? Спекуляция? А если не спекуляция? Взятка? Не составит труда общественным организациям установить, что Значковский поехал за границу после того, как у Сальникова оказалась его машина.

— И я сорвался! — признался на допросе Сальников. — Сорвался и заметался...

Сальников пошел в милицию и заявил, что у него угнали машину, что он стал жертвой мошенника, который продал ему машину с рук на руки, а потом ее отнял. Да, да, он виноват, но он все же пострадавшая сторона. Значковский, дескать, взял с него четыре тысячи. Мог ли он ожидать, что Значковский выложит ему деньги? Конечно, на это он не расчи-

тывал. Ему нужно было отвести обвинение во взяточничестве.

Дело расследовалось в следственном отделе милиции по месту жительства Значковского.

В милиции Значковский неожиданно вручил Сальникову пачку денег — четыре тысячи. Следовательно он пояснил, что хотел отдать деньги именно в милиции, но тут же потребовал, чтобы Сальников пересчитал деньги. Сальников начал считать, но не выдержал психологической пытки, бросил деньги и пришел к нам...

Во всей этой истории обращало на себя внимание одно обстоятельство: очень уж откровенно Значковский рвался за границу. Да, да, все как будто объяснимо. Гастроли... Зарубежная слава... Не знаю, как насчет славы, но он привез из-за границы роскошную новую машину. Купить он ее не мог: у него не было и не могло быть в таком количестве валюты. Подарок? Мы имели информацию, что это подарок от благородных слушателей после одного из концертов в Нью-Йорке. Подарок! Меня стали одолевать сомнения. Подарок ли? Темное все же это дело со Значковским.

Справку мне о Значковском дали довольно подробную, однако ясности она не вносила.

Наш герой родился в тридцать третьем году. Меня прежде всего интересовало, кто были его родители, что они за люди. Отец. Он умер в канун войны, когда мальчику было восемь лет. Он был отличным музыкантом. Начал свою артистическую карьеру где-то в первые годы после революции. Играл в оркестре Большого театра на скрипке, а потом стал известен как композитор. Он писал песни. Некоторые из них живут до сих пор.

Мать... Ей, наверное, трудно досталось его воспитание. До смерти мужа она не работала. Работать поступила в первые дни, как началась война. Два года работала аппаратчицей на химическом заводе. Жили они в районе поселка Сокол, а ездила она на работу за Крестьянскую заставу через весь город. Долгий и дальний путь на городском транспорте в военное время. Трамвай... А на заводе тогда работали не по восемь часов.

В сорок третьем году она вдруг бросила работу. В заводском архиве было найдено заявление Значковской об уходе. Она мотивировала свою просьбу об увольнении тем, что ей далеко ездить на работу, что подросток сын и требует особого материнского надзора. Сыну тогда исполнилось десять лет. Действительно, опасный возраст, если выпустить мальчишку из-под наблюдения.

Больше она на работу не устраивалась, возраст ей права на пенсию не давал. На какие же средства она жила с сыном? Оставалось предположить, что муж оставил ей какие-то сбережения. Он зарабатывал, надо полагать, немало... Но достаточно ли, чтобы его жена могла не работать? Как они жили? Она получала иждивенческую карточку, триста граммов хлеба. Он ученик. Мальчишка...

Однако именно к его биографии это прямого отношения не имело. Он учился в обычной средней школе и ходил в музыкальную школу. Потом начал брать частные уроки дополнительно к занятиям в музыкальной школе. Тоже детали! Кто платил за уроки? А может быть, ему давали уроки бесплатно? Одаренный мальчик.

Ну, а дальше все значительно проще. Он поступил в консерваторию. В автобиографии своей записал: «Поступил в консерваторию. Моей стипендии мне и матери не хватало, я давал частные уроки музыки».

Концерты, участие в конкурсах, гастроли...

Чем могла бы не понравиться такая трудовая биография? И вот это странное и темное дело с машиной!

Наши товарищи пригляделись и к его «автомобильной» биографии. Опять же некоторая странность. Начал он с «Победы». Поездил на ней год. Продал. В то время комиссионных магазинов по продаже автомобилей не было. Продал и купил тут же «Волгу», а потом продал и ее и с рук купил «Оппель» за несколько дней до открытия комиссионных магазинов и запрещения продавать машины, минуя комиссионный магазин. Что же в этой купле и продаже можно было усмотреть криминального? Ровным счетом ничего — Значковский любит новые машины и не желает ездить на старых.

Не забыли поинтересоваться и подарком, который получил Значковский во время своего концертного турне по Соединенным Штатам. Лежала в деле одна из популярных заокеанских газет. В пространной статье музыкального критика разбиралась игра Значковского. Статья была полна восторгов. Значковскому как бы выдавался паспорт на маститость и бессмертие. В этом же номере помещался и репортерский отчет о концерте, об успехе советского музыканта, рассказывалось о том, как растроганные слушатели бесплатного концерта преподнесли ему подарок: автомобиль... Не обошлось и без рекламы. Создавалось впечатление, что подарок затеян фирмой ради рекламы.

Значковского пришлось пригласить на допрос.

Я не дожидаясь той минуты, когда он войдет ко мне в кабинет. Хотелось увидеть его минутой раньше. Я подошел к окну, из которого был виден подъезд, где должна была остановиться машина Значковского.

Действительно красавица. Не зря старался репортер, описывая ее внешние достоинства. Не машина, а произведение искусства. «Инвикта»!

Артист был на высоте. Без тени какой-либо гордости за машину, без тени пижонства он вышел, захлопнул дверцу и торопливым, деловым шагом прошел в подъезд.

На дворе май месяц. Тепло, даже жарко. На нем был модный плащ, который выделял черный вечерний костюм. Артист пришел с официальным визитом.

Он вошел в кабинет. Высокий лоб, открытый взгляд и тонкие губы. Серые, холодные, умные глаза. Надо было как-то растопить его холодок, ослабить чем-то настороженность и собранность.

— Я видел в окно, как вы подъехали. Отличную вам подарили машину. «Инвикта»... Что означает это слово? У меня нет под рукой словаря.

— В переводе с латинского — непобедимая.

— Ну, и как она ходит?

— Что об этом говорить? Мотор за триста сил. Хорошо ходит.

— Ну, а если что с запчастями?

— Об этом меня все шоферы спрашивают... Этой машины мне хватит на несколько лет без запчастей.

Нет, он положительно не хотел развивать тему разговора. Вопрос — ответ.

— Что у вас получилось с Сальниковым?

— Житейская история...

— Я не сказал бы, что уж совсем-то житейская.

— Именно житейская. Раньше, когда не было комиссионных магазинов, шла спекуляция машинами. Теперь, когда, помимо комиссионных, нет возможности приобрести машину, некоторые идут на жульничество и преступление. Документы подделывают, продают машину, а выдают на ее пользование доверенность. Идут в ход всякие фальшивые справки. Взял меня Сальников за горло — куда мне было деваться? А от него, товарищ следователь, прямо зависело — пошлют меня на гастроли или не пошлют!

— Ну, это понятно, — поспешил я уйти от подробностей. — Скажите, почему вы сразу не отдали деньги Сальникову? У себя на квартире?

Значковский удивленно поглядел на меня.

— Вот этого вопроса я не ожидал от вас! Как я ему мог отдать деньги, если я у него их не брал?

Признаюсь, ответ для меня был неожиданным. И вроде никакой игры. По инерции я задал лишний вопрос, наивный и растерянный.

— Вы у него не брали денег?

— Не брал...

— Значит, вы не получали денег от Сальникова за свою машину?

— Не получал!

— Почему же вы в милиции вручили ему четыре тысячи?

— Я все-таки надеялся, что у него проснется совесть!

— Ах, вон оно что! Поэтому вы заставили его считать деньги?

— Именно поэтому!

— Денег у Сальникова не брали, а машину отдали. Что это означает?

— Как отдал — так и взял.

Значковский мрачно усмехнулся:

— Он же взяточник. Пришлось обмануть взяточника. Он полагал, что я ему даю взятку.

— Дал — взял. Видимо, не так-то все просто...

Значковский молчал.

— Сальников утверждает, что он просил вас продать ему машину.

— Просил продать. И я продал бы. Не жалко машины. А как это сделать? Он предложил продать ее по доверенности. Может быть, я так и сделал бы, вернувшись из-за границы. Но я же не знал, что мне сделают такой подарок. Две машины я не могу держать на своем имени. Надо продать «Оппель». Продать его можно только через комиссионный. Так что если уж рассуждать строго, то взятки никакой я не давал, но взятку у меня брали.

— Странное рассуждение! Сальников взял машину, считая, что вы ему ее отдаете как взятку. А вы что считали?

— Я считал, что, не отдав машины, я не уеду в турне...

— Это же взятка!

— С волками жить — по-волчьи выть... Не я ставил на это место взяточника и прохиндея.

— О нем разговор особый. Учтите, Значковский, что и дача взятки так же карается по закону, как и вымогательство взятки.

— Судить меня неразумно, товарищ следователь! Никакой суд не отнимет у меня ни моего музыкального таланта, ни моей профессии. Да, я хотел выехать за границу, очень хотел... как музыкант-профессионал. Хотел успеха, славы, как всякий артист.

На этом и конец, на этом и поставить бы точку. Аргументы его были убедительны, и его откровенное признание располагало к нему. Однако не надо было ему переигрывать, пережимать, тащить лишнюю карту из колоды — перебор.

— Вы посудите сами, товарищ следователь... Если бы я уж так жаждал выехать за границу, можно было купить туристическую путевку. Мне для моего искусства нужны были гастроли за границей, оценка моих усилий музыкантами Запада...

«Зачем же ты мне все это объясняешь? — задал я тут же себе вопрос. — И без этого объяснения все ясно, все на месте, а тебе мало, ты хочешь утвердить меня в том, в чем утвердиться не представляет

труда. Значит, нет у тебя уверенности, что мы поверили твоим объяснениям?»

Я подписал пропуск и проводил Значковского до двери. Вернулся в кабинет и еще и еще раз обдумывал каждый его жест, каждое слово. До какого-то момента все объяснимо и все понятно. Действительно, какому артисту не лестны гастроли за рубежом, выход на международную сцену, мировая слава! Но Сальников послал бы его в турне и при меньших издержках. Он действительно купил бы у него машину, отдал бы немалые деньги. Не так-то просто, отдав машину, приобрести новую... На что же он мог рассчитывать?

На подарок? Разве можно на это рассчитывать? Это же случай... А случай ли?

Я позвонил своему помощнику Снеткову и попросил его установить, записан ли Значковский в очередь на приобретение «Волги»?

Пришло сообщение, что в списке очередников Значковский не значится.

Подарок! Не шел у меня из головы этот подарок. Действительно ли Значковский такого класса музыкант, что растроганные слушатели отметили встречу с ним дорогим подарком? Однако подарок! И особенное подчеркивание Значковским, что он и без гастролей мог бы попасть за границу. Но ведь без гастролей, с туристической путевкой в руках он не приобрел бы машину. Здесь иное дело. Он мог бы купить эту машину, с кем-то условиться, что он платит за нее деньги, а ему передают как подарок. Могло быть так? Возможный вариант. Тогда он должен был бы иметь валюту. И немалую к тому же сумму.

Я попросил Снеткова выяснить: не пытался ли заниматься Значковский валютными сделками, не имел ли он на этой почве встреч с иностранцами? С иностранцами он встречался часто. Но эти встречи обусловлены профессией. Снетков через несколько дней доложил о том, что данными о занятии Значковского валютными сделками органы госбезопасности не располагали.

Я даже порадовался. Мои подозрения рассеялись! Человек знает себе цену и умеет держаться с достоинством. Дело действительно утрачивало для

органов государственной безопасности интерес, и мы решили его передать в порядке подследственности в прокуратуру.

И передали бы! Меня отвлекло срочное дело. Пришлось выехать в командировку.

Спиртом отравился ... или?

Пришло сообщение о том, что в Тульской области, в одной из деревенок, в семи километрах от станции Лазарево, несколько дней тому назад умер человек. Некий Константин Петрович Кучин, колхозный счетовод. Жена вошла утром в горницу из сенцев и обнаружила, что ее муж мертв. Районный судебно-медицинский эксперт установил, что смерть наступила от отравления спиртом. Вполне обычная смерть для пьяницы. Но тут же последовало опровержение. Жена заявила, что ее муж не был алкоголиком, что накануне вечером он вообще был трезвым и ничего не пил. Он водку-то пил раз в году. Кучина написала в обком партии жалобу, что ее муж умер не от отравления, а от нервного потрясения, что его, дескать, «затравил председатель колхоза, который похвалялся сжить его со света». Одно письмо в обком, другое областному прокурору.

Последовало указание провести повторную медицинскую экспертизу. Пришлось сделать эксгумацию трупа. Второе вскрытие произвели судебные эксперты из Москвы. Они поставили под сомнение первоначальный диагноз. Специалисты установили, что смерть наступила действительно от отравления, очень напоминавшего отравление спиртом.

Судебные эксперты привлекли на консультацию медиков из Москвы и профессора химии — специалиста по новым ядам. Заключение специалистов оказалось ошеломляющим. Паралич. Мгновенный паралич всей нервной системы. Типичные признаки отравления ядом «БЦ-12», запущенным в производство одной из химических фирм Западной Германии. Фирма тщательно оберегала секрет этого яда. Откуда бы появиться ему в глухой деревеньке Тульской области? Дело было немедленно передано для дальнейшего

расследования в Комитет госбезопасности. Я с группой товарищей выехал на место происшествия.

Эксперты утверждали, что был применен яд мгновенного действия, яд, который даже не надо принимать внутрь, достаточно какое-то мгновение вдыхать его пары, и человека разбивает полный паралич. Учитывая этот вывод экспертов, мы выдвинули версию, что Кучин был отравлен во сне. Но для этого отравитель должен был войти в избу. Жена же Кучина уверяла, что никто в дом к ним войти не мог. Кучин спал в горнице, где было всегда открыто окно, она спала с двумя детьми в прохладных сенцах.

Никаких подозрительных следов ни возле дома, ни под окном горницы. Изба стояла на высоком бутовом фундаменте. Для того, чтобы влезть в окно, надо было встать на отлив над фундаментом. Отлив был покрыт железом. Железо отошло местами, и, если человек наступил на него, оно должно было загреметь. Несомненно, этот шум привлек бы внимание собаки. Собака не лаяла. Кучина утверждала, что сама она спит очень чутко и сразу просыпается, как только собака начинает лаять. Но ее показания можно было бы истолковать и как попытку навязать следствию ее версию о смерти мужа от нервного потрясения. Она категорически отвергала все возможности проникновения постороннего человека в дом.

Мы разговаривали с Кучиной несколько раз, она настаивала на своем. Допросили многих свидетелей.

И вдруг сообщение из Москвы. Кучин — не Кучин. Колхозный счетовод почему-то считал необходимым жить под чужим именем. Подсказывать нам, что теперь результаты нашего расследования приобретают особое значение, было незачем. Это сообщение звучало как приказ — искать и искать...

Итак, какая же картина предстала перед нами после допроса Кучиной и свидетелей?

Утром в день своей смерти Кучин, как всегда, ушел на работу в правление колхоза. Работники правления ничего необычного не заметили в этот день. Кучин считался человеком мрачноватым и молчаливым. Так же, как всегда, он помалкивал.

Вернулся домой в шестом часу вечера. Дни стояли сухие, давно не было дождей. Полил огород на приусадебном участке.

Поужинали всей семьей. Затем стемнело, с темнотой легли спать. Тихая ночь. Кучина проснулась в пятом часу утра, в это время обычно выходил пастух и собирал стадо. Кучина выпустила корову и вошла в горенку.

Она показывала, что ее смутила тишина и поза, в которой лежал ее муж на кровати. Он лежал на спине, далеко откинув голову, одна рука безжизненно свесилась с кровати. Кучина окликнула его. Он не отозвался. Она подошла и взяла его руку. Рука была холодной как лед...

Мы ее здесь каждый раз останавливали.

Было ли открыто окно?

Окно было открыто.

Стояло ли что-нибудь на подоконнике? Стояли ли горшки с геранью? Стояли ли на месте горшочки с геранью позже?

Все было на месте.

Может быть, кто-нибудь их передвигал? Если бы передвигали горшочки, могла остаться на подоконнике земля. Не заметила ли она просыпавшейся из горшочков земли?

Нет, не заметила.

Что она сделала, когда узнала, что муж умер?

Побежала к соседям.

Наружная дверь была закрыта?

Была заперта на задвижку.

Вырисовывалась довольно странная версия.

Итак, в дом никто не входил. Кучин провел вечер в семье. Накануне не выпил ни грамма водки. Ел из общей миски с семьей. Лег спать. Во сне был убит ядом «БЦ-12». Как и кем ему был дан этот яд? «БЦ-12» — яд сильнейший. Достаточно растворить одну его каплю в стакане воды, и от испарений погибнут все, кто будет находиться в комнате. А если брызнуть ядом, допустим, из шприца? Это тоже смертельно. Кому же так помешал Кучин, что его убили, применяя столь редкостное средство? И кто это средство мог применить? Разведка могла располагать этим ядом.

Чья разведка? Это все вопросы, которые действительно требовали ответа. Любопытная картина вскрылась при установлении личности Кучина. У него оказался поддельный паспорт, искусно изготовленный в 1946 году. Там указывалось место рождения Кучина и отделение милиции, выдавшее паспорт. Но там, в той деревне, где должен был бы родиться по паспорту Кучин, никогда никаких Кучиных не было. Женился Кучин уже будучи счетным работником колхоза в Курской области. Из Курской области он перебазировался в Тульскую. Жена ничего не знала о его прошлом.

Удалось установить, что Кучин за десять дней до смерти выезжал из деревни. Он взял на пять дней отпуск и уехал в Москву. Так, по крайней мере, он сказал жене и председателю колхоза. На станции взял билет до Москвы и сел в московский поезд. И опять терялись следы... И затерялись бы, если бы не отличная память у дежурного по станции Житово, следующей за Лазаревом станции по направлению к Москве. Он вспомнил, что в день отъезда Кучина в Москву с поезда ночью сошел в Житово пассажир. Сошел с поезда и ушел в поле по дороге к Симферопольскому шоссе.

Дежурному было скучно, с поезда сошел только один человек, и он внимательно к нему присмотрелся. Из любопытства, от нечего делать. Дежурному по станции в числе других фотографий показали фотографию Кучина, он опознал в нем ночного пассажира. Потянулась ниточка.

Выехал в Москву Кучин 25 мая, был в Москве до 30 мая. Мы взяли этот отрезок времени и посмотрели по нашим оперативным сводкам, что произошло в эти дни. Не только в Москве.

28 мая в Ялту вошел туристский теплоход, принадлежащий западногерманской судовладельческой компании. Туристы сошли на берег, гуляли по городу, а 5 июня наши пограничники обнаружили на ялтинском пляже акваланг.

Акваланг в полном комплекте: кислородные баллоны, маска, ласты советского производства. Все принадлежности акваланга были связаны нейлоновым тросиком. Тросик был оборван или скорее перетерт

о камни. Нейлоновый тросик несоветского производства. Техническая экспертиза установила, что акваланг находился в воде около десяти дней. Если 28 мая заходил в порт западногерманский теплоход, то получалось...

Что получалось? Напрашивался вывод, что кто-то нырнул с теплохода и, проплыв под водой до берега, вышел, оставив акваланг на дне. Чтобы акваланг не выбросило волной, его привязали нейлоновым тросиком к камням.

Нарушитель границы вышел из воды и затерялся среди купающихся. Смелая версия, но ничего невероятного в ней не было. С этой версией, пока только искусственно, с очень большой натяжкой, увязывался отъезд Кучина в Москву... Но не в Москву, он сошел на станции Житово. Он ушел в ночь. Он ушел в неизвестность, но никто не помешал бы ему появиться 28 мая в Ялте.

Нарушитель мог оставить акваланг под водой, но в чем он мог выйти на пляж? В купальном костюме? Значит, его кто-то встречал... Кто бы мог его встречать? Кучин? Мог! Опять же предположение! Пунктирная линия с разрывами довольно значительными... Кто мог бы ожидать, устраивая встречу, что Кучина запомнит ночной дежурный по станции Житово? Кто мог предполагать, что акваланг вынырнет из воды с кончиком нейлонового тросика? И что вообще мог означать кусочек тросика? Не такая уж это улика.

Но акваланг все же ценный прибор. Кто бы мог его «потерять»? Такие вещи не теряют, а если случается такая потеря, то о ней потом много говорят. Разговор был... Был разговор о потере. Кто-то жаловался в те дни, когда прибыл теплоход, что потерял акваланг. Кто? Установить это уже не было никакой возможности. Человек потерял акваланг и уехал... А может быть, и не уехал. Просто замолчал...

Предположения, основанные на предположениях. Случайные совпадения, странная смерть или странное убийство?

А может быть, Кучин сам покончил с собой? Могли быть к этому причины у человека, живущего под чужим именем?

Жил-был на свете коммерсант господин Жаньен, французский подданный. Он был агентом сразу нескольких европейских фирм: западногерманских, швейцарских, итальянских. По нему трудно было бы судить о конкуренции между этими фирмами: он с одинаковым усердием проталкивал товары всех, чьим представителем числился.

Господин Жаньен часто бывал в Советском Союзе. Не пропуская ни одной промышленной международной выставки на территории ВДНХ или в Сокольниках, приезжал для заключения торговых сделок с различными объединениями Министерства внешней торговли. Человек он был живой, подвижный и активный. Находясь в Москве, он вступал в торговые переговоры не только с советскими фирмами, но и с представителями фирм капиталистических стран.

Всегда-то он был на виду. В восемь утра уже на ногах. Завтракал на скорую руку и к девяти часам уезжал на деловые встречи. Возвращался в гостиницу после рабочего дня, а вечером уезжал со своими контрагентами в какой-нибудь ресторан на званый обед.

Случалось, что господин Жаньен вступал в прямые переговоры с руководителями тех или иных заводов для ускорения торговой сделки. О нем говорили как о ловком торговце и обаятельном человеке.

У западных коммерсантов принято при заключении торговых сделок обмениваться фирменными сувенирами. Сувениры бывают самые разные: газовые зажигалки, авторучки и даже транзисторные приемники. Наши торговые представители также дарят сувениры при заключении торговых сделок. На сувениры отпускаются специальные средства. Стало быть, наш работник, получивший в подарок сувенир, обязан был его сдать по месту работы. Не он же тратил средства на ответный подарок.

Как раз в связи с этими сувенирами и заинтересовались фигурой Жаньена. Однажды невольно возник вопрос — что же все-таки считать сувениром? Можно ли, скажем, зачислить в разряд сувениров шубу из серой норки? Цена такой шубы на Западе

приближается к двум тысячам долларов. Имеет ли смысл нашим торговым представительствам одаривать такими ценностями коммерсанта? В этом никто не усмотрел бы деловой необходимости. И, однако, при покупке партии советских станков наш представитель получил в подарок шубу из серой норки. Об этом подарке он не счел нужным никому докладывать. Присвоил этот «сувенир». Поинтересовались наши товарищи причиной столь необычной щедрости господина Жаньена. Неприглядная выявилась история. Взятка. Представителю, который вел переговоры с Жаньеном, были названы две цифры стоимости станков. Верхняя цифра — это наш запрос, нижняя — предел, по которому все же имело смысл продавать станки. Жаньен выторговал нижнюю цифру. Словно кто-то ему ее подсказал в ходе переговоров эту контрольную цифру. Норковая шуба обошлась Советскому государству в копеечку.

Но опять же: непойманный — не вор! Не было прямых доказательств преступного характера совершенной сделки. Подарок — это только косвенное доказательство. Сотрудника одного из объединений Министерства внешней торговли уволили с работы. Жаньену мы никаких упреков предъявить не могли. Он волен дарить все, что пожелает. Однако это событие побудило нас пристальнее приглядеться к нему.

Проверка показала, что Жаньен вовсе не Жаньен. До войны он носил другую фамилию и жил не во Франции, а в гитлеровской Германии. Коммерцией до войны не занимался. Вернее, не занимался коммерцией почти до начала второй мировой войны. Примерно за год до нападения Гитлера на Францию он переехал в Испанию, затем во Францию и открыл посредническую контору по торговле автомобилями и сельскохозяйственными машинами. Принял французское гражданство. Тогда же и переименовал фамилию — из Геккермана сделался Жаньеном.

Кем же был Геккерман в гитлеровской Германии? Это нам установить не удалось. Следы его прошлого затерялись. Но все же оставалось фактом, что в годы оккупации Франции он нисколько не пострадал. Можно было предположить, что оккупационные

власти и правители Виши покровительствовали ему за какие-то его заслуги. Опять же, всего только предположить.

Жаньен почти ничего не вывозил с собой. А если и вез, то только предметы, купленные в магазинах, с копиями чеков на руках. Спекуляцией не занимался. Большого не удалось узнать, пока мы не разоблачили группу спекулянтов валютой.

Мы давно и упорно шли по следам этой группы. Но не спешили с арестом, важно было установить, через какие каналы и через кого именно они получают валюту из-за границы. Сбывали они ее жуликам и спекулянтам. Но кому же за эту валюту шли советские деньги и для чего? А не шли ли они в карман иностранной разведки? Черный рынок и разведка?

Было установлено, что валюта поступает всегда в одних и тех же суммах. Три тысячи долларов. Значит, кто-то так отработал систему передачи валюты, чтобы обмен ее на советские деньги не внушал подозрений. Прямая передача, обусловленная долговременной договоренностью обмениваться пачками денег из кармана в карман, и все.

Мы обратили внимание на одну любопытную деталь. Две последние передачи трех тысяч долларов совпали с очередными приездами господина Жаньена. Ожидали его третьего приезда.

И после третьего приезда три тысячи долларов ушли в руки спекулянтов валютой.

Появились эти доллары в поле нашего зрения на четвертый день по приезде Жаньена в Москву.

В этот раз к его приезду мы готовились основательно. Длинным был список его встреч в эти дни. Деловые встречи в нескольких внешнеторговых объединениях, опять же деловые встречи с рядом иностранных коммерсантов. Передвигался в эти дни он по Москве и на такси, и на автобусах, и в метро. Множество было соприкосновений с советскими людьми. И ни одного выхода на какое-либо тайное свидание!

Наши работники долго раскладывали замысловатый пасьянс. Ничего нам эта раскладка тогда не дала.

И вдруг знакомое имя. Снетков принес мне список лиц, с которыми встречался Жаньен. В этом списке значилась фамилия Значковского. Автомобильные махинации и валюта?

Было над чем подумать.

В этот день господин Жаньен подъехал на такси к ресторану «Арагви». В ресторан вошел без очереди, предъявив свой заграничный паспорт. Он сел на первое же освободившееся место. За столиком в это время сидели Значковский, артист Государственной филармонии, супруги Учамприны, приезжие из Ростова.

Автомобильные махинации, встреча с Жаньеном... Преднамеренная эта встреча или случайная?

Как раз после той встречи с Жаньеном Значковский побывал в заграничной командировке, привез «Инвикту», затеял скандал с Сальниковым. Закономерна ли связь этих событий между собой, или это только совпадение?

Мы должны получить ответ на этот вопрос. По-прежнему нас волновал и другой вопрос: действительно ли «Инвикта» была подарена Значковскому, или он купил ее на валюту, приобретенную спекулятивным путем и нелегально вывезенную в США?

Автомобилисты нередко бывают фанатиками. Значковский мог быть именно таким фанатиком. Решил фанатик Значковский приобрести себе такой автомобиль, как «Инвикта». Выехал на гастроли в чужую страну, имея при себе валюту. Находит человека, который мог бы ему купить автомобиль. Но как его вывезти? У него нет и не может быть зарегистрированной валюты на такую сумму. Значит, туристская поездка отпадает. Надо ехать на гастроли. Дать концерт и получить за концерт от признательных слушателей подарок.

Допустим, что это так. Но зачем тогда скандал с Сальниковым? Не глупость ли это? А может быть, жадность? Жадность одолела разум и логику...

Жаньен и его прошлое... Эмигрант из гитлеровской Германии? А не кадровый ли это разведчик? Под личиной коммерсанта легко выполнять роль разведчика, разъезжать по странам и завязывать нужные связи

Не начать ли операцию с ареста валютчиков? Мы возьмем, скажем, московскую шайку, но не спугнем ли мы этим преждевременно Жаньена, а с ним и передаточное звено? Мы решили взять валютчиков, проживающих на юге, а московских пока не трогать.

Всю эту операцию мы совместили с очередным приездом Жаньена в Москву. Если Жаньен действительно связан со спекулянтами валютой, кто-то, несомненно, должен встретиться с Жаньеном и предупредить его об опасности, и, вероятнее всего, в первые же часы его приезда.

Ждать пришлось недолго. Пришел запрос на визу Жаньену. За два дня до того, когда ему предстояло пересечь границу, мы арестовали в Тбилиси трех перекупщиков валюты.

Начала поступать информация, что на следующий же день после того, как были взяты тбилисские перекупщики валюты, Значковский заметался.

Бросилось в глаза, что он выехал из дома не на своей машине, а взял такси.

Казалось бы, теперь все просто: он нырнет по своим адресам, и все его связи лягут у нас, как на карте. Аи нет!

Он останавливал такси около автоматов, куда-то звонил. Приехал в Госконцерт, побыл там. Пообедал на этот раз в шашлычной «Севан». Отстоял очередь, сел за столик.

Такси возле «Севана» он отпустил. Взял другую машину со стоянки на площади Ногина. Проехал к ГУМу.

Вошел в ГУМ со стороны улицы Куйбышева и ускользнул от наблюдения.

Так внезапно и так искусно исчезают только те, кто имеет основание предполагать, что за ними может быть установлено наблюдение. Человек с чистой совестью не прибегает к таким маневрам. Исчезновение Значковского настораживало. Дома он появился в одиннадцатом часу.

Самолет Жаньена прибыл в семь утра. В девять он поселился в номере своей излюбленной гостиницы. Виза у него была на четырнадцать дней, однако, прервав все свои дела, он внезапно взял билет и выехал

на аэродром, а в 18 час. 30 мин. вылетел рейсом Москва — Стокгольм. Бежал...

Утром мы со Снетковым обсуждали столь неожиданные результаты работы, чтобы доложить начальству.

Снетков — молодой работник. Пришел в Комитет государственной безопасности со студенческой скамьи. Опыта у него было маловато, но он был полон энтузиазма, энергии, большой любви к своей профессии и не боялся ошибок. Оно и понятно, по его молодости ему могли проститься ошибки, которые невозможно прощать людям с опытом.

У Михаила Николаевича Снеткова очень мирный и даже сугубо штатский облик. Никто не поверил бы, встретившись с ним вне стен Комитета, что это контрразведчик. Скорее его можно было принять за научного работника. Наивным и рассеянным делали его взгляд очки с толстыми стеклами.

По складу ума Снетков — аналитик и даже психолог, а это для работы в органах госбезопасности очень важно.

— Ну как? — спросил он, когда я познакомился со всеми материалами. — Закрываем дело Значковского?

Он не был лишен чувства юмора, мой помощник. Он мне укоризненно напомнил почти созревшее мое решение передать дело Значковского — Сальникова в прокуратуру. Это когда я только что познакомился со Значковским. Конечно, с тех пор кое-что сдвинулось. Но именно «кое-что», и не более.

Факт, что Жаньен и Значковский сидели в ресторане за одним столиком. Мы узнали, что за столиком они перебрались несколькими фразами. Однако вскоре же после этой встречи Значковский добился через Сальникова командировки за границу.

За границей он побывал — это факт... А что же для нас в этом факте особенного?

Факт, что он привез из-за границы дорогую машину. Подарок! В который уж раз мы упираемся в этот подарок. Никаких у нас не было оснований предполагать, что это не подарок... На этот раз из запутанного клубка вытягивался пока еще совершенно не приметный, коротенький кончик. Жаньен спекулировал

валютой. Значковский встречался с Жаньеном. После ареста тбилисских валютчиков Значковский заметался. Жаньен приехал на четырнадцать дней и уехал через несколько часов.

Снетков не сдавался. Он меня донимал одним вопросом: почему Жаньен так внезапно уехал?

Какое-то шестое чувство, весь мой опыт подсказывал нам, что Снетков прав, что мы на правильном пути, что между южными валютчиками, Значковским и Жаньеном есть связь. Но какая? Чувства к делу не приложишь!

Весь эксперимент с валютчиками предпринят, чтобы установить, есть ли какие-нибудь связи между Жаньеном и Значковским. И вот итог эксперимента: Жаньен бежал...

Казалось бы, мы упустили крупного валютчика. Но взамен мы получили подтверждение своих подозрений о деятельности Значковского. Он сделался для нас интересной фигурой.

Легенда „гончего пса“

Вернемся, однако, к истории с аквалангом на Черноморском побережье. Чтобы был ясен дальнейший ход событий, придется забежать несколько вперед. Пока не время подробно излагать, как мы установили те факты, о которых пойдет речь. Позже все разъяснится. Речь пойдет о фактах, а не о предположениях.

28 мая, днем, когда туристский пароход западно-германской судовладельческой компании бросил якорь вблизи ялтинского порта, из трюма парохода, из специального отсека, вышел человек. Нырнул к морскому дну с аквалангом и с кислородными баллонами за плечами. Проплыл под водой метров четырехста по направлению к городскому пляжу.

Поблизости от берега, где над водой виднелись головы купающихся, на минуту возникла еще одна голова, которая никем не была замечена. Пловец сверился с направлением и вновь погрузился в глубину.

У самого дна он снял ласты, сбросил очки и отцепил кислородные приборы.

Все эти предметы он привязал нейлоновым тросиком за крупные камни на дне и вынырнул на поверхность. Один из многих купающихся, и только. Он плавал, нырял, давал привыкнуть окружающим к своему присутствию. Затем вышел из воды.

На береговой кромке он отряхнулся и проделал для разминки несколько гимнастических упражнений.

Если бы кто-нибудь взял на себя труд следить за этим пловцом, то увидел бы, что к нему подошел человек. Оба закурили и пошли пожариться на солнце.

Они устроились на лежаках, положив под головы белье и костюмы. Немного погодя оба еще раз искупались, оделись, вернули лежаки дежурному по пляжу и неторопливо пошли в город. Отдыхающие, каких тысячи.

Неподалеку от пристани они сели в автобус. Сошли через две остановки, один из них свистнул проезжающему мимо шоферу такси, на такси они уехали из Ялты в Симферополь.

В Симферополе они расстались. Тот, что высадился с теплохода, вышел на окраину города и сел в попутный грузовик. В кармане у него лежал паспорт на имя Григория Ивановича Родина.

Родин, он же Александр Дакин, вышел на задание, к которому его готовили несколько лет.

Отец Дакина был убит на фронте. Сашу вместе с матерью немцы вывезли в Германию. Мать умерла. Мальчика оставили в немецкой семье для мелких услуг. Однажды, уже после войны, за ним приехали и увезли учиться. К тому времени он свободно говорил на немецком языке, не забывая русского.

Школа была особенной. Она помещалась в особняке на окраине небольшого старинного городка. Это была разведывательная школа американцев. Ученикам не напоминали, кто были их родители, детская память неустойчива. Со временем прошлое подернулось и расплылось в неопределенные очертания. Саша Дакин помнил, что родился в России.

Свой дом он вспоминал очень смутно. Отчетливо виделись лишь солома на крыше, дерево под окном.

С дерева он перелезал на крышу, за что ему попадало. Крыша была мягкой и скользкой. Вечерами мать пригоняла с луга корову, доила и давала Саше молоко. Вот и все.

Из питомцев школы готовились разведчики для подрывной работы на территории Советского Союза. Их обучали не только искусству добывать важные секретные сведения, убивать и совершать диверсионные акты. Наряду с другими предметами им преподавали русскую литературу, они изучали советское искусство, читали советские книги.

В школе обучались восемь мальчиков. Видимо, руководитель школы в прошлом увлекался астрономией. Своих учеников он называл «созвездием гончих псов». Может быть, он рассчитывал, что они действительно станут звездами американской разведки?

Они русские, им не нужно осваивать фонетические особенности языка. И они нерусские, они будут воспитаны как космополиты. Для них родина будет там, где им лучше. Но нельзя убить в них, что они русские. Нельзя. Кому неизвестно, что существует болезнь ностальгия? Тоска по родине. Не надо убивать эту болезнь. Пусть любят, пусть тоскуют по родине, но не по той родине, какой она предстанет перед их глазами, когда они будут заброшены на территорию Советского Союза.

Воспитание «гончих псов» шло в спартанском духе. Спорт, физические упражнения, занятия, и занятия без ненужных отвлечений. В школе было множество спортивных игр, не было карт, не было игр на деньги.

Эклектическая система воспитания. Все в ней перемешалось. И спартанская школа, и софистика древних, и философские школы последнего времени. «Гончих псов» (так они стали называться в отчетных документах школы) обучали игре в шахматы, развивая у них гибкость ума, расчетливость, логику. Шеф школы, некто Шелинг, намеревался забросить «гончих псов» на территорию Советского Союза на многие годы, а может быть, и на всю жизнь. Они должны будут вжиться, может быть, даже обзавестись семьей. Им нужен огромный идейный запас для противостояния окружающему.

В школе курсанты пользовались вещами только советского производства — одеждой, обувью, авторучками, тетрадями. А тот, кто подбирал все это для них, имел твердую установку подбирать самое худшее, самое устаревшее.

Лишь в воскресенье, в день отдыха, курсанты могли пользоваться своими личными вещами, своей личной одеждой. Но это было все самое лучшее, что могла предоставить промышленность Соединенных Штатов.

В общем-то, если бы не разведывательные цели школы и не особая идеологическая, насквозь антисоветская обработка ее учеников, она могла бы поспорить с солидными учебными заведениями. Ее ученики изучали современную физику, химию, философию, историю и специальные дисциплины. Много времени отводилось обучению радиodelу, умению пользоваться радиопередатчиками, шифрами, а также ядами и оружием,

Дакин вышел из школы со знанием нескольких европейских языков. Русский, немецкий и английский он знал в совершенстве. Мог понимать разговорную речь и свободно читать по-французски.

По окончании школы Дакин под видом немецкого студента совершил две туристические поездки по Советскому Союзу. Никаких разведывательных заданий ему тогда не давалось. Он должен был изучить обстановку, присмотреться к советской действительности и порядкам, практически изучить географию страны. Первый раз он проехал на автомобиле со своим напарником по школе через Брест на Минск, из Минска в Москву. После осмотра столицы они отправились на юг. Доехали до Ялты, купались на ялтинских пляжах и вернулись через Ленинград и Хельсинки.

Другой раз он совершил поездку в туристской группе на общедоступных транспортных средствах: на самолетах, в поезде, на автобусах. Побывал в Киеве, в Тбилиси, в Харькове, осмотрел московские и ленинградские музеи.

Агент, который его встретил на пляже, был незначительной вехой на его пути. Он снабдил его

советскими документами на имя Родина, и они разошлись, чтобы никогда не встретиться.

Родин доехал на попутной грузовой машине до Зеленого Гая. В Зеленом Гае пересел на автобус местного значения, проехал еще тридцать километров.

Дальше он пошел пешком. На свободном прогоне сел в грузовую машину. Потом еще раз сменил грузовик на автобус, доехал до Днепропетровска, там сел на поезд.

Эти сложные пересадки нужны были ему, чтобы удостовериться, нет ли за ним чужого глаза. Убедился, что нет.

Вечером сел на поезд Москва — Ленинград. Выпался в вагоне, погулял по Ленинграду и ночным поездом выехал в Москву.

Шелинг, руководитель всей операции, не рекомендовал Родину пользоваться гостиницами. Особенно первое время, пока не устроится на работу.

Несколько дней Родин ездил по Подмосковию в поисках работы. Отсыпался в поездах Москва — Ленинград, Москва — Ярославль, Москва — Горький.

На подмосковных станциях изучал объявления о найме рабочей силы.

В ста с лишним километрах от Москвы нашел объявление. Совхозу «Пролетарский» требовались шоферы. Он явился в контору совхоза и предложил свои услуги. Его попросили принести трудовую книжку и права. Предъявить свои фиктивные документы, которыми его снабдила разведка перед заброской в СССР, он сразу не рискнул, опасаясь провала. Он решил выиграть какое-то время и пообещал приехать через несколько дней. Заведующий отделом кадров снизил тут же свои требования — не нужно трудовой книжки и прав пока не нужно: садись за руль. Родин отработал два дня не оформляясь, привел в восхищение заведующего гаражом своими познаниями в машинах, своей трезвостью, мастерством вождения. Ему предложили возить на легковой машине директора совхоза. Родин дал согласие.

Шли день за днем, неделя за неделей. Все было тихо. У Родина окрепла убежденность, что его легализация прошла успешно.

„Принц с коралловых островов“

Коралловые острова... Разве есть такие? Где, в каком океане, какие их омывают моря?

Сказку о коралловых островах Саша Корсунская услышала от своей тетки, сельской учительницы в глухом уголке на рязанской земле.

Марья Николаевна Корсунская была дочкой священника. Но священник был не из тех, которые воспитывали из дочерей глупых и откормленных поповен. У него было четыре дочки, и он с малолетства приучал их к работе. Стали постарше — отправил в губернский город, в женскую гимназию. Жизнь раскидала их по русской земле.

Маша Корсунская была младшей и самой красивой. Старшие замуж повыходили, младшая осталась вековухой. Вот уж чего отец не ожидал. Красавица, умница, гимназию окончила с отличием, пробилась на женские высшие курсы, жила в Москве, а потом все бросила и уехала учить ребятишек в деревню. Думал он об ее судьбе, собирался потолковать с ней, отговорить, но тут грянула революция, закрутилась гражданская война, жизнь переломилась — опоздал толковать.

Марья Николаевна Корсунская начала свое учительство в рубленой четырехстенке, где урок приходилось вести сразу для четырех классов. После революции, когда все переменялось, под школу отдали барский дом. И парк барский тоже отошел к школе.

Сам барин был помещиком не из богатых, но женился на богатой купеческой дочке. На денежки тестя, молва ходила, что у тестя были несчетные миллионы, отстроил дом перед самой войной с Германией.

Строил по капризу своей души. Закинул дом на крутой и голый бугор на обрывистом берегу над Окой, двухэтажный, с зимним садом, с мощеным спуском к реке. Она здесь делала замысловатый зигзаг, накатывала с севера на край обрывистого берега песчаные отмели, ударившись о песчаниковую хребтину бугра, резко разворачивалась и уходила на восток, огибала твердые грунты и, вновь прорвавшись в луговые размахи, уползала змеей на северо-запад.

Тремя коленами сверкала она в лугах бугра. Песчаные ее забереги плавно переходили в густые травы.

Помещик средней руки, так внезапно разбогатев, задурил. Развел псовые охоты, в праздничные дни заманивал пряниками и водкой деревенских жителей на хороводы. Любил он спать под дождем. А когда дождя не было, в послеобеденный час выгонял наемных девок кропить крышу мокрыми березовыми венниками.

Дом о двадцати восьми комнатах пригодился для школы.

Первые годы после гражданской войны Марья Николаевна заведовала школой, а потом прочно осела учительницей начальных классов: малыши остались ее вечной слабостью. Своих не было. Ее сестры без стеснения подкидывали погостить своих детишек. Жили у нее племянники и племянницы годами. А племянница Саша — Санечка, как звала ее Марья Николаевна, провела у нее и детство и юность.

Ее мать рано овдовела, вышла второй раз замуж. Неудачно. И пока ссорилась, расходилась и опять сходилась с мужем, Саша жила у тетки. Редко кому попадает в начале жизни такая ласковая и вместе с тем жесткая рука, такой советчик, рассказчик и мечтатель.

Барские липы со временем разрослись и одели тенистыми кронами опаленный солнцем бугор. И бугор ожил. Марья Николаевна оберегала каждое деревце, знала каждое гнездо в этом парке и сумела сделать так, что все окрестные мальчишки из разорителей гнезд сделались их сторожами.

Детство Саши прошло в сказочном мире, где фантазия мешалась с действительностью.

Саша как-то спросила свою тетку, почему та не вышла замуж.

Марья Николаевна никому и никогда не отвечала на этот вопрос.

Сначала ответила загадкой, очень туманно:

— Я ждала всю жизнь принца с коралловых островов, Санечка!

Они гуляли с Сашей по парку. Была весна, и даже при свете дня перекликались соловьи: «Где мой ключик, где мой ключик?»

— Принц? А разве обязательно принц? — спросила осторожно Саша, боясь потревожить начало сказки.

— Принц с коралловых островов обязательно, Санечка. Именно с коралловых островов! Их нет нигде в океане, и они не отмечены ни на одной карте из карт мира. Их не нашли, Санечка, хотя ищут, всю жизнь ищут. А ты знаешь, почему их не могут найти?

— Наверное, туманы и рифы мешают? — отозвалась Саша.

— И туманы, и рифы... И ветры тоже! А главное, Санечка, кораллы живут и движутся. И когда приближаются к островам корабли из нашего мира, кораллы оживают и уводят острова от кораблей. А на островах живут те самые люди, Санечка, которые среди нас, но которых мы не видим и не слышим... Но мы их знаем. Мы их знаем в лицо, мы даже с ними разговариваем! Разве ты не знаешь Дон-Кихота, рыцаря Ламанчского? Знаешь! Ты еще не встретилась с Гамлетом, принцем Датским. Но ты уже досадовала на Онегина за то, что он прошел мимо своего счастья и отвернулся от Татьяны. Ты скакала на коне вместе с Русланом и следила за его схваткой не на жизнь, а на смерть с Головой. Ты поняла, о каких я говорю людях?

Они остановились у спуска к реке. К ней сбегала молодая березовая рощица. Березки посажены школьниками, учениками Марьи Николаевны. Где-то затерялась в белых стволах и Сашина березка, которую она посадила в первый день своего приезда к тетке. Посадила! Что она тогда могла посадить? Ей было три года. Тетка привела ее в посадки, вырыла ямку. Саша опустила в ямку корни саженца. А потом его поливала и твердила: «Люля чай пьет...»

— Не бывает жизнь, Санечка, такой прозрачной, как стволы этих березок. Принц с коралловых островов не явился, а до островов далеко, я боялась бурь на море, так и не поплыла на поиски принца. Я ждала, когда меня найдут. Не нашли...

— А ко мне придет принц?

— Придет, Санечка...

Саша не дождалась принца. Забыла сказку, рассказанную ей под тоскливый и ищущий переклик соловьев: «Где мой ключик, где мой ключик?»

Она вышла замуж, как ей казалось, по любви. Она была тогда студенткой, он тоже был студентом. После свадьбы они заехали к Марье Николаевне. Она их обласкала, назвала своими «юнцами-птенцами». Год спустя они похоронили ее на обрыве, на краю березовой рощи. Такова была ее воля. Не на кладбище, а над Окой, на бугре.

У Саши родилась девочка. Она назвала ее Марьей. А еще год спустя убедилась, что муж ее совсем не похож на тех людей, которые живут на коралловых островах. Разошлись. Без обиды, без горьких слез. Саша окончила Тимирязевскую академию и уехала работать в совхоз агрономом. Сказки сказками, а жизнь жизнью. Звали ее в село над Окой. Не поехала — слишком тяжело ей было бы жить рядом с дорогой могилой.

Директор совхоза Иона Захарович Малин встретил Сашу душевно. Отдал под ее ведение совхозные сады. А через год совхоз построил ей дом в садах. Все успокаивается и становится со временем на место. Мать ее оставила работу, вышла на пенсию и жила с ней возле внучки. Теперь уже Сашу спрашивали, почему же она не замужем? Такая красивая, молодая женщина. Неужели век одной вековать? Саша уходила от этих разговоров, указывая глазами на дочку: «Она моя радость, она моя жизнь!»

Однажды Малин позвал ее к себе в кабинет и сказал, что у него есть к ней большая просьба. Он долго мялся, чтобы выговорить эту просьбу.

— Взяли мы на работу в совхоз хорошего человека! — сказал Малин. — Отличный специалист... Да вот, боюсь, уйдет, если не понравится у нас. Ты знаешь, как трудно с настоящими-то специалистами. Он пока поработает шофером, потом мы его оформим механиком. Машины знает! Все умеет. Не пьет. Где-то его, видно, жизнь прижала. Я особенно не лез к нему в душу. Всякое бывает. С квартирой не знаю как быть! Дом отстроим — ему квартиру в первую очередь. У вас дом большой, вы вдвоем с матерью, дочка еще до стола не доросла. Пустила бы его поквартировать на некоторое время? Никаких забот! Упаси бог! Был бы человеку угол, и люди хорошие возле... Родин его фамилия...

Саша даже рассмеялась. Для такой просьбы не нужно длинного вступления.

Вечерело. Над садами плыла сизая дымка. У крыльца дома маленькая Маша лепила из песка пироги. На них легла тень. Она подняла голову. Рядом стоял высокий светловолосый человек. В руке у него был небольшой чемодан.

Маша вежливо посмотрела на него и указала на дверь.

— Это вы дядя Родин? Мама вас ждет. Она дома.

— А ты меня пирогом угостишь? Я весь день ездил и не успел пообедать...

— Они у меня понарошку, — сказала виновато Маша. — Их не едят.

У дяди голубые глаза, как небо. Говорит смешные вещи, а совсем не смеется. Маша и сама была готова поверить, что пироги из песка можно есть.

Родин с серьезным видом поблагодарил девочку и прошел в дом.

— Здравствуйте! — сказал он. — Родин Григорий Иванович. Не успел порога переступить, а пирогов уже отведал. Дочка у вас мастерица. Глядите, какие вкусные пироги печет!

— Они совсем невкусные! — запротестовала Маша. — Мама делает вкусные! Она и сегодня пирог испекла...

Родин развел руками.

— Сразу все секреты на стол!

Родин пожал Саше руку. Твердое, уверенное пожатие.

— Заходите, мы вас ждали...

— Мне сказали, что вы ждете. Я не хочу ничем вас обременить. Я очень вас стесню? Я мог бы перебраться куда-нибудь и поскромнее. Это Иона Захарович так распорядился... Я простой человек: и в шалахах, и в стоге сена привык ночь коротать.

— Заходите! — сказала Саша.

Антонина Николаевна, мать Саши, накрыла стол и поставила чай. Родин не отказывался. Он принял приглашение к столу и нашел прекрасную форму, как поблагодарить за приглашение: похвалил заварку чая, выпил три стакана и съел большой кусок пирога

— Вы бывали в Москве? — спросила гостя Антонина Николаевна.

— Я вообще много ездил, — ответил Родин. — В Москве был недавно. Сейчас там жарко и душно.

Антонина Николаевна попыталась завести разговор об искусстве. Она очень любит «Третьяковку». Ходит туда, по крайней мере, раза два в месяц. И если случится не побывать дольше, то чувствует себя как бы опустошенной.

Антонина Николаевна рассказывала Родину о «Третьяковке». Ее рассказ был поверхностным, ее восприятие картин — наивно, это были больше эмпирические впечатления, чем знание русского искусства. Родин дважды ее поправил, уточнив детали, опровергнув ее суждение. При этом он очень внимательно следил за ее реакцией и реакцией Саши.

Он заметил удивление Антонины Николаевны. Значит, он что-то сказал, что не соответствует его общественному положению, его предполагаемым знаниям: он все же простой шофер.

Но вместе с удивлением у Антонины Николаевны пришло и нечто другое. Изменился ее тон. Она стала осторожнее в своих высказываниях, появилась уважительность. Он приметил и засветившееся любопытство в глазах у Саши.

Сказал, что из всей «Третьяковки» ему больше всего нравится Андрей Рублев.

Антонина Николаевна тут же рассказала, что ее отец был сельским священником. У них в селе была небольшая церквушка. Она была украшена прекрасными иконами. Сломали церковь, а иконы выкинули или сожгли.

— Когда рушат храмы, кто же думает о деревяшках! — заметил Родин. — Революция.

Можно было бы втянуть эту старуху в более значительный разговор, но Родин помнил категорическое указание Шелинга — никогда и ни при каких обстоятельствах не заводить бесед критического характера. Только хвалить советские порядки, при любых условиях хвалить.

Встал из-за стола. Саша провела Родина в его комнату.

Щитовой стандартный дом. Широкие, светлые окна. Окно распахнуто. К подоконнику протянула свои ветви яблоня.

В перекличку щелкали в кустах соловьи. Медленно, как бы даже нехотя опускались сумерки. Саша зажгла свет.

— Живите, — сказала она Родину, — сколько надо... Мы вас беспокоить не будем. Это была моя комната. Я кое-что убрала, но книги, я думаю, вам не помешают. Если вам не нужен письменный стол, я его вынесу.

Родин признательно склонил голову. Такой поклон? Для Саши ее гость сделался сплошной загадкой.

Родин разделся и лег. Первый ночлег не на колесах, не в поезде, не на заячьем положении.

Страшные часы для разведчика — часы сна. Погружение в небытие, полная беспомощность. Но надо же спать. Даже заяц, когда его гоняют собаки, присаживается отдохнуть, вслушиваясь в их голоса. Но теперь-то можно немного ослабить напряжение, заснуть.

Запахи, забытые с детства.

И люди славные. Старушка как бы сошла со страниц книг, которые приходилось читать Родину о России. Саша — сдержанная молодая красивая женщина. У нее прямой и четкой линии нос, маленький рот и нежные губы. Краски ее лица смазал густой загар, чуть подгорели черные брови, сломанные посередине угольничком. В том мире, откуда приехал Родин, женщины ее возраста не носят кос. В Москве Родин тоже не видел женщин с косами. Две длинные косы сбегаят на ее плечи. Что-то от иконописи в этой прическе. Что-то! Но именно так носила волосы и его мать. Родин вспомнил это, когда увидел Сашу на крыльце.

Сна не было. Родин встал и подошел к окну.

Светился звездами темный провал неба. Там, где черпала тьму своим объемным ковшом Большая Медведица, разбежались в разные стороны мигающие звездочки созвездия Гончих Псов. Какая-то из этих мигающих звездочек и его судьба? Небо России. Оно безмолвно смотрит на землю и на его жизнь... Жизнь?

Право, он мог бы быть доволен своей жизнью по тем, конечно, представлениям, которые воспитывались в школе. От разведчиков никогда не скрывали, что наступит час и им придется пересечь границу Советского Союза и начать нелегальную жизнь. Там учили, что самое трудное — это первые дни. Если заброска будет совершена мастерски, если заброшенный через границу сумеет уйти от наблюдения, то он может считать себя в безопасности.

Это, конечно, преувеличение. В безопасности, Родин теперь это видел, он никогда не сможет себя считать на этой земле. Ну и не надо. Не для спокойной жизни он себя готовил. В этой опасности есть своя романтика. Это даже интересно — вести борьбу один против многих. И мастерство, с которым он проделал свой первый круг, не могло не принести удовлетворения.

Он понравился хозяйкам, они были с ним откровенны, и у них не зародилось никаких подозрений.

Все хорошо... Все очень удачно складывается. И страха нет. А все же на сердце беспокойно... Что-то очень потускнела романтика. Не было ясно, от чего он должен освобождать Сашу и ее мать. От чего? Они несколько не были похожи на несчастных и угнетенных.

Саша и Антонина Николаевна... К какому же они принадлежат классу? Кто же они такие? Чему, скажем, соответствует положение Саши в том мире, откуда прибыл Родин? Положение фермера? Пожалуй, нет. Фермером можно счесть директора совхоза. Саша Корсунская — квалифицированный сельскохозяйственный рабочий. Какими существующими порядками в стране может быть недовольна она?

Это все вопросы и вопросы... И нет пока на них никакого ответа, ибо те ответы, которые подсказывались в школе, Родин уже чувствовал, не отвечали действительности.

У них есть дом. Небольшой дом, но в какой-то мере этот дом отвечает и европейским стандартам. А много ли нужно на семью из трех человек? Три комнаты. Кухня. Веранда. При домике сад. Этот дом мог бы быть и больше. А зачем? Чего им здесь не хватает? Для жизни у них все есть...

Родин впервые задумался над тем, что такое потребности человека. Его заработок стоит, конечно, вне сравнения с заработком этой семьи. Но и его профессия — необычная профессия, и все, что он имеет, призрачно и непрочное. А зачем же ему все, что он имеет? И на этот вопрос ответа не подберешь. Что-то в нем сломалось. Он это почувствовал, еще ни в чем себе не признаваясь...

Время шло, и все более странные мысли и чувства овладевали Родиным.

Саша приглянулась Родину, он поймал себя на том, что излишне часто думает о ней, что с нетерпением ждет окончания рабочего дня.

Ее облик не разрешал думать о ней вольно. Вокруг нее создавалась та самая запретная зона, о которой предупреждал его Шелинг. «Ищите легкости в отношениях», — говорил он своим подопечным. Здесь все сулило трудности. Ничего на минуту, все надолго, ничего на поверхности, все в глубину.

У Родина раскрывались в характере свойства, которых он за собой не подозревал. Он был всегда равнодушен к детям, он никогда не думал о них. Ему вдруг сделалась приятной Машенькина ласка, его радовало, что она ждала его возвращения с работы; в ее несвязном лепете он научился улавливать смысл.

Родин срезал две тонкие и гибкие орешины. Купил в сельмаге рыболовные лески. Сделал удочки. Это по просьбе Машеньки. Он никогда не занимался ужением рыбы. Что бы сказал Шелинг, увидев своего агента на берегу пруда в совхозном саду рядом с девочкой?

Он вживался в совершенно ему неизвестный и незнакомый мир. Незнакомый, но не чужой. По обрывкам, по пунктирным линиям память восстанавливала для него мир его родины. По запахам, по окраске закатов, по какой-то вдруг отчетливой картинке возвращалось забытое детство...

Саша рассказывала ему о своей жизни, о своем детстве в деревне, о своей тетке, о своих каждодневных заботах.

О! Он, конечно, мог в ответ ей рассказать множество интересных вещей. Но не рассказывал. Запретная

зона. О себе он помалкивал, сводил разговор на общие темы.

У Родина были припасены на всякий случай легенды о его жизни. Мог выбрать любую, которая больше подходила бы к обстановке. Но он предпочитал с Сашей молчание. Он не мог ей лгать.

Шло время. Между ним и Сашей протягивались незримые, но ощутимые нити сближения. А тут подошло торжественное и вместе с тем грустное событие в совхозной жизни.

Иона Захарович Малин вышел на пенсию. В совхозном клубе состоялось торжественное заседание. Тридцать пять лет работы в совхозе. Речи. Подарки старику — охотничье ружье, чтобы было чем занять пенсионный досуг, рыболовные снасти, огромные кабинетные часы, чтобы не забывал о времени, и множество других вещей и вещей.

После торжественной части Малин пригласил некоторых работников совхоза к себе домой на ужин.

Пригласил и Родина. Родин очень этому удивился. Какой же он друг директору совхоза? И работает без году неделя. Шофер! Совсем неровня такому крупному начальству. Но на вечере Родин обнаружил, что из рабочих не только он приглашен к Малину.

На вечере все было просто, никто не чувствовал себя стесненно, хотя собраны были самые разные люди. Присутствовал и секретарь райкома партии. Человек, который завтра в один день может стать, по понятиям Шелинга, генерал-губернатором области. Ничего в нем замкнутого, олигархического Родин не приметил. Он держался так же просто, как и другие. А когда зашла речь о хозяйстве района, говорил столь же критично, как говорила и Саша.

«Это что же, — подумал Родин, — против этого человека я должен поднять всех, кто сидит в этой комнате? А как же их поднять, когда он такой же, как и они? О какой «революции» мечтает Шелинг? Нет, что-то здесь не так. Не очень-то там знают здешнюю обстановку».

Но Родин не забывал ни на минуту, кто он и зачем здесь оказался. Он должен сообщить о своих наблюдениях Шелингу. Родин уже чувствовал, что,

если он сообщит об увиденном, информация ломает расчеты тех, кто верит, что советское общество разрывают классовые противоречия. Верят? А может быть, те, кто посылал его, не верят в то, в чем его убеждали? Иначе он может счесть их просто невеждами...

После застолья начались танцы. Западные танцы. Записи на магнитофоне. И никто не чурался, никто не возражал против этих танцев. Никакого железного занавеса. С ума там посходили!

Родин танцевал с Сашей. Он, конечно, мог бы показать и твист и медисон. Мог показать, как танцуют эти танцы на Западе. Нельзя! Запретная зона!

Но Саша должна остаться довольной своим легким на ногу партнером.

Потом они возвращались вместе домой. Он вел ее под руку. Ветер шумел в листве яблонь. Тоскливо кричали ночные птицы. Какие, он не знал. Глаза привыкли к темноте, и Родин заглядывался на Сашин профиль. Как быстро стало родным ему ее лицо! И любимым. Он любил. А часто ли это бывает и есть ли в жизни что-либо выше этого чувства? Он должен отказаться от этого чувства. Должен!

Но чувства не подчинялись разуму. И Родин сам не мог бы себе объяснить, почему он, почувствовав в пальцах тепло Сашиной руки, вдруг тихо сказал:

— Саша, я люблю вас!

Иной формы объяснения он не знал. Так говорили герои Тургенева, Толстого. И именно «вас». Откуда же было Родину знать, что именно это слово больше всего и поразило Сашу. И скромность.

Саша остановилась.

— Это правда? — спросила она настороженно.

Спазмы сдавили Родину горло. Говорить он был не в силах. Он кивнул головой. Она сжала его руку.

Они шли молча. Что-то несвязное вышло из его дальнейших слов. Он говорил, что любит ее, любит вопреки всему, будет любить, что бы ни случилось. Она должна верить, что полюбил он ее через пространства и расстояния, их разделяющие.

Она не задавала вопросов. Если он о чем-то умалчивает, — значит, так надо, значит, не настал час.

Родин чувствовал, что и без его легенд у нее создается о нем своя легенда... Своя... Какая? Очень далекая от правды...

Тривиальный сюжет

Утром, придя на работу, я застал Снеткова возле своего кабинета. Новость. Значковский вхож в дом известного ученого профессора Старцева. Всего только год назад профессор Арсентий Дмитриевич Старцев был переведен в научно-исследовательский институт и работал по секретной тематике... Он был химиком. Это сообщение нас очень заинтересовало.

Оказывается, наш музыкант был знаком со Старцевым уже много лет. Он учился с его дочкой в одной школе и даже в одном классе.

В доме профессора он бывал и в те далекие времена. Затем поступил в консерваторию. Светлана, дочка профессора, училась в Менделеевском институте. Но не окончила его. На третьем курсе вышла замуж. Бросила учебу. И не мудрено. Переходила она с курса на курс с большим трудом. И в институте училась недолго, а замужем побыла и того меньше. Брак был расторгнут, и как раз в это время возобновилось ее знакомство со Значковским.

Школьные годы, школьная дружба, а может быть, и первая любовь... К тому же Значковский после долгой разлуки мог действительно поразить ее воображение.

«Мальчик в коротких штанишках» стал заметным музыкантом. Его внимание могло льстить экстравагантной дочке профессора. А может быть, и на самом деле между ними наметилось что-нибудь похожее на любовь? Не живет же Значковский одной лишь любовью к машинам!

Что же привлекло его в этот дом? Любовь? Увлечение?

Итак, к биографии Значковского, к психологической канве этой биографии:

Отец — музыкант, мать работала на заводе и вдруг перестала работать. Тогда, в первый раз перед встречей со Значковским по делу Сальникова, мы в

общем-то прошли мимо этого факта. Прямого отношения к Значковскому этот факт не имел. Это скорее надо отнести к биографии его матери. А кто сейчас его мать, как она жила все эти годы, на какие средства воспитывала сына? Мы далеки от мысли, что только родители оказывают решающее влияние на формирование человека, но... Но в жизни бывает всякое.

Я посоветовал Снеткову заинтересоваться жизнью матери Значковского. И вот что мы установили.

В 1943 году Мария Петровна Значковская оставила работу на заводе. Уволилась.

Жила она тогда на улице Левитана. Теперь эта улица перестроена, и нет того дома, в котором она жила.

Снетков обнаружил, что у нее есть своя дача. Нетрудно было сделать такое открытие, но все же оно выглядело, скажем прямо, неожиданностью. Вдова, не работающая с 1943 года, имеет свою дачу. Еще можно было поверить, что ее сын купил дачу, но она! На какие же деньги?

Дача куплена в 1943 году в Подмосковье, где дома всегда стоили очень дорого.

Каким же было наследство ее мужа? Может быть, на средства от исполнения его песенок куплена дача? В те годы часто исполнялись песни композитора Значковского, его вдова получала гонорары. Однако не в той сумме, которая необходима для приобретения такой дачи. Я не случайно выделяю слово «такой».

В тридцати минутах езды на электричке от Москвы, окруженный высокими соснами, с чудесным плодоносящим садом в сорок корней, двухэтажный особнячок из кирпича. Строился на века. Принадлежал он до продажи семье академика. В семье академика называли и сумму, за которую была продана дача. Двести тысяч рублей. Купчая, правда, состоялась на пятьдесят тысяч. Обычный прием, чтобы не платить больших нотариальных сборов. Старое дело. Кто и когда вернулся бы к нему, если бы не особый интерес к ее сыну!

Итак, вдова выложила за дачу двести тысяч рублей.

Наши товарищи заметили, что Светлана Старцева все чаще и чаще появляется в «Инвикте» рядом с ее хозяином. В такой роскошной машине надо уметь и сидеть, надо уметь для нее и одеваться. Светлана Старцева «шла» к этой машине, и машина «шла» к ней.

Значковский не гонял «Инвикту» зря, несмотря на ее мощный мотор и скоростные качества. Машина медленно плыла по улице Горького, по Кутузовскому проспекту, по бульварному кольцу — словом, по тем артериям Москвы, по тем улицам, где прохожие могли оценить достоинства этой машины.

Ездил на «Инвикте» Значковский и в Красную Пахру. На дачу к Старцевым. К матери на дачу не ездил.

Так вот мы и ходили вокруг да около Значковского, пока новый толчок не дал ход делу.

Профессор Старцев побывал на даче у Марии Петровны Значковской в вечерний поздний час. Этот человек, оказывается, очень часто в годы войны и после войны навещал Значковскую. Именно он, Старцев, помог ей купить дачу, был здесь частым гостем, с годами его посещения становились все более редкими, и на этот раз он появился после многолетнего перерыва.

И над такого рода тайнами приоткрывается завеса. Мария Петровна Значковская двадцать лет тому назад была очень интересной женщиной. Старцев увлекся ею. Что здесь необычного? Дело житейское. Но дачу он ей подарить не мог: не имел таких средств.

К нашему делу, к вопросам, которые нас интересовали, все это не имело отношения. Зачем он к ней пришел в эти дни? Романа между ними быть теперь, видимо, не могло: не тот возраст. Старое вспомнить? Вряд ли. Отец пришел поговорить о своей дочери.

Утром в воскресный день «Инвикта» Значковского выехала с закрытой стоянки возле его дома и ринулась в общем потоке к центру, свернула возле Манежа и остановилась около дома, где жил профессор Старцев. Из подъезда вышла его дочь, машина развернулась и выехала на Садовую.

«Инвикта» шла по шоссе со скоростью 120—130 километров в час. В деревне Спас-Заулок у поста ГАИ Значковскому пришлось остановиться по требованию дежурного инспектора. Обычная проверка документов. Инспектор пожурил Значковского за превышение скорости в пределах населенного пункта.

А тут недалек и поворот. «Инвикта» скользнула по асфальту узкого шоссе и пошла в лесные глубинки.

Поздно вечером «Инвикта» снова появилась на автотрассе и, взяв направление на Москву, набрала скорость, обгоняя одну машину за другой. На участке прямой дороги «Инвикта» дважды пыталась обогнать «Волгу», водитель которой явно хулиганил. При сигнале фарами он не прижимался к обочине, а выходил на середину шоссе. Выходя на обгон в третий раз, «Инвикта» просигналила светом, «Волга» подвинулась опять влево, тогда Значковский бросил свою машину вправо. Обошел «Волгу», незначительно превысив ее скорость. Сравнявшись со стеклом водителя, что-то ему крикнул, должно быть, ругательство, погрозил кулаком и быстро ушел вперед. «Волга» вновь вильнула вправо. Когда машина на миг оказалась рядом, из «Инвикты» в кабину «Волги» перелетел какой-то предмет.

До встречи с «Инвиктой» эту «Волгу» с забрызганным грязью номером остановил автоинспектор. Он проверил документы и обратил внимание водителя машины на то, что номер забрызган грязью. Водителем машины оказался корреспондент влиятельной буржуазной газеты. Этот корреспондент давно подозревался нами в связях с иностранной разведкой.

Случайность? Опять же странная случайность!

Передача! Так сказал бы любой беспристрастный наблюдатель, которому мы дали бы возможность ознакомиться со всеми обстоятельствами дела.

Но чекист, прежде чем утвердиться в какой-либо версии, обязан подвергнуть ее тщательному анализу, обязан исследовать все аргументы, которые говорили бы в пользу ее или могли бы разрушить им же выстроенную версию.

Рассмотрим самый главный аргумент, к тому же и лежащий на поверхности. Зачем понадобилось Значковскому и его возможному контрагенту сооружать, иного слова не подберешь, такую сложную систему передачи? Не проще ли было Значковскому встретиться с этим корреспондентом где-нибудь в ресторане, на улице, в очереди, в большом магазине, у бензоколонки, на концерте, наконец? Корреспондент мог подойти к Значковскому после его выступления. А столь малый предмет, как сигаретная пачка, мог незаметно перекочевать из кармана музыканта в карман разведчика. Мало того, мы повторяемся, Значковский по своей профессии имел частые контакты с иностранцами. При таких контактах передача незатруднительна.

Однако в разведке не бывает раз и навсегда установленных правил: любое правило превращается в стандарт, который затем легко разгадывается. Разведчик ищет в своей работе, особенно в такой деликатной области, как связь с агентом, нелогичного, маловероятного, чтобы сбить с толку контрразведку.

И действительно, передача информации на ходу из машины в машину может на первый взгляд показаться нелепицей. Ну, а если принять версию, что передача состоялась и была передачей разведывательного характера? Здесь мы уже пойдем в своих рассуждениях путями нашей профессиональной логики. Рассуждаем пока лишь предположительно. Значковский и вышеупомянутый корреспондент находятся между собой в преступной связи. Им необходимо встречаться.

Старая история.

Жили-были два гражданина, встречались часто, бывали друг у друга дома, заходили вместе в ресторан посидеть за рюмкой водки. И вдруг случилось им войти в какую-нибудь сделку, наказуемую уголовным кодексом. Они немедленно прекращают все встречи, открытые встречи, назначают свидания в местах, скрытых от посторонних взглядов.

Если бы у Значковского не было никакой преступной связи с корреспондентом, он встречался бы с ним открыто. Но уж коли между ними эта связь устано-

вилась, то будут они искать встреч необычных, разрабатывать процесс передачи информации таким образом, чтобы их встречи, их контакты выпали из возможного за ними наблюдения.

Они могли условиться, что на каком-то километре Ленинградского шоссе, в таком-то часу Значковский на своей машине нагонит машину корреспондента, они поравняются, и Значковский на ходу перебросит в машину своего соучастника компактную коробочку с информацией. Что для этого было бы нужно? Прежде всего время и место встречи должны выглядеть не нарочито, должны носить явный отпечаток случайности.

Место? Ленинградское шоссе. Отличное место. Воскресный день. По Ленинградскому шоссе в воскресенье выезжают и грибники, и рыболовы. Стало быть, встреча на Ленинградском шоссе не будет иметь нарочитого характера.

Передачу из машины в машину лучше всего сделать в темноте.

Шла «Инвикта», как идут сотни других машин. Обгоняла одну машину за другой. Что-то необычное, конечно, было в том, что очередная машина заматалась с правой на левую сторону. Среди автолюбителей встречаются «самолюбивые» натуры, такие способны и на грубые нарушения, лишь бы не дать себя обогнать.

Значковский пошел на обгон справа. Рискованный обгон. Надо иметь уверенность, что обгоняемая машина не сдаст вправо. Откуда такая уверенность?

Если заранее была обусловлена передача на ходу, то Значковский должен был зайти именно справа. Он у окна, ему легче перебросить условленный предмет.

Перед обгоном Значковский несколько раз просигналил фарами. Количество вспышек и переключения дальнего света на сближении могли быть заранее обусловлены. Стало быть, в «Волге» ждали его передачи, стало быть, специально дали место для обгона справа.

У нас появились основания подозревать Значковского не только в валютных операциях, но и в значительно более серьезном преступлении.

Скрипк итальянского мастера

В одной из глухих деревенок Рязанской области, в Мещерских лесах умирал старик. Было ему девяносто два года. Вся его жизнь, известная всем окружающим, прошла в колхозе; откуда он пришел в деревню, никто не знал. А те, кто знали, или умерли, или выехали из деревни. Звали его Прокофий Васильевич Урляпов. Последние двадцать лет работал он пчеловодом.

Правление колхоза попыталось положить Прокофия Васильевича в больницу. Ухаживать за одиноким было некому. Старик отказался: умру, дескать, на своих полатах. Колхозники и школьники носили ему еду, убирали в избе. А когда стало совсем худо, позвал он к себе школьного директора Толиверова.

Толиверов был заметной фигурой и для деревни Лиховой Путыни, и вообще для Мещерского края.

Директор школы — кандидат исторических наук. Потомственный сельский интеллигент. Его дед основал в Лиховой Пустыни школу. Внук продолжил дело. Герой Советского Союза, безрукий человек, он взял на себя трудную миссию работать в школе, жить в деревне.

Изба Урляпова — как изба, крыта соломой, подпоры под потолком, давно он ее не перебирал, и для кого перебирать, если жизнь последние годы катилась под крутую горку.

В красном углу иконостас и горящие лампы. Темные мрачные лики в долбленных досках, темные краски глубокой старины.

Иконы XIII и XIV веков.

Вот по поводу этих икон и позвал Урляпов директора школы. Ему, как лицу, которому доверял сам и доверяло общество, вручил свое завещание о передаче икон в Рязанский областной музей. А на словах объяснил, что не хочет отдавать их в церковь. Измельчал ныне, дескать, народ, и святая вера не останавливает от жульничества. Продадут попы иконы спекулянтам, и уедут старинные реликвии за океан к заморским толстосумам в коллекцию.

Поведал старик и историю своей жизни Толиверову. Признался, что был он отчаянным «супротивником» Советской власти. Корниловский «поход», романтика мстителей за «поруганную дворянскую честь», позор и унижение в южном порту... За границу он не поехал, скрылся в Мещерских лесах. Почему же именно в Мещерских? В Лиховой Пустыни стоял монастырь. Настоятель монастыря приходился Урляпову близким родственником. Прокофий Васильевич не раз бывал в монастыре, приглянулась ему деревенька своей тишиной. Появление нового человека тут не вызвало большой настороженности властей: кто-то из бывших паломников пришел в деревню на жительство. Объяснение годилось.

Прокофий Васильевич Урляпов, столбовой дворянин, зажил крестьянской жизнью.

Разговор с учителем затянулся за полночь.

Иконы, которые он завещал музею, почитал за великую драгоценность.

Но досадовал он и жаловался на одну свою непростительную промашку. Каялся, как в самом большом своем грехе и глупости.

Иконы эти отданы были ему на сохранение по особо доверительной рекомендации одной перехожей монашкой. Нашла его, зная его прошлое от настоятеля здешнего мужского монастыря. Та монашка была доверенной настоятельницы Лиговского женского монастыря, богатейшего на всю Россию.

Монашка нашла Урляпова, как она сама говорила, когда «бог позвал ее к себе». С необыкновенной стойкостью и покорностью готовилась к смерти, «очищала» себя от земных сует. Она сказала Урляпову, что знает всю историю его жизни, что он был ей указан верными людьми как человек, который сохранил верность старой жизни и, главное, богу. Она рассказывала, что, когда большевики разогнали монастырь, настоятельница призвала к себе самых верных послушниц и раздала им монастырское богатство. Кому передала золото, кому бриллианты, кому старинные иконы великих мастеров, а еще вручила им в руки скрипку. И сказала настоятельница, что все золото, все драгоценности они могут продать, чтобы жить в

неспокойное время, но нельзя продавать иконы — это грешно, и нельзя продавать скрипку.

«Как пришли большевики, так и уйдут, — говорила настоятельница, — с кровью уйдут, много народа погибнет, и вот тогда-то надо будет вновь строить монастырь. А как его строить? Нужны деньги. Для этого и скрипка, она такая дорогая, эта скрипка, что только на деньги от ее продажи можно вновь выстроить монастырь со всем его былым великолепием».

С виду скрипка была совсем незавидной. Потертая временем и футляр невзрачный. Но делал ее знаменитый итальянский мастер.

Ни в какие монастыри Урляпов к тому времени не верил, не верил, что сбудутся и предсказания настоятельница о краткосрочности большевистской власти. Скрипку спрятал, иконы поставил в красный угол.

В разгар войны повалила его тяжелая и почти неизлечимая болезнь. Война. Не до старого бобыля в деревне. Умирал, пластом лежал на печи, тут и вспомнил о скрипке. А как продать? Раз она такая ценная, то с ней и на глаза нельзя показываться. Никак нельзя: поинтересуются, откуда взялась — конфискуют. И правильно конфискуют, такие вещи давно объявлены государственным достоянием. Надо искать частное лицо, а как найти, если от печи до двора и вся дорога?

Ездила к ним в деревню московская спекулянтка, скупала и выменивала картошку. Попривыкли к ней, не очень стеснялись, да и она заходила в каждый дом совершенно свободно. Пригласил ее старик и поделился своими мыслями о скрипке: может быть, она что-либо придумает?

Шеврова — фамилия этой спекулянтки — записала на бумажке название скрипки и уехала в Москву. Обрато за скрипкой пожаловала вскорости, отвалила от своих щедрот Урляпову десять тысяч рублей. Он и им был рад. А через год, что ли, уже к концу войны, навестила Шеврова Лихову Пустынь, встретила старика (он уже выхрамывался из своей беды) и посетовала, что крупно они продешевили на той скрипке. «Что с меня взять, — говорила она, — на картошку да на тряпки я цены знала, а в эту штуч-

ку даже и не верила. Те люди, что взяли у меня скрипку, в гору пошли с нее, такой дом под Москвой купили, шапка упадет, если на крышу заглянешься...».

Толиверов передал по завещанию Урляпова иконы Рязанскому музею. А о скрипке Страдивариуса, зная, что она составляет государственное достояние, сообщил в областной исполнительный комитет. На это сообщение обратили внимание в Москве. О лиговской скрипке давно ходили легенды.

Милиция провела необходимые розыски. Нашли Шеврову. Не ставили ей ничего в вину, попросили только указать, кому продала скрипку и где эта дача или дом, который «на эту скрипку купили».

Так через Шеврову неожиданно протянулась ниточка к Марии Петровне Значковской. Шеврова указала, что именно ей она продала скрипку.

Подступались к Значковской, но тут же и отступились. Скрипку покупала сыну, он учился музыке. Старенькую, потрепанную скрипку. Дорого дала, в те годы на вещи настоящей цены не было. Где скрипка? Неужели в доме держать всякий хлам, в печке сожгла за ненадобностью...

На том дело и потеряло бы интерес, если бы Снетков не занялся семьей Значковских. Откопал он следы розысков скрипки в милиции. Вот он и ответ, откуда у Значковской появились деньги для приобретения дачи у академика, вот почему она легко смогла оставить работу в 1943 году. Она, конечно, перепродала скрипку. Но кто же, кто же в сорок третьем году мог ей дать настоящие деньги за такую вещь? Кто мог быть тогда столь богат и смел? Во всяком случае, музыкант, профессиональный музыкант никогда не купил бы этой скрипки...

Идти к Значковской было бы преждевременно: можно было всполошить и растревожить весь улей. Решили розыск скрипки начать через Шеврову. Выяснилось, что на старости лет она занялась разведением белых мышей и продажей яблок из своего сада. Яблоки продавала не на рынке. Мочила и торговала ими возле пивных. Выходило дороже.

Старушка — «божий одуванчик», в чем только жизнь теплится. Худенькая и сгорбленная, с пергаментным, желтым лицом, словно бы от недоедания.

А может, и действительно от недоедания: в этой породе встречаются скупцы, которые при огромных деньгах в кубышках от жадности сами себя голодом морят.

Она, конечно, поняла, в какое ее привезли здание. Мы предупредили, что неприятности ей не грозят и от нее требуется одно — рассказать правду о судьбе скрипки, которую важно найти.

Рассказ выглядел вполне правдоподобно. Скрипками она никогда не торговала и считала делом пустяковым. Да и предложить-то скрипку некому было. Не имела она таких знакомых. Правда, сказала о скрипке доктору, живущему рядом с ней в дачном поселке, слыхала, этот доктор даже известный московский профессор. Доктор ее на смех поднял. Сказал, что связалась она с какими-то жуликами, что никак невозможно, чтобы такая скрипка кем-то продавалась. «Ну, — думаю, — старик Урляпов — дурак, так с него спроса нет, и я с ним в дуры попадаю...»

— Поезда тогда как ходили... Не по расписанию... Долго стояли на станциях, пропускали воинские... Я, что мне теперь таиться, за картошкой в рязанские деревни ездила. За картошкой, за салом и за прочими продуктами. Кормиться надо было? А я одна осталась. Сына убили в первый же месяц войны. На заставе в пограничниках служил. В деревне купишь за одну цену, в городе продашь за другую... Вот и жила и все по поездам сновала. А в поезде скучно... Разговорами пробавляемся. Вот и рассказывала, как меня душой старик сделал... А как прозывается скрипка, так я до сих пор не помню. Рассказала я этак-то в темноте своим соседкам по купе, одна меня потом в Рязани отводит в сторону. «Ты, — говорит, — об этой истории помалкивай, а скрипку предоставь, может, и правда каких денег стоит... Сколько бы там ни стоила, а выручка будет». И адресок мне свой дала. На улице Левитана в Москве жила, есть в Москве такая улица...

Так мы и подошли с Шевровой к ее встрече со Значковской. Фамилию своей обидчицы она запомнила, как и все обстоятельства продажи скрипки. Обижена она была по-крупному, а жаловаться некому. Два раза встретилась с гражданкой Значковской, а

затем та ей деньги вручила — десять тысяч рублей и наказала из рук в руки передать хозяину. Ей куш обещала выдать, когда доставит скрипку.

Скрипку смотрела не Значковская. Шеврова называла ее в своем рассказе «барынькой» («барынька», по ее словам, была совсем не главной фигурой в этой истории). Скрипку смотрел ее «хахаль», человек из себя видный, породистый и, видать, «большая шишка».

Он долго рассматривал скрипку, даже струны на ней попробовал и «отвалил» ей пять тысяч рублей сверх тех десяти, которые она отвезла старику в деревню.

Довольна спекулянтка по-первому была крайне. Никак не думала, что пустое дело принесет такой барыш. А потом под ложечкой стало сосать: не продешевила ли? Жила, как мы уже упоминали, в Подмоскovie. И надо же такому случаю: покупает ее «барынька», Значковская то есть, дачу в их поселке. «Дачу царскую... Это все с той скрипочки, не иначе». Вот и затаила с тех пор на нее злобу.

— А почему же вы думаете, — задал ей вопрос Снетков, — что дача куплена с той скрипки? Может быть, у нее и без того деньги были?

По-своему Шеврова была наблюдательна, профессия у нее такая, что к некоторым деталям взгляд оказался прилипчивым.

Она очень логично объяснила, что познакомилась со Значковской, когда той было не до дач. Тряслась «барынька» в таких же теплушках, как и она: ехала выменивать свои платья на картошку.

— И хахаль-то ее, хахаль, тот самый, что скрипку для себя брал, с ней и дачу покупал. Сам выбирал, сам с прежними хозяевами рядился... Для своей любви покупал, от семейства своего в глубокой тайне... никак я вот только не добралась до его имени и фамилии...

И последний вопрос к неожиданному свидетелю:

— Скажите, Шеврова, а вы узнали бы по фотографии человека, который у вас скрипку купил?

— Узнала бы! — твердо ответила она.

Пришлось ей посидеть и подождать в приемной. Снетков быстро доставил фотографии профессора

Старцева времен войны. Показали мы ей для опознания несколько фотографий. Среди них была и фотография профессора Старцева. Замерди я и Снетков в ожидании. Сразу и не колеблясь указала она на Старцева. Вот он, ее обидчик, он купил скрипку, он на этой скрипке нажил деньги, он купил дачу своей «барыньке»!

Поблагодарив за помощь следствию, проводили мы ее и задумались. А ведь было над чем задуматься! Ученый, профессор Старцев — и вдруг в роли перекупщика скрипки! Для себя покупал? Зачем? Пятнадцать тысяч — это, в конце концов, не очень-то большие деньги, но зачем? Никто у него в доме не музицировал. И он уж точно знал, какую вещь в руки брал, к чему прикасался! Это не Шеврова.

Купил и продал? Опять все тот же вопрос, с которого и начали. Кому продал? Кто мог в нашей стране для себя купить такую вещь? Ее с превеликой охотой увезли бы за океан, не поскупившись на деньги. Профессор в роли спекулянта? Это уже двойная нелепость.

Биография для анкет, для предисловий к его книгам ни на один из вопросов, которые нас волновали, не давала ответа.

Вот одна из его последних автобиографий. Пожалуй, самая подробная. Для Академии наук.

«Родился я в 1900 году в феврале месяце. Ровесник века. Исторические потрясения двадцатого столетия во многом предопределили судьбу мальчишки из мещанского, провинциального городка с символическим названием. Родился я в Старгороде. Фамилия Старцев в этом городке была очень распространённой. На нашей улице, название которой я и не помнил, установил в последующих изысканиях, в Собачьей слободке, все были Старцевы, и никто из них точно не знал, где родня, а где чужие...

Как возникали такие странные города? Какой экономической или исторической необходимостью продиктовано их возникновение в открытой степи, вдали от больших дорог и еще дальше от водных путей? Ни реки в округе на добрых двести — триста верст, ни какого-либо другого водоема. Колодцы-то рыли до тридцати метров в глубину.

Старгород. Название подходящее. Городок-то действительно был старым. В летописях упоминается со времен половецких набегов. Крепостью, правда, он никогда не был, воинских подвигов за ним не числилось.

К тому времени, когда мне родиться, Старгород являл собой разновидность городка Окурова — по Максиму Горькому. Промышленности в городе не было никакой, граждане занимались огородами и торговлей. На чем держалась торговля в таких городках, на этот вопрос наши экономисты еще не дали вразумительного ответа.

Купцы — их было немного — торговали хлебом. Скупали хлеб в окрестных казачьих станицах, у помещиков и переваливали его в разные концы. Но таких купцов на весь город было раз, два и обчелся. А торговал весь город. Чем? Кому и что продавал, кто покупал? Это покрыто мраком.

Я вышел из такой вот «торговой семьи». В кавычки это определение беру отнюдь не из-за предосторожности. Никогда не скрывал, что отец мой стоял за прилавком. Под конец своей жизни он даже сделался хозяином лавчонки скобяных товаров. В самый канун революции. А когда начали падать торговые дома и купцы первой гильдии, предчувствуя перемены, распродавались, он купил даже несколько хлебных магазинов. Жадность, желание разбогатеть обуяли его. Ну и пришел к концу, который единственно и был возможен в те годы. Пошел с котомкой побираться, ничего не понял, ничего не принял, умер где-то под забором.

Я в наследство получил к торговым делам ненависть. Это было «здоровое» воспитание подрастающего поколения — ничто так не могло отвратить от торговли, как прислужничество у прилавка с юных лет. Я с десяти лет помогал отцу-приказчику, а потом отцу-купчишке. Лучше у других служить, чем у своего отца. Вырос зверенышем, озлобленным на отца, на семью, на свой городок, на чистых господ и на грязных мастеровых, на царя и бога, а пуще всего на городских.

Революцию я принял как перемену жизни, перемену всего, что вокруг и рядом, а к чему перемена,

я тогда, конечно, еще не знал и не мог знать. Никаких книг я в юности не читал, умел только считать и свою фамилию подписывать. О справедливости или о благе ближних понятия не имел.

В ту пору судьба такого темного парня, каким был я, во многом зависела от случая.

Километрах в полуторах от Старгорода раскинули свои копры донецкие шахты. Первыми сквозь наш городок прошли красноармейские отряды. Я к ним и прибился. С винтовкой в руках начинать новую жизнь мне даже очень нравилось. А шли бы белые, и за ними я увязался бы. Никакого революционного самосознания тогда у меня не было.

Все началось с Красной Армии, с регулярного красноармейского полка. Сначала революция научила меня грамоте, затем она меня научила жизни, затем научила меня классовому сознанию, научила человечности и открыла мне ленинское учение.

Когда окончилась гражданская война, я пошел со своими однополчанами на донецкие шахты. Рабочий класс привел меня к партии. В партию я вступил в 1923 году, а в 1926 году меня послали учиться. Сначала рабфак, потом опять шахты, потом Промышленная академия, а затем уже и дорога в науку...»

Далее шло подробное перечисление учреждений и институтов, где доводилось работать профессору, перечисление его трудов и заслуг вплоть до последнего дня, до последнего его места работы.

Биография отчеканенная, прошла она множество проверок. Однако проверка проверке рознь!

„Гончий пёс“ выходит на охоту

Значковский возвращался с концерта на своей «Инвикте». На спуске к Самотеке его обогнало такси. Из такси высунулся пассажир и показал Значковскому два пальца.

Значковский недоуменно пожал плечами.

Внизу у светофора машины остановились. Пассажир такси снова высунулся из окна и крикнул:

— Даю двести тысяч!

За светофором Значковский остановил машину. Не вынесла «душа поэта». Двести тысяч!

Такси остановилось несколько впереди. Из него вышли двое. Один — в штатском, другой — южанин в летной форме майора. Южанин молодой, да еще летчик. Имело смысл выяснить их позиции.

— Мне нужна машина! — сказал летчик. — Такая машина!

— Да, но я не продаю ее! — ответил Значковский. Летчик обворожительно улыбался.

— А мы и не просим ее продать! Мы просим обменять ее на денежные знаки!

Оба пассажира такси сели на заднее сиденье «Инвикты».

Значковский обернулся к летчику.

— О чем вы говорите, ребята? Что значит продать? Предположим, я задумал бы продать машину... Я должен отвезти ее в комиссионный магазин. А там...

— Ты только отведи ее! — ответил летчик. — Скажи день, когда погонишь. Мне больше ничего не нужно... Я буду первым в этот день. Что-нибудь заработал же я у своего государства! Выпрошу первую очередь! Жизнью своей я каждый день рискую вне очереди! Друг мой знает, на каких я самолетах поднимаюсь! Кишки наматываются на позвоночник. Одна у меня болезнь. Хочу такую, как у тебя, машину! Возьми деньги! Ты себе на них четыре «Волги» купишь!

Значковский снисходительно улыбнулся.

— Не продаю... В этом вся беда!

— Не надо! Не продавай! — воскликнул летчик. — Ничего не надо! Пойдем с нами в «Арагви»! Я угощаю! Будешь мне другом. Когда надумаешь продать, меня вспомнишь!

Летчик умел угостить с чисто южной широтой. С тостами. С улыбками. Слово он сдержал. О машине больше не заговаривал.

Его друг Вано быстро захмелел. Он все время нахваливал Давида, знаменитого летчика. И друг-то он хороший, и летчик первейшего класса, и очень богатый человек. Давид за каждый вылет на своих самолетах чуть ли не «Волгу» зарабатывает.

Значковский пригласил летчиков к себе. Расставались нежными друзьями.

Давид до того растрогался, что подарил Значковскому на память фотографию. Аэродром. Взлетная площадка. Давид в летном костюме. Не в обычном летном костюме, а в космическом скафандре. За его спиной силуэт машины. Не ракета, но почти снаряд с косыми крыльями, выпирающими из-под брезента.

Несколько дней Значковский возил Давида и его друга Вано по Москве, по адресам владельцев машин с иномарками. Однако не очень удачны были поездки. Хорошие машины никто не продавал, а старенькими Давид не интересовался.

Давид начал поговаривать об отъезде и пригласил Значковского на прощальный обед в «Арагви».

Выпили. Давид зазвал к себе Значковского в номер гостиницы «Москва». Все у него шло по высшей категории. Три комнаты. Спальня, кабинет, гостиная.

У пьяного человека сон глубокий. Но Значковский не был пьян. Когда Давид и его друг Вано погрузились в полное небытие, Значковский тихо встал и обшарил карманы своих друзей, облазил все ящики в столах и перерыл их вещи. Делал он это спокойно, не торопясь, под богатырский храп летчика.

Прежде всего он установил, что Давид действительно летчик, что награжден он многими орденами, что он испытатель. Нашел Значковский и иной вариант той фотографии, которую подарил ему Давид. Все было так же и не так. Давид. Тот же аэродром, но самолет на этот раз стоял расчехленным.

Уезжая к себе, Давид признался Значковскому, что «пропадает» в казахстанских степях. Условились, что майор договорится со своим командованием и пригласит Значковского выступить с концертом в летной части.

С казахстанского аэродрома последовало приглашение Значковскому выступить с концертом.

Клуб при аэродроме был вместительным. Музыканта приняли тепло. Поселил его Давид в своем домике, возле самого аэродрома.

Днем и ночью воздух сотрясался от гула могучих двигателей, дребезжали стекла от тяжелых взрывов.

Давид ушел утром на аэродром и просил слушать его взлет, указав час, когда он поднимется в воздух. Значковский хозяйничал в доме. Он нашел портфель. В портфеле — схему управления необычного самолета. На схеме стоял гриф «секретно»...

В Дубровку пришла открытка Родину. Безобидный текст. Писал какой-то друг, справлялся о житействе. Но подстрочный текст этой открытки означал начало операции.

В одну из поездок в Москву с директором Родин позвонил Значковскому:

— Товарищ Значковский? — начал Родин. — Я не ошибся номером?

— Вы не ошиблись номером, — ответил Значковский.

— Извините, пожалуйста, за беспокойство.

— Чем могу быть полезен?

— Я хотел бы просить вас дать нам концерт! Когда вы смогли бы приехать?

— Я этого сейчас сказать не могу... Позвоните мне... Ну, скажем, в четверг, в одиннадцать часов утра. Я тогда скажу точно!

В одиннадцать часов в четверг никто не позвонил Значковскому.

Никто ему не звонил, а встреча с Родиныным состоялась. Короткая встреча.

Значковский приехал в ГУМ. Пристроился в очередь, где продавались мужские сорочки. Выбрал себе белую выходную сорочку, оплатил ее и с этим свертком вышел из ГУМа. Житейские дела — и только! И никто не знал, что в очередь он встал за Родиныным, что условились они о встрече, где им никто не мог бы помешать...

Значковский в следующий четверг приехал на Ленинградский вокзал и купил два билета в мягкий вагон «Красной стрелы».

Не представляло труда установить, что в Ленинграде его с концертом не ждут. Человек, однако, он свободный, средствами для праздной поездки в Ленинград располагает. С кем он едет? Вот в чем вопрос. Мы знали номер вагона и номера мест, на которые он взял билеты.

Значковский вышел из дому более чем за час до отхода поезда. В руках у него был портфель, который вполне заменял чемодан. Куда же в такую рань? Ах, вон оно в чем дело! Лирическое путешествие со Светланой Старцевой.

Он взял такси и заехал за Светланой.

Она поехала с ним на вокзал. Но вот деталь! Наши товарищи отметили, что она вышла из дому без дорожных вещей. Какая же женщина выедет в такую поездку без багажа?

Они вышли на платформу, прошли вдоль состава. Значковский о чем-то горячо и оживленно говорил ей. И вдруг у последнего вагона, у выхода с вокзала, они простились. Светлана ушла быстрым и решительным шагом.

А что же Значковский? Он направился в вокзал, к кассам. Сдавать билет? Именно билет, а не билеты. Если бы он шел сдавать оба билета, он не оставил бы своего саквояжа в вагоне.

Подошел к кассе и громко сказал кассиру:

— Примите, пожалуйста, у меня один билет до Ленинграда.

Кассирша взяла билет и сокрушенно покачала головой, подсчитывая потери пассажира из-за несвоевременной сдачи билета.

Плеча Значковского коснулась ладонь какого-то гражданина.

— Вы сдаете билет? В какой вагон?

— Мягкий вагон.

— Я возьму.

Неизвестный попросил кассира проверить, правильно ли оформлен билет, отдал Значковскому деньги, и они разошлись, чтобы вскоре встретиться в одном купе.

Неплохо придумано, не правда ли? Каждая деталь имеет свое объяснение, все построено будто бы на случайностях.

Значковский пригласил в поездку свою девушку. Она в последнюю минуту отказывается от поездки. Поссорились или заупрямилась. Можно ли в этом усмотреть что-нибудь необычное? Нет. Даже и тому факту, что она выехала без багажа, можно найти объяснение. Отличное объяснение. Он надеялся уго-

ворить капризную женщину в последнюю минуту. Не уговорил. Пошел сдавать билет. Даже отдал билет кассиру. Но оформление сдачи билета в просроченное время стоит денег и времени. А тут какой-то случайный пассажир берет билет. Все логично.

Так «гончий пес», он же Родин, и Значковский оказались в одном купе.

Под стук колес удобно вести разговор вполголоса. И никто не войдет в купе: впереди длинная ночь.

Разговор начал Значковский:

— Это крайне неосторожно, что мы едем с вами в одном купе.

Р о д и н: — Почему? В чем вы видите неосторожность? Вы заметили за собой слежку?

З н а ч к о в с к и й: — Нет, за мной не следят. За вами могут следить.

Р о д и н: — Никаких для этого оснований нет. Если соприкосновение с вами не подозрительно, за мной некому следить. Не к чему. Я обычный советский гражданин. Вы тоже обычный советский гражданин. О наших встречах в Нью-Йорке никто не знает и знать не может. В чем дело? Что вас беспокоит?

З н а ч к о в с к и й: — Жаньен учил меня осторожности.

Р о д и н: — Жаньен должен был учить осторожности. За ним действительно следили, и он это знал. Вы с ним встречались редко и с такими предосторожностями, что никто не мог вас в чем-то заподозрить, если, конечно, общественное мнение о вас безукоризненно. Говорите сразу. Потом будет поздно. Вы встречались с иностранными подданными в это время?

З н а ч к о в с к и й: — Нет, не встречался. Это мне запретил шеф.

Р о д и н: — Вы приобретали валюту?

З н а ч к о в с к и й: — Это было давно. Больше я валютой не занимаюсь...

Р о д и н: — Вы оставили свою машину Сальникову?

З н а ч к о в с к и й: — С машиной все обошлось хорошо.

Р о д и н: — Что же вас тогда беспокоит в нашей встрече?

Значковский: — Только то, что мы оказались в одном купе. Зачем же нужны были столь усложненные передачи? Гонки на машинах и прочее.

Родин: — Для этого я и приехал, чтобы передачи упростились. Вы советский гражданин с незамаранной репутацией, я совхозный шофер. Мы сошлись в одном купе. Ну и что? Никакая разведка мира не в силах следить за всеми гражданами.

Значковский: — У меня вроде нет оснований считать себя под подозрением.

Родин: — Я дал вам задание. Вы просите объяснений. Какие нужны вам объяснения?

Значковский: — Мне все ясно! Но я сомневаюсь! Это не ошибка? Что может быть общего у вас со Старцевым?

Родин: — Это — излишнее любопытство.

Значковский: — Вы что-нибудь знали о колхозном счетоводе?

Родин: — Что именно?

Значковский: — В Тульской области одна история... Мне пришлось по указанию шефа запачкать руки.

Родин: — Теперь мне все понятно!

Значковский: — Я могу довериться Старцеву?

Родин: — Тут скорее обратный вопрос. Ему труднее вам довериться.

Значковский: — Я о нем ничего не знал... Я без него добыл для вас кое-что.

Родин: — Мы вас об этом не просили! Вот это действительно опасно! Так что же вы добыли, где и от кого?

Значковский: — У меня есть друг. Летчик-испытатель. Он испытывает новые модели скоростных реактивных самолетов.

Родин: — Почему вы там, у нас, ничего не сказали об этом друге? Он появился на вашем горизонте после возвращения из Нью-Йорка?

Значковский: — Не все сразу приходит на память. Я повторяю, он мне известен с детских лет. Я никогда не смотрел на него с вашей точки зрения. Теперь я на все смотрю с других позиций.

Родин: — Ну и что же вы высмотрели?

Значковский: — Модель реактивного истребителя. Может быть, перехватчика. Последняя модель, еще не пущенная в серию. Она проходит государственные испытания.

Родин: — Это вы серьезно?

Значковский: — Я вам передам фотоснимок модели, ее схему, описание ее управления, ее полетные данные.

Родин: — Это все с вами? Здесь?

Значковский: — Нет! Я этого с собой не ношу. Я достаточно осторожен. Я знаю цену такой информации.

Родин: — О! Вы к тому же бизнесмен! Ваша сумма?

Значковский: — Двадцать тысяч!

Родин: — Двадцать тысяч! Это действительно должна быть модель последнего самолета. Мы проверим. Деньги вы получите после заключения наших экспертов. И если это действительно новинка, и новинка из значительных, вы получите эту сумму!

Значковский: — Я не работаю по-пустому. Скажите, я не продешевил, отдавая вам конструкцию самолета? Я в какой-то мере в ваших руках. Я не знаю, как ценятся такие вещи.

Родин: — Нет, не продешевили...

Значковский: — А может быть, запросим больше. Мне больше двадцати тысяч не нужно. Запросим тридцать. Десять тысяч ваши.

Родин: — Для меня ваши деньги не имеют никакого значения.

Значковский: — Напрасно! Деньги — отличная вещь!

Родин: — Перейдем к делу! Мы больше встречаться не будем. Все, что вы получите для нас, вы будете прятать в тайник. Это схема нашего с вами тайника. Вы едете до Бронниц, сворачиваете на Каширское шоссе. Двадцатый километр от Бронниц. Березовая роща. Километровый столб. Вот схема. По этой тропинке вы углубляетесь в лес. Считайте на схеме деревья. Вот береза. Высокая береза. Из особых примет — на корне надпись: «Миша + Маша = любовь». Свои сообщения вы прячете в консервную банку и закапываете в корнях этой березы. Летом там мож-

но собирать грибы. Весной подышать весенним воздухом, постоять на тяге, зимой — прекрасное место для лыжной прогулки. Хорошо будет, если на эти прогулки вы будете выезжать не один, для прикрытия соберите компанию. Каждое второе воскресенье с начала месяца. В другие дни пользоваться тайником не следует. Ясно?

Значковский: — Ясно!

Родин: — Изучите схему тайника... Теперь поговорим о вашей безопасности. Если вам будет грозить опасность, если вы заметите за собой наблюдение, вы должны позвонить по этому телефону. Запомните номер. Если вас арестуют, по этому телефону пусть позвонит кто-нибудь из ваших близких. Не надо никого приглашать к аппарату. Когда снимут трубку, вы скажете: «Это квартира Солнцева?» Неважно, что вам ответят. Это сигнал тревоги. Все!

Значковский: — Когда я смогу передать информацию об истребителе?

Родин: — Не торопитесь! Получите информацию от Старцева. Все это вместе и положите в тайник.

Родин и Значковский вышли из вагона и тут же разошлись, как незнакомые люди...

Мы получили эти сведения уже со справкой, что в Калуге до сих пор живет человек по имени Родин Григорий Иванович. Год тому назад им был утерян паспорт.

Исторические изыскания

Обычным автобусным рейсом в Старгород прибыла бригада по историческим изысканиям в городе. Два историка. Петров и Шарапова. Петров работал следователем КГБ, Шарапова — в нашем архивном управлении. Они «задумали» книгу о Старгороде — «Старгород в предреволюционные годы и после революции». Они связались с городским краеведческим музеем, который был создан старгородскими учителями-энтузиастами. Они приехали с адресами бывалых людей, тех, кто принимал участие в революционной деятельности, кто участвовал в гражданской и

Отечественной войнах. Историкам открыли двери городских архивов.

Музей Старгорода. Все экспонаты его были собраны энтузиастами.

Под музей были отведены два зала в старгородской средней школе.

Директор школы Николай Евгеньевич Зелятров, пожилой подвижный человек, встретил историков с распростертыми объятиями: во-первых, историки, во-вторых,— будущие авторы книги о Старгороде.

Прежде всего Зелятров показал отдел древностей. Учащиеся школы из года в год выходили на раскопки меловых россыпей на окраинах города в дальние овраги. В меловых отрогах попадались отпечатки необыкновенных раковин.

Эпоха каменного века была представлена первобытным топориком и несколькими высеченными из кремня наконечниками стрел. Затем шел разрыв в десятки тысячелетий от доисторического времени к средневековью.

Степной город, степные просторы. Когда здесь еще и намека на город не было, схватывались в этих местах кочевники со славянскими племенами. От половецких набегов остались в земле кривые сабли, источенные ржавчиной в тонкие серпики.

Против половецких набегов и воздвигли славяне сторожевую дозорную слободу. Она обживалась. Родился город.

«Как возникали такие странные города?» — задавал риторический вопрос Старцев. Если бы он хоть раз побывал в этом музее, такой вопрос не возник бы. Сторожевой город, степная крепость — вот в чем историческая необходимость рождения города. А Старцев писал, что «крепостью он никогда не был и никаких воинских подвигов за ним не числилось».

Уехал из Старгорода мелкий приказчик юношей, никогда не возвращался сюда, откуда ему знать историю ратных дел сограждан? Так и укрепилось в памяти, что городок, где он родился, ничем не примечателен. На первый случай и это соображение могло бы что-то объяснить.

Крепость между тем, как установили ученики, несколько раз сжигали татары. Ее сжигали, но она

вновь и вновь вырастала как сторожевая вышка в густом седом ковыле.

Вот они откуда, неровности города на ровном месте. Окапывалась когда-то степная крепость земляными валами, а потом расширялась, и земляные валы застраивались домами. А между валами и расположилась в более поздние времена Собачья слободка.

Представлял интерес и зал новейшей истории Старгорода. Здесь, правда, исторические события отмечались на стендах и рисунках школьников, но была тут и ротационная машина старгородских подпольщиков. На ней печатались большевистские прокламации, которые распространялись среди окрестных батраков. На поверку оказывался Старгород не такой уж глухоманью, как изображал в своих рассуждениях о городе профессор Старцев.

А вот и сам профессор. На стене висели портреты знаменитых старгородцев. Герой гражданской войны Иван Михайлович Постовалов, погибший в степях Причерноморья; Герой Советского Союза танкист Михаил Петрович Стариков, прославивший Старгород в годы Отечественной войны; профессор Старцев, ученый.

— И профессора разыскали? — спросил Петров, указывая на портрет.

Зелятров объяснил, что работники музея, а их множество — все ученики школы, и многие энтузиасты следят за всем, что касается истории города. Однажды в горисполком пришел запрос, подписанный московским профессором. Профессор просил поискать в архивах метрические выписки о дне его рождения. В церковном архиве или в архиве горисполкома. Так узнали, что из Старгорода вышел ученый. Запрос этот пришел после войны. Какой мог сохраниться архив? Дважды по городу прокатилась немецкая волна. Зелятров, получив сведения о профессоре Старцеве, заинтересовался его прошлым.

Остатки Собачьей слободки сгорели во время войны. Но нашлись фотографии этой улицы и жителей-старожилов.

Здесь стояли деревянные или глинобитные домики с подслеповатыми маленькими оконцами. Грязь на проезжей части улицы. Самая беднота жила в Со-

бачьей слободке. И все Старцевы. Других фамилий там и не помнили. Из каких же Старцевых вышел Арсентий Дмитриевич, установить было трудно. Старики ломали головы, восстанавливая былое. Старцевы — и приказчики и купчишки, и Дмитрии и Арсентии... Всякие были. Мог быть и Арсентий Дмитриевич, мог уйти из города с Красной Армией. Во время гражданской войны город переходил из рук в руки много раз. Все смешалось, затерялось и быльем поросло. Из горсовета послали в Москву справку, что городские архивы, а тем более церковные, уничтожены либо в гражданскую войну, либо в Отечественную. Найти метрические выписки не представлялось возможным. Горсовет засвидетельствовал, что Старцев происходит из Старгорода, что его родственники принадлежали к мещанскому сословию.

Зелятров и его ученики искали потом родственников Старцева, но все Старцевы, задержавшиеся в Старгороде, открещивались от этого родственника, в их семейных преданиях он не значился.

В анкете Старцев указывал, что ни сестер, ни братьев у него не было.

Ирина Тимофеевна Шарапова окончила историко-архивный институт. Ей и карты в руки. Но архивы Старгорода действительно были опустошены. Прямых свидетельств добыть не представлялось возможным. Шарапова собирала косвенные свидетельства. Она принялась за изучение биографий всех Старцевых. Сложное дело. Ничем эти люди себя не прославили: жили, где-то работали, кое-кто из них торговал, а многие уехали из Старгорода. И следы их очень редко обнаруживались: либо в справках, выданных загсом или горсоветом, либо в гражданских актах о рождении и смерти.

Петров имел неограниченную возможность представить жизнь захолустного городка и поразмыслить, как и каким путем мог пройти паренек из этого города к службе в иностранной разведке. Мог перебирать бесчисленное количество версий в поисках одной и самой точной.

Петров встречался со старожилами. Со старичками и старушками. Выслушал множество историй о жизни мещанского сословия. И о драках на главной

улице, и о блудливых женах, и о побоях, которыми держали своих домашних в страхе мелкие купчишки, о запоях купеческих и загулах, и о том, кто и чем торговал, как торговал... И почему был хлеб, по какой цене ходил сахар, и какими по осени были торговые ряды в городе. Упоминали о нескольких Дмитриях Старцевых, а вот был ли у кого из них сын Арсентий, никто припомнить не мог. В Собачьей слободке чаще пользовались прозвищами, чем именами.

В своих поисках Петров натолкнулся на пенсионера, бывшего начальника городского отдела ОГПУ Лебедева. Ему было за семьдесят, но память осталась еще свежей. Он покинул свой пост перед самой войной, потом работал в отделе коммунального хозяйства. Пережил войну, как и все пожилые люди: тогда он уже был вне призывного возраста, пережил эвакуацию и вернулся в родной город. Отдыхал, занимался садом, ходил с удочками на неширокую степную речушку. Он первым указал все же на какой-то смутный след. Однажды из Москвы поступил запрос на Старцева Арсентия Дмитриевича, доцента, преподавателя одного из московских институтов. По архивным данным, которые тогда еще не были уничтожены, Лебедев это вспомнил, установили, что в городе проживал Арсентий Дмитриевич Старцев, он пошел в ряды Красной Армии. Запрос, видимо, относился к тридцать второму или к тридцать третьему году. Больше о Старцеве не запрашивали.

На том изыскания историков, собравшихся написать книгу о городе, и закончилось бы, если бы не энтузиазм Зелятрова.

Как-то вечером он вбежал к Петрову в номер гостиницы, сияя от восторга. Нашел! Нашел интереснейшего человека, о котором можно написать целую главу в книге. Коллекционер и даже местный бытописатель. С незапамятных времен ведет дневник о жизни города, ни одного дня не пропустил в своих записях. Сейчас на пенсии, а работал всю жизнь бухгалтером. Можно представить аккуратность, с которой он вел записи!

Дом на окраине города. Немощенная улица, канава для стока воды, мостик через канаву. Доска к доске пригнана, словно пол стелили. Невысокие

воротца окрашены охрой. Перед крыльцом система половиков и половичков, рядом скребок, затем соломенная подстилка, потом циновка, потом половик и дорожка в коридоре. Крашенные полы натерты мастикой, ни пылинки. Вся мебель в парусиновых чехлах.

Его фамилия была Старков. Старомодный человек, во внешнем облике у него было что-то от чеховского «человека в футляре».

Старичок невысок ростом, чуть пригорбился, в очках с золотой оправой. Такие носили очень давно, и нужна была крайняя аккуратность, чтобы сохранились, не сломались до сей поры.

Всякие бывают коллекционеры. Собирают почтовые марки филателисты. Этим подавляющее большинство. Самый заманчивый и вообще-то самый легкий вид коллекционирования. Поставлен сбор марок на широкую ногу. К услугам коллекционеров магазины и даже печатные машины, которые воспроизводят марки, давно вышедшие из общего употребления.

Нумизматы собирают коллекции монет. Здесь нет столь проторенных дорожек, как у филателистов, и купить древние монеты негде.

Собирают открытки с видами, собирают спичечные этикетки, коробки от сигарет, собирают гербарии, жуков и бабочек. Старков собирал письма, не нашедшие адресата. Он работал бухгалтером на почте. В почтовом отделении иногда оседали письма, не нашедшие адресата, и к тому же без обратного адреса. Их некоторое время хранили, а затем сжигали. Он выпросил себе право сжигать такие письма, но не сжигал, а собирал в коллекцию. Аккуратно распечатывал конверт, скалывал с письмом и распределял по папкам. Папка писем семейных, папка писем любовных, папка писем деловых, папка пропавших адресатов. А вот папка, где собирались письма, в которых разыскивали пропавших людей.

Любопытное и многообразное собрание человеческих страстей, горя, радости и недоумения! Сюжеты для драм и комедий, живые странички эпохи. И дневники. Общие ученические тетради. Пятьдесят четыре тетради. Пятьдесят четыре года, изо дня в день, по две странички на день записей. Погода, температура

воздуха, прилет и отлет птиц, происшествия в городе, исторические события и прочее. Ничего о себе. Для историка города Старгорода клад неоценимый. А для дела? Петров и Шарапова с тревогой поглядывали на эти пятьдесят четыре общие тетради, исписанные мелким, как бисер, почерком. Петров терпеливо рассматривал коллекцию писем и выслушивал рассказы, как добыто то или иное письмо, что в нем редкого.

Здесь были и открытки с видами Кавказа с торопливым текстом заезжего гастролера, и солдатские треугольнички времен Отечественной войны, блуждавшие по полевым почтам и заброшенные военной неразберихой в чужой город.

А Старков извлекал одну редкость за другой. И вдруг до сознания Петрова дошла знакомая фамилия. Старков только что прочел не очень ясное письмо времен гражданской войны.

Историки насторожились. Письмо времен гражданской войны. Времена были трудные, письма писались редко, бумаги не было. Писали на оберточной бумаге, на обрывках газет, на страницах книг. Это письмо было написано на рекламном проспекте. Плотная меловая бумага. Вчетверо сложенная, она с трудом входила в пожелтевший от времени конверт. На конверте адрес: «Город Старгород, Собачья Слободка, дом 3, Дмитрию Ивановичу Старцеву».

Конверт со штемпелем пришел в Старгород из Ростова. Петров бережно взял в руки письмо и попросил разрешения прочитать текст.

Текст шел наискось по рекламному проспекту. Крупные округлые буквы не весьма искусного грамотея. Типичный стиль для письма к родным.

«Шлю привет матери, отцу и родным сестрам. Издалече письмо. Из Ростова что на Дону. Мы гоним беляков и вскорости скинем их в море. А потом я приду домой и порядком накручу вам все мозги. Не доперли вы до социальных проблем. А проблема такая. Ты отец распродавай все свое недвижимое и становись на рельсы прольтариата. Теперича другая линия направления дадена. В лавках не сидеть торговать а строить надоть фундамент. Фундахмент прочный и новая жизнь. Заклинаю, прода-

вай все и не срами своего сына красноармейца. Никакой купец из тебя не получится!

Пребываю в здравии ваш сын Арсентий. Жду приветов, как соловей лета! Арсентий. А писать мне некуда, будет куда, вышлю. Мая сего года, 16».

Арсентий Старцев! И к тому же его отец — Дмитрий. И ко всему — Собачья слободка. Красноармеец.

Старков наслаждался вниманием Петрова к своей находке.

Отыскался след. Ничего этот след пока еще дать не может, но все же след. Кончик ниточки. Петров даже еще и не думал, куда этот след выведет.

Рекламный проспект. Замысловатая виньетка в стиле того времени, и виньетка автомашины и надписи.

Сверху крупным латинским алфавитом «Packard» и далее:

«Самые дорогие и самые лучшие в мире

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ НЕТ НИ ОДНОГО МИЛЛИАРДЕРА, КОТОРЫЙ НЕ ЕЗДИЛ БЫ НА НАШЕЙ МАШИНЕ! НАШИ ПОКУПАТЕЛИ: Джен Арбукль, К. Х. Арчивальд, М. Х. Астер, Чарльз Гульд, А. С. Гульд, М. С. Мак Кэй, Д. Х. Морган, Х. В. Морган, Д. П. Морган, Пирпонт Морган, В. Морган, Корнелиус Вандербильд, В. Г. Рокфеллер и мн. другие.

«Автомобили «Паккард» — самые дорогие автомобили в мире. Но практичные янки считают их наиболее выгодными.

Затраченные деньги здесь оправдываются.

Кто не ездил на «Паккарде», тот не может представить, насколько приятна езда на автомобиле.

«Паккард» идет по вспаханному полю, как по хорошей дороге.

В России, по странной случайности, почти не знают «Паккарда». А между тем он приспособлен именно к очень плохим дорогам западных штатов Сев. Америки — это дороги не лучше наших русских. В Америке на всех дорожных испытаниях «Паккард» получил и получает первые призы.

Уже несколько «Packard» есть в Петрограде. Спросите тех, кто их имеет.

За справками просят обращаться к инж. А. А. Пальскому. Невский пр., тел. 149—71».

Писать не на чем было. Всякая бумага шла в ход. Но откуда такой проспект в Ростове? Где его подобрал красноармеец Арсентий Дмитриевич Старцев? Заскребло на душе у Петрова. Еще никак не выраженные догадки. Но писал-то Арсентий Старцев, след которого они отыскивают в Старгороде. Вот он, след.

Петров поинтересовался, почему же это письмо не дошло до адресата?

На обороте конверта надпись, сделанная рукой коллекционера. Там все объяснения. Письмо пришло, когда красные освободили город от петлюровцев. Семью Старцевых петлюровцы в полном составе расстреляли за городской чертой, как семью красноармейца. А был Старцев Дмитрий Иванович хозяином лавки скобяных товаров.

В автобиографиях, которые довелось читать Петрову, профессор Старцев нигде не указывал, что его родители и сестры были расстреляны петлюровцами. Он писал, что отец умер под забором. Как же он упустил такой биографический козырь? Почему он об этом не писал?

Петров под честное слово и под поручительство Зелятрова выпросил это письмо у коллекционера на некоторое время для того якобы, чтобы воспроизвести его в печати как иллюстрацию к книге.

Шарапова и Петров по несколько раз перечитывали письмо. Тщательнейше изучили проспект. Оставалось психологической загадкой, почему профессор, который делал акцент на свою революционность, умолчал о том, что его родные пали от руки петлюровцев.

Этот документ будут исследовать эксперты-почерковеды. Они выскажут свои соображения о почерке, совпадает ли он в этом письме с почерком профессора. Но они не ответят на вопрос, откуда у красноармейца такой проспект. В чем тут дело?

Проспект на меловой бумаге. Реклама очень дорогой машины. Кому рассылались такие проспекты? Богатым людям. Не просто богатым людям. Очень богатым, самым богатым. Таких единицы. В Ростове

вообще не могло найтись человека, который мог бы купить такой автомобиль. В Ростове не было ни Вандербильдов, ни Морганов, ни Рокфеллеров. Мог, конечно, затеряться такой проспект у какого-нибудь богача, крупного помещика и промышленника. Как-то мог попасть он в руки и красноармейца... Мог попасть... Как? В этом весь вопрос. Любопытная бумажка!..

Сын Старгородского приказчика — и «Паккард»! Несовпадающие категории. Скачок огромный. Странно все это. От полуграмотного приказчика до профессора. За этим стоит труд. Немыслимый труд! Надо было много лет учиться, не разгибая спины. Учиться грамоте, овладевать точными науками, накапливать культуру. Работать и работать... Когда же такому человеку заниматься подлостями? Непонятно... Вот если бы инженер Пальский, агент американской фирмы по распространению автомобилей, встал на путь службы в разведке, в этом ничего не было бы противоестественного... Старцев — из мелких купчишек, рабфаковец, красноармеец, который грозил отцу повернуть его к новой жизни... Нет, здесь что-то не так. Экспертиза с полной определенностью установила, что почерк в письме на рекламном проспекте и почерк профессора совершенно различны. Они принадлежали разным людям.

Но мы еще не торопились с выводами.

— Слишком прямой ход? — спросил Петров.

— Простота в нашей работе никогда не бывает самой большой сложностью, — ответил я. — Похоже, что учитель Зелятров и бухгалтер вывели нас на интересный след... Ищите в Ленинграде следы инженера Пальского.

— Меня только одно смущает... — заметил Петров. — Проспект четырнадцатого года. А инженер? Возраст не совпадает.

— Шесть лет... Разница в шесть лет не всегда заметна. Редко кто приглядывается к возрасту человека. Проходят такие разницы. Езжайте! Желаю успеха! Встретить бы вам и в Ленинграде своего Зелятрова!

Ленинград не Старгород. Человек в Ленинграде, что иголка в сене. Невский проспект, 28. Да, здесь

когда-то было представительство по продаже автомашин. Не только «Паккарды» продавались через эту контору. И «Форды» и другие машины из Соединенных Штатов Америки и из Европы. Петрову разыскали дореволюционный журнал «Столица и усадьбы», журнал, издававшийся в малом тираже для высшей русской аристократии. Там нашлась и копия того рекламного проспекта, который заинтересовал Комитет госбезопасности. Инженер Пальский. А вот о нем нигде и ни в каких архивах упоминания не было. Не было упоминания этой фамилии и в жандармских и полицейских архивах. Исчезла эта фамилия из Ленинграда, а вероятнее всего, еще из Петрограда. Революция, голод, разруха... Множество людей исчезло без вести в те годы.

Петров пошел в ГАИ. Он попросил найти ему по документам шофера с дореволюционным стажем. Может быть, сохранился кто-нибудь из тех, кто зачинал автомобильное дело в начале века.

В ГАИ перерыли учетные карточки и нашли регистрационную карточку на автомашину «Форд» 1903 года выпуска. До войны он стоял на учете, но после в документах ГАИ не фигурировал. Акта на уничтожение этого уникала не было.

Автомобиль стоял в сарае. Давно уже сгнила резина на колесах, облупилась краска, покрылись ржавчиной никелированные части.

Однако стоял свидетель рождения автомобильной эры. Жив был и хозяин Игнатий Михайлович Лежнев. Шофер при императорском дворе. Работал много лет шофером и в советское время, вышел на пенсию. Подрабатывал обслугой автомобилей. «Форд» он купил в собственность в двадцатых годах, но со временем машина пришла в негодность. Хранил ее как память о своем автомобильном прошлом.

Инженер Пальский! Аркадий Андреевич? Ну как же не помнить! Тогда все автомобилисты друг друга знали. Их было не больше, чем пальцев на одной руке. Когда автомобиль ехал по Невскому, это было событие. Пальский знал все системы автомобилей. Он приходил в гараж императора как специалист. За каждую консультацию получал огромные деньги. С ним, с Игнатием, был на короткой ноге. Друзьями

не были, но встречались часто. Это был способный и даже талантливый молодой инженер. Он окончил политехнический институт в Берлине. Представлял интересы американских автомобильных фирм. Женат не был. Жил холостяком. После революции в Петрограде не появлялся.

А вот и вещественное доказательство. Фотография. Гараж царского дворца. Автомобиль. Такой же, как и на рекламном проспекте. «Паккард». За рулем Игнатий. Сзади, на кожаном сиденье, высокий человек в военном мундире.

Рядом с машиной молодые люди в штатском.

Игнатий пояснил:

— В машине великий князь Николай Николаевич! Главнокомандующий русской армии. Стоят инженер Пальский и его сотрудник Суровцев. Сняли эту карточку для рекламы. Пальский ее в Америку отправил. Великий князь в «Паккарде». Неплохая реклама?

Много лет прошло с тех пор. Годы искажают лица, однако не исчезают характерные черты и остается общий абрис. Суровцев похож на Старцева.

Полет бумеранга

Итак, мы имеем довольно странную схему. Я ее рассматриваю, эту схему, пока что исходя из тех данных, которые мы имеем после поездки Значковского и Родина в Ленинград.

Все, что рассказано о Родине, о его пребывании в школе разведчиков, о его высадке в Ялте, мы, естественно, узнали значительно позже. Нам пока было известно, что он агент иностранной разведки, связан со Значковским.

Доказательств враждебной деятельности Значковского было уже достаточно для того, чтобы брать санкцию на его арест. Этим мы, конечно, немедленно пресекли бы его опасную деятельность, но оставили бы для следствия очень много белых пятен.

Не менее интересный узелок завязывался и вокруг профессора Старцева.

Как давно может быть связан Старцев, а точнее, Старцев—Суровцев с иностранной разведкой? Не с того ли времени, когда был придворным автомобильным инженером?

Тогда все проясняется в истории со скрипкой и покупкой дачи. Это укладывается в размеры вознаграждения иностранного разведчика и в спекуляцию скрипкой итальянского мастера.

Если брат Значковского, то надо арестовать и Старцева, и Родина, а мы еще совсем мало знаем о них.

И еще соображение. Какой же разведчик упустит случай нанести удар противнику его же оружием? Соблазнительная операция. «Полет бумеранга» будем называть этот старый прием в разведывательной работе. Повернуть операцию против врага.

Значковский, Старцев и Родин. Что же в этой цепочке может благоприятствовать задуманной нами операции?

Мы теперь, в общем-то, легко можем проследить по этой цепочке за всей системой связи, можем и ворваться в одно из звеньев. Очевидно, Старцев должен добывать информацию научно-технического характера. Значковский и Родин будут переправлять эту информацию своим хозяевам.

Наиболее известен нам из этой троицы Значковский. Мы долго взвешивали, можем ли мы этого человека повернуть на нашу сторону?

Проанализируем еще раз его жизнь, его поступки.

Музыкант, человек с чувством достоинства, умный. В характере заложена изрядная склонность к авантюрам. Сначала эта склонность к авантюризму нашла выход в спекуляции валютой. Затем каким-то образом, в тот момент мы еще не знали как, Значковский был завербован иностранной разведкой. Значковский не брезговал ничем. Спекулировал валютой, спекулировал всем, что попадало к нему в руки. Можем ли мы рассчитывать на этого человека? Нет, не можем! Спекулянт, валютчик... Отставить!

Старцев. Шпион... Есть подозрение, что шпионажем занимается давно. Мы не знаем всех его «дел». Вина его перед Родиной может быть столь тяжела, что он уже не поверит в возможность снисхождения.

У него могут быть и иные, не только через Значковского и Родин, каналы связи с иностранной разведкой. Он может, если мы его тронем, поднять тревогу, и весь замысел наш рухнет.

Вместе с тем он может принести немалую пользу в затеваемой нами игре, сам того не ведая.

Родин?

Вот когда в поле нашего зрения попала Саша Корсунская.

Когда мы всерьез занялись Родиным, в совхозе ни для кого не было секретом, что готовится свадьба Родин и Саши Корсунской. Что ее потянуло к этому человеку, к чужому, враждебному нам человеку? Или, может быть, она разделяет с ним его взгляды, может быть, его взгляды для нее не чужды?

Наша работа всегда срочная. Обстановка вынуждала торопиться, но спешить нельзя было. Нужно было тщательно разобраться в Саше Корсунской. Почему молодая советская женщина полюбила врага? Да-да, самого настоящего врага. Он может скрыть от нее свое второе лицо, но душу не скроешь от любящей женщины, а может быть, даже и от любимой.

Очень мало мы тогда еще знали о Родине и о его отношениях с Корсунской. Поэтому придется опять забежать вперед, чтобы стали понятными некоторые позиции.

„Принц с коралловых остров“ (продолжение)

Родин возвращался из Ленинграда мрачным.

Его выбила из установившегося с некоторыми пор душевного равновесия встреча со Значковским. Не понравился ему этот человек своей жадностью.

Значковский не идейный борец. Его купили, а раз так, то могут и перекупить.

А он, Родин, какова его роль во всей этой истории? В разведшколе инструкторы учили, что отчизна для человека не там, где он родился, а там, где помнят о нем, где признали его, где ему легко живется.

Родин не мог сказать, что здесь, на земле его предков, ему легко бы жилось. Но он мог бы стать инженером, ученым, и тогда Саша, которую он любит, теперь это отрицать бессмысленно, могла бы ответить на его любовь.

А не бросить ли это все и не остаться ли просто Родиным, шофером в совхозе «Пролетарский»? А потом учиться...

Ему известно, что по советскому закону шпионаж является тягчайшим преступлением и сурово наказывается. Но в ст. 64 УК РСФСР есть ссылка на то, что при явке с повинной и признании своей вины к уголовной ответственности не привлекают. Однако это действительно для советских граждан. Он же не советский гражданин. Но русский!

Стоп! Откуда такие мысли? Слабость? Об этом предупреждали в школе. Это болезнь многих разведчиков. Сложить оружие и уйти от опасности. Но кто же тебе верить будет, если даже и не привлекут к уголовной ответственности. И зачем тебе это, Родин? Из-за Саши? Но если Саша узнает, кто ты таков, она тут же отвернется.

Нет, Родин, ты просто испугался Значковского, его ненадежности, его жадности.

Ты не выбирал своего жизненного пути, за тебя его выбрали. Тебе дали в руки опасную профессию. Профессию, к которой способны редкие. Ты не ел хлеба этой страны, и придется ли он тебе по вкусу, когда и ты будешь один на один со следователем?

Саша была чуткой женщиной. Она заметила, что Родин заметно переменялся, что-то его гнетет, что-то стал он мрачен, излишне задумчив.

Он по-прежнему был ласков с Машенькой. И Машенька тянулась к нему. В его глазах Саша видела огонек, огонек того пламени, которое не может не заметить женщина, если она любима. Какой же груз мешает ему, какая тоска его точит? Она должна знать, она его любит... Его тоска — это и ее тоска и ее тяжесть. Какой груз он принес из своего прошлого, чем оно омрачено?

Любовь не имеет штампов.

— Саша, я люблю вас! — сказал ей Родин.

Они бродили по увядающему саду. Сад застыл в

ожидании снега. Земля смерзлась, звонко и гулко раздавались их шаги.

— Саша, я люблю вас... Я не хочу принести вам несчастье... Но я уже знаю, что нет у меня человека дороже вас. В таких случаях говорят, согласны ли вы стать моей женой? Вы поймите меня правильно. Я еще никому не говорил этих слов. Я свободный человек... Но я боюсь одного: смогу ли я дать вам счастье, имею ли я право на это? Я боюсь принести вам несчастье.

— Что с вами, Гриша? Что вас мучает? Ваша боль и моя боль. О каком же вы думаете несчастье?

Он обнял Сашу.

Она не отстранилась.

— Саша, вы верите, что я не злой человек?

— Верю, Гриша!

— И всегда будете верить?

— Всегда, Гриша...

Это объяснение ясности не принесло. Еще туже затянулся узел. Родин утешал себя, что есть еще время на раздумье, не смеет он рисковать судьбой любимой. А в совхозе уже все знали, что у Корсунской готовится свадьба. И радовались за нее. Родин был безупречен в глазах окружающих.

Скоро свадьба! Это смешало все карты в задуманной нами игре, ломало все комбинации. Что делать?

Встретиться с Сашей Корсунской? Этой встречей многое можно предотвратить. Но если это игра разведчика, если он на этот брак смотрит только как на надежное прикрытие, возможность лучше легализоваться, то не приведет ли это к провалу? Родин может установить за ней тщательное наблюдение. Он может этим способом проверить, не нащупан ли его след. Что-то изменится в их отношениях. И все! Он может бежать.

А если он все же действительно полюбил?

Что может быть общего у разведчика с агрономом Корсунской? Неужели и она поделила с ним его убеждения или?.. Или он увидел, что Корсунская ему не враг?

У меня на столе лежала ее биография. Коротенькая биография. Школьница, студентка, агроном в

совхозе. Комсомольские характеристики Тимирязевской академии. Немного наивные, отчасти формальные. Но сущность-то человека проступала. Эта девушка не из тех, кто ищет легкой жизни.

Развод? Сохранился протокол судебного заседания. Судья спросил:

— Почему вы расходитесь с мужем?

Корсунская ответила:

— Он оскорбляет мое человеческое достоинство. И все. Сдержанно и точно.

Родин не оскорбляет ее человеческого достоинства. Что же за этим кроется? В совхозе все едины во мнении о нем. Прекрасный работник, воспитанный человек, хороший товарищ.

Психология, характер, мировоззрение человека — это самая тонкая область разведки.

Саша Корсунская. Она, видимо, редко фотографировалась. На столе давняя фотография. Она студентка. Была отличницей, снялась для доски отличников.

По фотографии можно кое-что узнать. Строгий взгляд глаз. Наверное серых. Умные глаза. Человек сдержанных чувств. И Родин...

Игра со Старцевым и Значковским невозможна. Это доказано. С Родиным? Это может решить только встреча с Корсунской. Нужно встретиться с ней, но как это сделать?

Вызвать в райисполком? Но, а если Родин следит за ней и ждет этого вызова, как сигнала тревоги?

До воскресенья три дня, до свадьбы неделя. Арестовать его? Так будет спокойнее, меньше риска. Нет, пусть это определит разговор с Корсунской. Значит, в пятницу. Встречу с Корсунской я взял на себя. Если ошибка, то только мне отвечать за нее.

Вызов агронома в район не такая уж редкость. Обычный вызов. В совхоз едет специалист из центра, его должен встретить агроном-садовод. Версия вполне приемлемая.

И лишь только я ее увидел, как все сразу стало на место. Редко вот так, с первого взгляда я могу поверить в человека. А здесь поверил. Нет, такая женщина не может полюбить негодяя, не простит предательства и измены. Она ничего не знает! Это ясно!

Я спросил: умеет ли моя собеседница хранить тайну? Она очень удивилась этому вопросу. Я подчеркнул, что она должна будет хранить государственную тайну, и предъявил ей свое удостоверение.

— Я готова вас выслушать... — ответила она совершенно спокойно.

— Я хотел бы поговорить с вами о Григории Ивановиче Родине...

В глазах ее на этот раз мелькнула настороженность.

— Ну что же! Давайте поговорим... Только я хочу заранее вас предупредить. Ничего дурного об этом человеке вы от меня не услышите.

— Вы его любите?

— И такие вопросы входят в вашу компетенцию?

— Иногда входят. Вы выходите за него замуж, и скоро свадьба?

— Если бы я его не любила, я не согласилась бы выйти за него замуж.

— Вы его давно знаете?

— Нет! Несколько месяцев! Вы хотите мне сказать, что он дурной человек? Я вам не поверю!

— Я этого вам не сказал! От вас я хочу узнать, что он за человек!

— Рабочий человек. Образованный! Умный, порядочный, искренний.

— Он вам ничего о себе не рассказывал?

— Нет! Я думаю, что расскажет. Его что-то очень тревожит. Наверное, было тяжело...

— Он вам это говорил?

— Нет. О себе он мне ничего не рассказывал. А если бы и рассказал, я верила бы только себе, своему представлению о нем.

— Мне кажется, что вы хотите защитить его! Я угадал?

Корсунская сдержанно улыбнулась.

— Угадали! Если бы мое слово что-нибудь для вас значило, я готова его защищать. Да! Он говорил мне о каком-то несчастье... Он говорил, что боится и мне принести несчастье. Я сказала ему, что его боль — это и моя боль...

Наконец-то! Вот он, единственный грамм, ради которого надо перевернуть тонны руды.

— Вы действительно готовы разделить любую его боль, любое его несчастье?

— Готова! Он не может быть злым человеком. Я не поверю в это. Несчастливым? Может быть...

Я принял решение.

— Послушайте. Я расскажу вам сказку. Жил-был маленький мальчик, и грянула война. Маленького мальчика увезли в чужие земли. И не вернули. Наши войска не пришли в те края. Пришли другие. Они подобрали этого мальчика, они учили его многие годы ненавидеть родную землю. Они готовили из него шпиона. Мальчик вырос, и его послали на его родину. Тайком, как это и делается в шпионских делах, его забросили с чужими документами в руках на землю, где он родился. Он должен нести зло и беду своей родной земле, земле, на которой родилась его мать, родился его отец, где и он родился, но не рос, и не знал ее. А человек он не злой, он не нашел в себе силы ненавидеть тех людей, которых должен ненавидеть. И он полюбил. Что же ему теперь делать? Сказать правду? Закон гласит, что, если он скажет правду, он будет помилован, но, если он скажет правду, потеряет любимую... А кроме любимой, нет для него человека роднее на всей земле... Как же ему быть, чтобы не потерять любимую? Я скажу вам правду. Я этого не должен делать, но я вам верю. Человек, о котором мы с вами говорим, заброшен к нам иностранной разведкой. Это враг! Мы можем его сегодня же арестовать. Вот что он имел в виду, когда говорил вам о своем несчастье.

Корсунская ничего не ответила. Она побледнела, опустила глаза.

— Вы говорили, что его боль — это и ваша боль. Вы готовы повторить свои слова?

— Не знаю... — тихо ответила Саша.

— Но вы не отвечаете отказом?

— Нет... Я готова разделить его несчастье...

— Вы можете отвести от него это несчастье. Если он будет знать, что, открывшись, не потеряет вашей любви, никакого несчастья может и не быть! Как вы думаете? Он русский?

— Русский... И я думаю, что родился он в деревне.

Думай, еще раз все продумай, чекист! Не отбрасывай первую мысль. Она родилась из твоего долгого опыта. Эксперимент. Психологический эксперимент. А где гарантия, что тебя не переиграют в этой игре? И некогда тебе посоветоваться со старыми товарищами. Некогда. Или сейчас, или все пойдет обычным путем. Проверенным, испытанным. Сразу, сейчас решай!

— Саша! Вы извините, что я вас так назвал. Или все, или ничего! Я слишком много вам сказал. Я не смею рассчитывать, что вы сможете выдержать искус и не показать ему, что вы что-то знаете. Мы сейчас поедем вместе с ним в машине. Я ему все скажу. При вас! И если он искренне говорил о несчастье, мы отведем, с вами вместе отведем его от беды... Вы согласны?

— Согласна...

Корсунская села в машину рядом с Родиным, я — на заднее сиденье. Поехали.

Из районного центра выезд на большак, потом поворот на полевые дороги. Впереди обозначился перелесок. Я попросил остановиться.

Тихо уходило за горизонт холодное осеннее солнце. Я присел на обочину и позвал Корсунскую. С ней вышел из машины и Родин.

— Люблю осенние закаты! — сказал я. — Давайте проводим солнце. В Москве мне редко приходится видеть такое. Садитесь, Григорий Иванович! Помолчим немного вместе.

Родин и Корсунская сели рядом.

Огромный огненный шар коснулся маковок леса. Упали длинные тени. Я обернулся к Родину.

— Я слышал, что вы жених и невеста. Хорошие русские слова. Их стали забывать. Невеста... Счастливая пора, счастливое время, Григорий Иванович! Не так ли?

У Родина большие голубые глаза. И такая в них читалась тоска, что я не выдержал его взгляда.

— Вы здешний, Григорий Иванович? Вы где родились?

— Не знаю... — ответил Родин каким-то странным глуховатым голосом. — Записан в Калуге, — продолжал он. — Но это, должно быть, по ошибке. Я ро-

дился в деревне и это отчетливо помню. Потом была война...

Родин замолк. Я не торопил его с новым вопросом.

— Я много ездил... Вернее, меня возили... Я никак не могу отделаться от воспоминаний. Соломенная крыша. Ветер задрал клок соломы и свистит, как в дудку, в эту солому.

— А ваши родители? Отец и мать?

— Отец убит... Я это помню со слов матери. Она умерла.

Я опять взглянул в глаза Родину и удостоверился, что Родин сказал правду.

Не надо было менять ритма, стиля. Я спросил:

— А свое настоящее имя вы помните?

Я рассчитывал на некоторую внезапность этого в общем-то простого вопроса. Объяснимого, во всяком случае, вопроса. Раз человек не знает, где он родился, он может не знать и своего имени.

— Наверное, помню... — неуверенно ответил Родин.

И тут он сказал правду. А дальше? До какой грани он пойдет?

Однако надо дать ему передышку.

— Война! — начал я раздумчиво. — Разметала она людей... Я был во время войны в Германии, Григорий Иванович! В тылу у врага. Это так называлось в те годы. Я видел эшелоны с нашими пленными, с угнанными в рабство. Не позволяла конспирация и куска хлеба подать своим. Я ходил в форме немецкого офицера, а немецкий офицер не должен был жалеть рабов. Я ехал в автомобиле... На станции разгружали эшелон с русскими. Это были не военнопленные. Детишек гнали... Вам, Григорий Иванович, не подсказывает память, когда вас угнали в Германию?

Последний вопрос на грани возможного, дальше уже все превратилось бы в допрос.

— Не помню... — ответил Родин.

И здесь он сказал правду. Вот она и легенда. Но интересно, чья легенда? Он сам импровизировал, отвечая на мои вопросы, под настроение, или это готовая легенда оттуда, так искусно им поданная?

— Не помню когда.., С матерью меня вывезли. Прислуживал я на кухне. Помои выносил, курам, уткам и индюшкам корм разбрасывал. Это я хорошо помню. И как мать умерла, помню... Упала в хлеву, возле свиней, и не поднялась... А вот что с ней, почему она умерла, не помню... Правильно вы сказали, не знаю вашего имени-отчества.

— Никита Алексеевич! — сказал я.

— Правильно вы сказали, Никита Алексеевич! Буря, ураган... Однако я пойду мотор прогрею. Жалюзи у меня открыты, а ветер холодный...

Саша тоже хотела было встать, но я остановил ее взглядом. Пока Родин говорил только правду. Не углубляясь в детали, безопасную правду, для любой своей легенды, но правду. А теперь? Может быть, он хочет завести мотор и удрать, бросив нас на дороге, может, он почувствовал что-то недоброе. Бежать? Ему некуда было бежать, я об этом позаботился. Но вот попытается ли он убежать, это было очень важно.

Заработал мотор «Волги». Последние мгновения для колебаний. Надо ему их предоставить.

Я встал и пригласил Сашу пройти до леса. Мы пошли рядом, «Волга» осталась у нас за спиной.

Слышно было, как Родин переключил скорость. Машина тронулась. Я взял Сашу под руку и крепко сжал ее локоть.

— Не оглядывайтесь! — сказал я.

Мотор урчал сзади, ближе, ближе. Я оглянулся. «Волга» перебралась через канаву, ехала следом за нами. У лесочка мы остановились. Родин вышел из машины.

Упали короткие осенние сумерки. Стремительно темнело.

Все трое стояли на опушке. Я видел, что Родин взволнован, порывается что-то сказать, но не хватает силы начать разговор. Надо было ему помочь.

— Скажите, Григорий Иванович! — начал я. — Когда убрали счетовода, почему не тронули его детей? Его жену? Пожалели?

Родин горестно улыбнулся, складка скривила его губы.

— Нет... Тот, кто убирал счетовода, не пожалел бы ни его жену, ни детей... Тот человек не имеет в душе ничего...

«Это он так о Значковском!..»

— Когда вы меня спросили о Германии, — продолжал Родин, — я понял, с кем имею дело. Я мог уехать. Вы предоставили мне эту возможность. Кстати, переоценили свои силы. Я все же смог бы скрыться. Нужды в этом не видел. Вы сделали самый верный ход. Я не мог вам врать при Саше. Я теряю ее, но при ней я не могу врать... Не скрою, я боялся этой встречи... Я слышал, что в вашем КГБ работают грубые и жестокие люди, применяются пытки...

— Вы действительно откровенны, Родин! Я рад, что затеял с вами этот разговор здесь, в лесу, а не в своем служебном кабинете. Я послушался Сашу Корсунскую, поверил ей. Она дала вам прекрасную характеристику.

— Что вы от меня хотите? Полного признания? Я готов рассказать правду и понести наказание.

— Ну, а если бы мы вас не нашли?

— Надо было искать. Сам я не пришел бы! Я никогда не мог бы подумать, что вы умеете так говорить с людьми! Не пришел бы, одним словом...

— Вы обучались профессии разведчика?

— Учился... Много лет. В Западной Германии.

— И чему же вас там учили? Опирайтесь на таких, как Значковский?

— Оттуда не видно, на кого опираться...

Кто же за кем охотился?

Родин начал нам рассказывать. Вот откуда история с аквалангом, вот откуда...

А впрочем, я перескажу своими словами его показания на допросе.

Утром 27 марта полковнику Шелингу легла на стол докладная. В докладной говорилось, что концертная группа, в состав которой входил Владимир Значковский, чья личность заинтересовала полковни-

ка, пересекла государственную границу СССР, что Значковский высадился из самолета в Париже и находится вне сферы влияния советской контрразведки.

К докладной было приложено расписание движения концертной группы.

Тот, кто докладывал, не знал, почему Шелинга заинтересовала эта фигура, почему он отметил в списке советских артистов именно этого человека.

Шелинг вызвал своих подчиненных, показал им фотографию Значковского и распорядился установить за ним постоянное наблюдение в Европе и на американском континенте.

Из Стокгольма в Лондон артисты летели на самолете.

В кресле рядом со Значковским сидел пожилой человек. Сухой, с пергаментным цветом лица, но с очень живыми глазами.

Значковский распечатал свежую пачку сигарет, но не нашел в кармане спичек. Пожилой господин быстро подал ему зажигалку. Вспыхнуло высокое газовое пламя. Значковский прикурил и залюбовался зажигалкой. Старик уловил его взгляд, вдруг спохватился и что-то смущенно пролепетал. Значковский не понял его слов, но понял его по жестам. Ему дарили зажигалку. Это был английский «Ронсон», газовая зажигалка с регулируемым пламенем.

Подошел переводчик. Господин объяснил, что дарит зажигалку русскому артисту на память. Значковский поблагодарил иностранца.

Откуда было знать Значковскому, кто ему подарил зажигалку?

Подчиненные Шелинга, все те, кто на него работал, могли подивиться вниманию к личности Значковского. Сам полковник счел необходимым познакомиться с ним. Что за птица?

О нем собирали сведения по зернышку, по крупинке — все блюдо вырисовывалось лишь на столе Шелинга.

В общем-то в Европе Значковский держал себя тихо и скромно. Прибыл в США.

Родину было поручено завязать со Значковским уличное знакомство. Пока только знакомство.

Все было рассчитано точно. Значковский вышел из гостиницы, в ту же минуту к подъезду подъехало такси. За рулем сидел Родин. Значковский сел в машину и назвал адрес большого радиотехнического магазина.

— Вы русский? — спросил Родин. — Вы приехали из Советского Союза? Как я рад, что встретил русского. Я второй раз в своей жизни везу советского человека. Но то было очень давно. Попался мрачный и неразговорчивый человек. Может быть, он чего-нибудь боялся? Вы не боитесь со мной разговаривать?

У Родина блеснули на глазах слезы. Он не давал опомниться от своих сентиментальных излияний. Он тоже русский. Из перемещенных лиц. Его ребенком вывезли немцы из России. Родители погибли. Он тянется ко всем русским.

Разговор завязался. Значковский рассказал, что он приехал на гастроли с концертной группой. Подарил Родину билет на концерт. Родин взялся быть проводником Значковского в Нью-Йорке. Никто так не знает город, как шоферы такси. Он, Родин, знает и дневной и ночной город. Знает все увеселительные заведения, все магазины. Он знает такие магазины, где товары продаются по сниженным ценам.

И Родин зацепился за Значковского. Началось с магазинов, где можно купить «дешевле»...

Они условились, что Родин будет приезжать за ним в гостиницу в определенный час и возить по городу.

Ночными заведениями Значковский не интересовался. Он искал магазины с уцененными товарами. Так все подошло ко второму этапу операции, задуманной Шелингом.

Значковский попросил Родина отвезти его в магазин, где можно было бы купить редкие пуговицы к женскому платью.

Родин привез его на окраину города, в маленький галантерейный магазинчик. Значковский отобрал себе товар и протянул продавцу десятидолларовую бумажку. В магазине даже не было кассы.

Продавец взял бумажку, уже начал отсчитывать сдачу, как вдруг посмотрел ее на свет и объявил, что бумажка фальшивая.

Значковский сейчас же полез в карман и протянул другую. Та же самая история. Продавец браковал одну купюру за другой. Пока Значковский перебирал это свое «богатство», к магазинчику подъехала полицейская машина.

Доставили в участок. Полицейский комиссар предъявил Значковскому обвинение в распространении фальшивых денег. Он был любезен и предложил вызвать представителей советского консульства.

Все было рассчитано у Шелинга. Значковского обыскали и нашли при нем купюры на две тысячи долларов.

Было отчего прийти в отчаяние. В чужой стране обвинили в распространении фальшивых денег.

Перед Значковским стояла дилемма: отвечать перед судом чужой страны за распространение фальшивых денег или отвечать у себя на родине за спекуляцию валютой.

— С кем вы хотите иметь дело? — спросил его полицейский комиссар. — С нами или со своим консулом?

Значковский ответил, что он хочет иметь дело с полицией Соединенных Штатов. Комиссар усмехнулся и вышел из кабинета.

Открылась дверь. Беззвучно вошел в кабинет ссутулившийся старичок в штатском.

— Здравствуйте, господин Значковский! — сказал он, не повышая голоса, с заметной иронией. — Вы помните меня?

Значковский, конечно, мог бы узнать этого старичка, если бы не был крайне растерян.

Улыбаясь, вошедший напомнил Значковскому встречу в самолете и свой скромный подарок — зажигалку «Ронсон».

— Шелинг, — представился старичок. — Зажигалка у вас в кармане... Это по моей просьбе ее не изъяли у вас при обыске.

Значковский начинал о чем-то догадываться.

— Итак, что же случилось, господин Значковский? Вас обвиняют в распространении фальшивых долларов? И на большую сумму?

— Я понятия не имел, что у меня фальшивые доллары.

— Возможно, господин Значковский! Но это ни-сколько не избавляет вас от уголовной ответственности... Ни здесь, ни у вас на родине. Вы вывезли контрабандой валюту. Как вы объясните у себя на родине наличие у вас такой суммы?

Значковский молчал. Появление старичка обнадеживало. Наверное, он не появился бы, если бы полиция очень старалась начать дело о фальшивых долларах.

— Молчание иногда лучший ответ, — продолжал Шелинг. — У вас обнаружено две тысячи долларов. Большая сумма... Это плоды ваших операций с Жаньеном. Вы предприимчивый человек. Я люблю предприимчивых... Я готов вам сделать деловое предложение. Мое влияние здесь велико, я отведу от вас полицию.

— Разведка? — спросил Значковский.

Шелинг помедлил с ответом. Ответил коротко и сухо:

— Разведка!

И тут Родин поведал нам совершенно неожиданную вещь.

Можно было надеяться, что Значковский, согрешив в валютных операциях, перед лицом самого страшного преступления, перед гранью, за которой наступает измена Родине, все же дрогнет. Он поразил своим цинизмом даже Шелинга.

— Разведка? Зачем же нужно было столько усилий? Жаньен мог дать мне рекомендацию... Мне нужны деньги, вам моя работа! Жаньену известны мои взгляды на этот счет.

И вот она, разгадка с «Инвиктой».

Деньги Значковского на самом деле не были фальшивыми. Ему их тут же вернули. Значковский попросил у Шелинга купить ему автомашину в счет будущих услуг. Шелинг поинтересовался, каким образом Значковский вывезет машину из Соединенных Штатов, как он объяснит у себя в стране ее приобретение. Оказалось, что у Значковского уже все было продумано. Да, он взял с собой деньги в надежде, что как-либо ему удастся купить машину, найти человека, который ему в этом помог бы, может быть, оформил это подарком. Скажем, от имени слушате-

лей его очередного концерта. Шелинг одобрил эту идею и дал указание подготовить подарок. Шелинг считал, что подарок будет и прекрасным прикрытием Значковскому. Кто предположит сделку за таким вызывающим подарком?

Родин вместе со Значковским выбрал машину по каталогу. Выбор Значковского остановился на бьюике модели «Инвикта».

Шелинг одобрил выбор Значковского. Авансом за будущую работу добавил недостающую сумму. «Invicta» — в переводе с латинского — непобедимая. Шелинг дал кодовое название операции со Значковским «Invicta».

„Invicta“

Итак, мы уже знали название операции Шелинга. Надо было осуществлять ее под нашим, конечно, наблюдением.

Как же все выглядело к этой решающей минуте?

Профессор Старцев — главная фигура. Старый профессиональный разведчик. Он же Суровцев, инженер и сотрудник Пальского. Родин не знал, как давно Старцев связан с разведкой, предполагал, что давно.

Родин сообщил, что с некоторых пор у Старцева возникли трудности с передачей информации. Прежние связи оборвались. Затруднение объяснялось просто. Профессор Старцев перешел на работу в научно-исследовательский институт. Ранее Старцев часто встречался со своими коллегами — учеными, приезжающими с Запада. В их числе были и связники, и через них он передавал информацию. Теперь избегал таких встреч, опасаясь провала.

Родин показал, что Старцев, в частности, был связан с Жаньеном. Тот работал на ведомство Шелинга. Именно по рекомендации Старцева Жаньен установил связь со Значковским, втянул его в валютные операции и подготовил вербовку за рубежом. «Invicta» предусматривала прямую связь Старцева и Значковского путем личного контакта, связь Значковского с Родиным — через тайник без личных контактов.

Мы решили не торопить события, поскольку цепочка замкнулась в своих звеньях.

И вот наконец наступил день первой передачи. Мы постарались, чтобы в руки Старцева попал «интересный» материал из той области науки, которая очень интересовала его заокеанских хозяев. Нелишне подчеркнуть, что этот материал составлялся специалистами в расчете на то, чтобы дезориентировать хозяев Старцева. К тому же и без нашего участия у Старцева, наверное, накапливался материал для передачи. Мы спешили с вручением ему материалов и по чисто профессиональным соображениям. Старцев, по всей вероятности, должен был зашифровать сообщение. И нам важно было получить ключ к его шифру.

Утром Значковский со Светланой Старцевой и со знакомыми выехал на «Инвикте» из дома.

В воскресный день шоссе не загружено. Он ехал быстро. До Бронниц добирался минут сорок, свернул на бетонку. Машину остановил возле столбика на двадцатом километре.

Затеяли пикник. Расстелили на земле брезент. Значковский перенес из машины корзинку с продуктами, все разбрелось собирать валежник для костра. Собирая валежник, Значковский подошел к березе и вынул из тайника одну консервную банку с деньгами и вложил другую — с информацией.

Пикник продолжался недолго.

Со стороны Коломны в Бронницы выехала «Волга». За рулем сидел Родин. Он поехал к условленному месту, извлек передачу Значковского.

Никто не ограничивал его во времени, действовать он должен был с учетом безопасности.

У поста ГАИ, при пересечении Каширского шоссе, Родина остановили. К нему подошел сотрудник КГБ в милицейской форме, проверил документы и незаметно получил от Родина консервную банку. Последний проследовал в совхоз, банку повезли в Москву. Вскрыли ее и обнаружили в незашифрованном виде информацию Значковского о встречах с летчиком Давидом Бочирошвили, схему его самолета, микро пленку с чертежами самолета. Информация же Старцева была зашифрована. Несколько часов работы специа-

листов, и мы получили дешифровку. Да, вовремя мы вышли на след...

После внесения коррективов в эту информацию Родин отвез передачу на Симферопольское шоссе.

Восемьдесят шестой километр. Каменная опалубка у подножья километрового столба. Родин перевернул три белых камешка — они зачернели тремя черными точками... Отошел в лес, отыскал нужную ему ель и под нижней ее ветвью положил консервную банку.

К километровому столбу подъехала машина с дипломатическим номером. Из нее вышли двое. Они сошли «прогуляться» в лес...

Не составляло труда узнать, кому принадлежала машина, кто были ее пассажиры, в какое посольство ушла передача!

Теперь оставалось терпеливо ждать.

Перед вторым воскресеньем третьего месяца Родин получил открытку без обратного адреса. В открытке шел малозначащий текст. Этот текст был сигналом. Родин должен был срочно навестить тайник на восемьдесят шестом километре Симферопольского шоссе. Навестил. Получил ответ.

Последняя информация технического значения была оценена как очень интересная, просили некоторых уточнений, причем срочно.

И еще одно второе воскресенье. Февраль. Значковский оставил передачу.

Родин взял консервную банку. На переезде его машина задержалась. Он передал нам посылку. За переездом остановился у чайной в большой деревне. В специальной машине эксперты расшифровали письмо профессора.

Родин доставил передачу на восемьдесят шестой километр. На этот раз передача была взята на другой день. Передачу взяли люди из машины с дипломатическим номером.

И опять ожидание. Терпеливое ожидание. И вот оно! Открытка Родину. Он явился к тайнику. Получил указание укрепить связь Значковского с летчиком. Информации Значковского придавалось особое значение. На этот раз требовали более точных

сведений о летчике, интересовались возможностью его вербовки.

И еще пришло второе воскресенье очередного месяца. Март. Значковский навестил тайник.

Прошел апрель, наступил май...

Игра в дезинформацию подходила к концу. Затягивать ее было рискованно.

Пришлось поломать голову. Надо было как-то активизировать противника, вызвать его на более значительные акции или заканчивать игру.

В руки Старцева мы подсунули такого рода материал, что он немедленно запросил у Шелинга возможности личной встречи.

Некоторое время спустя в списке очередной группы туристов из Соединенных Штатов появился Шелинг. Он ничем не рисковал, отправляясь в туристическую поездку.

Шелинг не предупредил о своем приезде через тайник. Значит, он имеет возможность известить профессора по другой линии связи? Какой? Об этом могут знать только профессор и Шелинг. Что это за линия связи, каковы ее возможности? Зашифрованное короткое известие о приезде или в этой линии связи есть возможность передачи и подробностей встречи, ее организации, места? В этом могли быть заключены непредвиденные опасности, могла быть и система тревоги. Тревога могла быть поднята, с одной стороны, профессором, с другой — Шелингом. Тогда все рушилось. Встреча не состоялась бы.

А если она состоится? Где? Будет ли возможность проконтролировать ее? И будет ли вообще личная встреча? Не найдет ли Шелинг еще кого-нибудь? Вопросы, вопросы, вопросы...

Наступил последний акт драмы. Последний акт...

Встречи

Пришел запрос на визы для группы туристов, в которой значился Шелинг.

Через несколько дней на пограничной станции можно было ожидать «высокого» гостя.

Значковский вызвал телеграммой Бочирошвили.

Родин получил через тайник распоряжение стоять в назначенный срок у входа в ГУМ.

Как будет оповещен Старцев, оповещен ли он, мы не знали. Ничем в этом вопросе не мог нам помочь и Родин.

В Москву Шелинг прибыл на «Красной стреле». Группа туристов сразу же проследовала на автобусе в гостиницу «Националь». После завтрака предстояло коллективное посещение музея. Вернувшись с экскурсии, Шелинг пообедал, взял такси и поехал по московским магазинам. Ну, конечно, прежде всего в комиссионный антикварный магазин на улице Горького. Там он купил какую-то серебряную безделушку, затем проехал в комиссионный магазин на Арбате и вот наконец появился на улице 25-го Октября. Шелинг отпустил машину.

Родин дремал за рулем. Шелинг поравнялся с его «Волгой», бросил короткий взгляд на Родина, скользнул по его лицу равнодушным взглядом и тут же отвернулся. Миновал машину, вышел на тротуар и двинулся в направлении к ГУМу. Ну что же, и такая малая толика годится для улики в длинном ряду других улик. Шелинга, конечно, сняли на кино пленку. И то, как он вышел из такси, и как прошелся неторопливым шагом по стоянке, как приблизился к машине и взглянул на Родина.

В двенадцать часов Родин уехал.

На другой день группа туристов осматривала Третьяковку. Немного раньше туда пришел Значковский. В двенадцать тридцать он остановился возле картины Иванова «Явление Христа народу». Сзади к нему подошел Шелинг и встал рядом. Постоял и пошел в другой зал.

Значковский назначил встречу с Бочирошвили в кафе «Националь». Они заняли столик возле окна. Мимо окна прошел в гостиницу Шелинг.

И только? Не собирается ли он этим ограничиться? Зачем тогда вопрос о возможности вербовки?

А как же со Старцевым?

За профессором было установлено тщательное наблюдение. Никаких признаков беспокойства он не проявлял.

Наблюдать за Шелингом было трудно. Он был опытным разведчиком и мог обнаружить за собой наблюдение.

Какой же есть еще путь для связи у Старцева с Шелингом?

Должен признаться, что это очень нас беспокоило. Они могли снестись незаметно для нас, объясниться, и тогда...

Но чудес не бывает.

В нашей работе надо приглядываться и к обыденным привычкам человека. Каждый вечер Старцев перед сном совершал прогулку. В любую погоду он выходил на Гоголевский бульвар. И в этот раз Старцев вышел на прогулку, прошелся от памятника Гоголю до Кропоткинских ворот, вернулся, присел на крайнюю скамейку возле памятника.

Шелинг пешком прошел из гостиницы к памятнику и сел на скамейку, где сидел Старцев. На скамейке еще сидела пожилая женщина, возле нее играла девочка. Шелинг заговорил с девочкой о каких-то пустяках, подарил ей шоколадку, представился, как перед взрослой, назвал свою фамилию. Пожилой женщине объяснил, что он американец и что вот приехал туристом, с военных лет не бывал в Москве, что нашел в городе много перемен к лучшему.

В разговор вступил Старцев. Расспрашивал Шелинга, какое впечатление произвел на него город.

Затем они медленно пошли к Кропоткинским воротам. Два старика, почти ровесники.

Они останавливались, как бы увлеченные разговором, останавливаясь, имели возможность осмотреться...

Мы уже знали, что Шелинг, выходя из гостиницы, не предпринимал никаких попыток как-либо уйти от возможного наблюдения, никаких конспирирующих действий не предпринимал и Старцев. Они играли в случайную встречу двух незнакомых людей: разговорчивого американца и московского старожилы.

Их встреча могла быть зафиксирована. И что же? В чем мы их упрекнули бы? Встретились и разговорились о Москве? И только? Сначала они действительно говорили о Москве, затем, видимо, удостоверив-

шись, что около них нет ничего подозрительного, перешли к делу.

Шелинг объявил Старцеву, что его последняя информация вызвала большой интерес в «высоких сферах». Рискую очень многим, он выехал к Старцеву, чтобы уточнить некоторые детали. Нужны подробности к переданной информации и некоторые дополнительные сведения. Возможно ли добыть такого рода сведения?

Старцев отвечал уклончиво. Он объяснял, что его новое положение, работа в новом институте открывает неожиданные перспективы, однако именно «неожиданные». Его приглашают на консультации по вопросам, которые ранее ему не могли быть доступны.

Они с Шелингом должны прежде всего пересмотреть условия, на которых идет их работа. Эта информация намного дороже той, что поставлялась раньше. И добывать ее значительно опаснее. Старцев жаловался, что стал старым человеком, устает, что расшаталась нервная система. Он вызвал Шелинга и для того, чтобы обусловить сроки окончания его работы. Старцев соглашался работать еще не более года. Через год он покупает туристскую путевку и уезжает из России навсегда...

Шелинг принял условия Старцева. На том они и расстались.

Старцев и Значковский изобличены. Шелинг? С ним еще есть неясности... Улик пока недостаточно. Может и ускользнуть «высокий гость»...

Шелинг с группой туристов уехал в Грузию, из Грузии в Киев. Десятый день продолжалась его поездка.

Десять дней Значковский не отпускал от себя Бочирошвили. Он сватал ему роскошную машину из рук одного автолюбителя. Тянул время. Бочирошвили несколько раз порывался уехать. Значковский каждый раз находил причину, чтобы задержать отъезд летчика. Стало быть, он еще мог понадобиться Шелингу.

Каждый день Значковский и Бочирошвили обедали в кафе «Националь». Обедали в одно и то же время. От трех до четырех часов.

И вот он логический конец операции.

Шелинг вернулся в Москву.

На второй день по возвращении он вышел в три часа дня из гостиницы и прогулочным, неторопливым шагом прошелся вдоль окон кафе «Националь».

Значковский поглядел на часы и заторопился. Он объявил Бочирошвили, что они должны поехать на последнюю решительную встречу с хозяином машины.

Бочирошвили до этого часа так и не видел хозяина машины.

Значковский подозвал такси.

Все документы на арест преступников были готовы.

Профессора Старцева, как только машина со Значковским и Бочирошвили отъехала от кафе «Националь», пригласили в министерство, в ведении которого находился его институт. Он вышел из подъезда. Подъехала «Волга». Предупредительно распахнулась дверца, профессор сел в машину, машина помчалась к центру Москвы, к площади Дзержинского.

В глубине Измайловского парка Значковский и Бочирошвили встретились с Шелингом.

— Это вы хозяин машины? — спросил Бочирошвили.

— Наверное! — ответил Шелинг. — О какой машине вы спрашиваете?

— «Кадиллак»! Значковский сказал, что вы хотите продать «Кадиллак».

Шелинг снисходительно улыбнулся, усмехнулся.

— Есть и «Кадиллак»...

— Вы его продаете?

Шелинг вздохнул и поучительно ответил:

— Все продается... Вопрос в цене...

— Надо посмотреть машину... Я сам назначу цену.

Шелинг довольно бесцеремонно разглядывал Бочирошвили.

— Вы решительны! — заметил Шелинг после паузы. — Откуда у вас деньги на «Кадиллак»? Вы просили у вашего друга новую машину... Вы знаете, сколько стоит новый «Кадиллак»? Одиннадцать тысяч долларов...

— У нас нет таких цен... В советских рублях я расплачусь. Я хорошо зарабатываю. Вы боитесь, что у меня темный заработок? Не бойтесь! Я не спекулянт...

- Летчик?
- Летчик-испытатель...
- Военный человек?
- Майор!

Шелинг опять помедлил. Достал из кармана фляжку грузинского коньяка и складной стаканчик. Выбрал на полянке местечко и присел на пенек.

— Сделку положено обмыть!

Бочирошвили брезгливо поморщился.

— У нас это не так отмечают... Есть ресторан «Арагви».

Но все же по стаканчику выпили.

— Итак, вы военный человек, Бочирошвили. У меня есть к вам вопрос: скажите, что полагается офицеру Советской Армии по советскому законодательству за передачу иностранной разведке сведений о секретном вооружении?

Бочирошвили пожал плечами.

— Наверное, расстрел... Почему это вас интересует?

Шелинг достал из кармана конверт и передал Бочирошвили.

— Вскройте... Ознакомьтесь.

Бочирошвили разорвал конверт. У него в руках были фотокопии чертежей.

— Вам знакомы эти схемы?

Ужас и растерянность на лице Бочирошвили.

— Откуда это у вас? — воскликнул он. — Это ты?!

Он обернулся в ярости к Значковскому.

— Не кричите! — остановил его Шелинг. — Мне известно, что эти материалы попали в руки иностранной разведки. Зачем кричать? Надо искать выход из положения.

— Кто вы такой? — подступил к нему с вопросом Бочирошвили.

— Какая разница, кто я? Что вы думаете делать, летчик?

Бочирошвили отступил на шаг. Он оглядывался, как затравленный зверь.

— Надо пойти и доложить начальству! — предложил Значковский.

Бочирошвили переводил настороженный взгляд с Шелинга на Значковского, с Значковского на Шелинга.

— Можно и не докладываться! — добавил Значковский.

Бочирошвили понимающе кивнул головой.

— Вы не ответили на мой вопрос, — наступал Шелинг. — Что вы думаете делать, летчик?

Бочирошвили придвинулся к Значковскому.

— Я убью мерзавца!

Шелинг поднялся с пенька. Встал между Значковским и Бочирошвили.

— Убить человека незатруднительно... А дальше?

Бочирошвили сжал кулаки, но под взглядом холодных глаз отступил.

— Вы мне можете предложить какой-то выход?

— Возможно...

— Кто вы такой?

Шелинг усмехнулся.

— Вы до сих пор не догадались?

— Что вам от меня надо?

— Вы сделаете уточнения в этих схемах. Технические уточнения...

— И что же дальше?

— Остальное зависит от вас... Вы хотели избежать ответственности. У вас есть самолет. Ваш аэродром в тридцати минутах полета от границы. Никому не придет в голову применять ракеты земля-воздух против экспериментальной модели. Дальше мы все берем на себя... Мы вас не обидим.

Шелинг вдруг замолчал и приложил палец к губам.

В глубине рощицы возникли две фигуры. Молодой человек шел под руку с девушкой. Они шли прямо к трем березкам, под которыми расположились Шелинг, Значковский и Бочирошвили.

Бочирошвили оглянулся.

— Присядем, — сказал Шелинг. — Мы не допили коньяк.

— Черт этих влюбленных принес! — ответил Бочирошвили.

Все трое сели на траву. Значковский достал из кармана пол-литра водки и стаканчик. Развернул сверток с бутербродами.

Парочка шла медленным шагом.
Бочирошвили упал лицом на землю и уткнулся лицом в траву.
Парочка приближалась.
Бочирошвили взглянул на них, чуть повернув голову, и глухо сказал:
— Эта жизнь не для меня... Я не привык людей бояться...
— Придется привыкать,— ответил Шелинг. — Я привык...
Бочирошвили вдруг сел.
— Ради чего?
— А ради чего вы рискуете на опытных моделях. Сколько их горело?
— В воздухе лучше гореть...
— Чем же лучше?
— Сразу и славы много!..
Шелинг вдруг улыбнулся.
— А вы романтик, господин Бочирошвили! Я люблю романтиков.
— Вот еще один! — заметил Бочирошвили. — Москва... Поговорить не дадут.
Шелинг оглянулся.
С другой стороны из леса приближался к поляне пожилой седой человек. Он шел с книгой в руке. Шел более уверенным и целеустремленным шагом, чем влюбленная парочка.
Шелинг протянул стаканчик Бочирошвили.
— Для привычки... От людей спрятаться.
— Давайте помолчим! — перебил его Бочирошвили.
Пожилой человек и парочка сближались.
Первыми вышли на поляну молодые люди.
— У вас нет спичек? — спросил молодой человек, достав из кармана пачку сигарет.
Отказать было невозможно: Значковский курил. Он встал и протянул коробку спичек.
Подсечка под ногу, и Значковский опрокинулся на спину. Шелинг поднял голову, его глаза встретились с черным глазком пистолета.
— Спокойно! — сказал Бочирошвили. — Пистолет заряжен.
Теперь и я мог вмешаться.

— Здравствуйте, господин Шелинг! Как вы себя чувствуете на лоне природы?

Шелинг вскочил на ноги.

— Чекисты?

— Чекисты, господин Шелинг! Только не надо нервничать и делать глупости.

Шелинг обернулся к Бочирошвили. Чуть прищурился.

— А этот летчик? Он тоже чекист?

— Чекист, господин Шелинг!

— Профессионально сделано... Двадцать лет тому назад вы работали грубее.

— Времена меняются, господин Шелинг! Меняются и методы.

— Я так понимаю, что вы начальствующее лицо?

— Отчасти... Дубровин, полковник Дубровин...

— Ах, вон оно как! Высокая честь...

— По Сеньке шапка! Есть такая русская пословица.

— Тогда я хотел бы с вами говорить наедине.

— Ну что же, парк велик. Можем прогуляться по парку.

Мы пошли с полянки в глубину парка.

— Я не хотел бы ареста, господин Дубровин,— начал Шелинг. — На следствии за мной останется право молчать. Здесь я говорил бы откровеннее.

— Это зависит от того, что вы можете нам сказать... Я имею в виду, что вы нам можете сказать нового?

— Я вообще не хотел бы огласки всей этой истории.

— Об этом надо поразмыслить, господин Шелинг!

— Моя откровенность этого стоит... Я вам могу еще пригодиться, господин Дубровин.

— Посмотрим.

Развязка

Итак, события приблизились к своему логическому концу.

Передо мной профессор Старцев, он же инженер Суровцев, он же...

Он представитель и даже величав. Густые жесткие волосы, тонкие губы, тяжелый подбородок, суховатый взгляд стальных глаз.

— Вы прочитали постановление об аресте? — спросил я профессора.

— Прочитал... Клевета и гнусность!

— Не торопитесь, гражданин! — остановил я его. Но по фамилии его не назвал.

— Когда вы поставите в известность руководство института о моем аресте?

— Руководство института поставлено обо всем в известность. А нам надо с вами выяснить некоторые обстоятельства. Вопрос первый: ваше имя, фамилия и отчество?

— В постановлении об аресте все это записано... Зачем вам эта формальность?

— Формальность? Нет, это вопрос по существу. Ваше имя, фамилия и отчество?

— Старцев Арсентий Дмитриевич! Место рождения — Старгород. По документам год рождения девятисотый. Но я думаю, что это ошибка в записи... Лет на пять сделали меня моложе...

— Старцев Арсентий Дмитриевич! — повторил я. — Старцев!.. Вы никогда не носили другого имени и другой фамилии?

— Это что? Тоже вопрос по существу? Или вы каждому подследственному задаете такой вопрос?

— Смотря по обстоятельствам!

Я все еще избегал называть его по имени.

— Повторяю вопрос! Вы когда-нибудь носили другое имя и другую фамилию?

Профессор откинулся на спинку стула, внешне по-суровел и тоном официальным ответил:

— Я Старцев Арсентий Дмитриевич.

Но я отнюдь не торопился устанавливать с ним официальный тон. Как бы в раздумчивости я сказал:

— Странно...

И замолчал.

Старцев мгновенно ухватился за нотки сомнения в моем тоне.

— Может быть, какое-либо недоразумение!

Я внимательно поглядел на Старцева. Тяжело вздохнул. Пусть как это ему угодно истолковывает

мой вздох. Встал из-за стола и прошел к сейфу, открыл его, достал папку. Не отходя, порылся в папке, вернулся к столу с пачкой фотографий.

Это были фотографии Старцева за многие годы его продвижения по служебной лестнице. Я их веером разложил перед ним на столе.

И выходя из-за стола, и стоя у сейфа, и выложив фотографии, я не спускал глаз со Старцева. Мне было важно знать, как владеет собой этот человек, насколько серьезный противник сидит передо мной.

Пожалуй, я мог уловить у Старцева лишь любопытство.

— Это ваши фотографии? — спросил я.

— Мои... некоторые из них даже подписаны мною... Это фотографии из личных дел.

— Приглядитесь внимательно к своим фотографиям.

Старцев пожал плечами.

— Они относятся к разным годам вашей жизни. Лицо менялось, вы старели.

— Все стареют...

Я положил перед Старцевым две фотографии. Его фотографию двадцатых годов и фотографию инженера Суровцева.

— Что вы можете сказать по этому поводу? — спросил я Старцева. — На одной фотографии вы, Старцев, на другой... Это тоже ваша фотография?

Старцев рассматривал фотографии, не касаясь их руками, фотографию с «Паккардом» и великим князем взял в руки.

Чаше, заметно чаще, начала пульсировать синяя жилка над виском. Он поправил очки, пожал плечами.

Учащенная пульсация жилки — это не разыгранное волнение. А вот очки он начал поправлять, пожал плечами — это игра. Видя, что не может скрыть волнения, он его подчеркивал излишне.

— Это подлинная фотография? — спросил он меня.

— Вам лучше знать!

— В своей лаборатории я это установил бы... Мне еще не приходилось встречаться с такими странными вещами. Случается, что один человек похож на другого... Между ближайшими родственниками даже ча-

стенко случается. Простите, но это мой двойник! Не приблизительно похожий человек, не просто похожий на меня человек — это двойник! Или... Или я буду утверждать, что это искусная подделка, фотомонтаж, сделанный в неизвестных мне целях!

— Нет, это не фотомонтаж! Я тоже смотрю и дивуюсь. Редчайшее совпадение!

— И кто же этот мой двойник?

— Суровцев... Инженер Суровцев, торговый представитель в Петербурге американской автомобильной фирмы «Паккард». Суровцев родился в Петербурге, был выходцем из дворянской семьи и никакого отношения к Старгороду не имел...

— Старгород — маленький городок... Не каждый даже знает, что есть такой в России. О Суровцевых я там не слыхивал...

— В Старгороде, пожалуй... Там о Суровцеве трудно было услышать. Может быть, вы с ним встречались в других местах? Когда-нибудь вы встречались с Суровцевым?

— Я долгую жизнь прожил, гражданин следовательно! Мало ли с кем я встречался! Всех и не упомянешь... Но если бы я встретился со своим двойником, я это запомнил бы!

Очень уж охотно Старцев включился в игру воспоминаний. Мне это нужно было, чтобы разговориться с подследственным, прощупать его слабые места, удостовериться в его умении скрывать свои мысли и чувства. Старцев ждал, откуда последует главный удар, и ему, конечно, было интересно, как давно он попал в поле нашего зрения, что мы о нем знаем.

— Скучные воспоминания. Не так ли? — остановил я Старцева. — И не по существу дела. Я хотел бы получить от вас ясный и точный ответ. Вы не встречались с Суровцевым? Может быть, вы что-нибудь слышали о нем?

— Не встречался с Суровцевым и никогда о нем не слышал!

— Когда вы служили в Красной Армии, вы писали письма родным в Старгород?

— Я был тогда малограмотным... Писем не писал.

— Как погибли ваши родители в Старгороде?

— О матери ничего не слышал. Отец разорился, он был купцом, с горя запил и умер под забором. Я сожалеюще покачал головой.

— Отец Арсентия Дмитриевича Старцева был действительно купцом. Но его расстреляли петлюровцы за то, что его сын служил в Красной Армии.

Старцев привстал. У него побелели губы... О, он, конечно, понял, что мы очень глубоко копнули его биографию. Именно поэтому у него побелели губы и затряслись руки. Но он опять переборол волнение.

— Что вы говорите? Я считал, что отец умер бродягой, под забором, а он, оказывается, герой!

— Вы писали отцу, он вам писал?

— Куда? Наш почтовый адрес очень часто менялся...

Я положил на стол перед профессором письмо Старцева к отцу в Старгород, написанное на рекламном проспекте фирмы «Паккард», с адресом А. А. Пальского.

Ну, конечно, он и не знал, наш профессор, что настоящий-то Старцев написал это письмо, «позаимствовав» у Суровцева рекламный проспект. Написал письмо людям, которых давно нет в живых. А письмо осталось. Мог ли инженер Суровцев предполагать, что какой-то бухгалтер в Старгороде затеет собирать коллекцию писем, не нашедших адресата?

Я следил за глазами профессора. Вот он дочитал до точки. Но не проспект же он читал, а письмо; проспект ему был знаком, разве что он мог воскресить в нем дорогие сердцу воспоминания.

— Экспертиза установила, что ваш почерк не совпадает с почерком автора этого письма. Писал Арсентий Старцев на рекламном проспекте, который...

— Какой принадлежал Пальскому? Так вы хотите сказать? — перебил меня профессор.

— Нет! Я далек от такого смелого утверждения. В руках Пальского проспект этот должен был побывать! Очевидно, и инженер Суровцев располагал такими проспектами. Но рекламные листы для того и издаются, чтобы их распространять. Арсентий Старцев мог получить их из рук в руки. Вы это имели в виду, перебивая меня?

— Могло быть и так...

— У кого же он его получил? Он служил рядовым красноармейцем. Письмо пришло откуда-то из-под Ростова-на-Дону. Вы же не будете утверждать, что в тех районах и в те годы могли найтись покупатели «Паккардов»?

Наконец-то Старцев усмехнулся...

— Вам очень хочется доказать, что я и Суровцев — одно и то же лицо? Что это вам даст, Никита Алексеевич?

— Это объясняет одну непонятную вещь! Мы никак не могли понять, каким образом сын старгородского мещанина и купца, бывший красноармеец, которого выучила грамоте Советская власть, которая привела его к профессорской кафедре, каким образом человек с такой биографией попал на службу к нашим врагам? Как он мог предать Советскую власть? Суровцев? Инженер, торговый агент иностранных фирм — этот рядом с иностранной разведкой. Старцев из Старгорода — это странно! Только для этого, Арсентий Дмитриевич, мы копались в этой истории... Я думаю, что вам нет смысла отказываться, что вы сменили фамилию Суровцев на Старцев... Расскажите, как вы это сделали.

Старцев передернул плечами.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Все это относится к Суровцеву, а не к Старцеву.

— Хорошо, оставим этот вопрос. Я вижу, вы не желаете отвечать правдиво. Ответьте на другой: как вы нашли Шеллинга? Вы давно с ним не виделись?

— Старцев встал и, как бы даже с облегчением, вздохнул:

— Ах, вон оно что! А я никак не мог в толк взять причину ареста. Это за то, что я случайно встретился с иностранцем на бульваре, вы мне предъявили обвинение в шпионаже?

— Арсентий Дмитриевич! Неужели вы это всерьез? За то, что вы встретились с иностранцем, вас не стали бы обвинять в шпионаже! Но ведь эта встреча была не случайной, а обусловленной. Встретились старые друзья...

— Я отказываюсь отвечать на подобные и другие вопросы.

— Тем хуже для вас, Старцев. Я вас считал более разумнее.

Я попросил привести ко мне Шелинга. Очная ставка.

На первом допросе Старцева мы ставили ограниченную задачу. Надо было посмотреть: будет ли он говорить. Никто от него не ожидал немедленных признаний. Слишком тяжел груз его преступлений, чтобы он легко пошел на признание. И мы не ошиблись. Старцев упорно молчал. А как поведет себя на очной ставке Шелинг? Будет ли он откровенен также, как и на первом допросе? Этот вопрос занимал меня. Все обошлось благополучно. Шелинг рассказывал правду. Но некоторых вещей, касающихся Старцева, он не знал или не хотел нам рассказывать.

Нас очень интересовало, когда и как Старцев — Суровцев встал на путь шпионажа.

Шелинг утверждал, что еще в сорок четвертом году он получил Старцева в порядке передачи агентуры от немецкой разведки. Старцев — Суровцев числился по ведомству Канариса в военной разведке. Мы могли предполагать, что инженер Суровцев, связанный с заграничными фирмами еще до революции, был завербован военной разведкой армии Вильгельма. Шелинг утверждал, что немецкий резидент, передавая Старцева — Суровцева, данных о времени его вербовки не сообщил. Не сообщил и о связях Старцева, не сообщил ничего о его работе на немецкую разведку. Все это мы должны были узнать от самого Старцева. А скажет ли он об этом?

Шелинг терпеливо ответил на все наши вопросы в присутствии Старцева. Старцев отказался подтвердить его показания.

Мы оставили Старцева подумать о своем положении в одиночестве.

Я вызвал Значковского. О, далеко не так он входил впервые в этот кабинет!

Но от игры не отказался и в крайнюю минуту.

Сел за столик, уронил голову на руку и прикрыл глаза ладонью.

— Мы исполнили формальности, необходимые для начала допроса. Он не поднимал головы, не открывал глаз. Поза отчаяния или, может, раскаяния?

Я кончил писать и положил ручку. Мы помолчали.

В блокноте у меня были набросаны вопросы. И первый — самый простой вопрос.

— Чем бы вы могли объяснить, гражданин Значковский, причину вашей встречи с Шелингом? Зачем вы встретились с Шелингом?

Тяжелый вздох в ответ и даже всхлипывание.

— Вы когда-нибудь раньше встречались с Шелингом? Вы с ним знакомы?

— Знаком... — выдавил из себя Значковский.

— Так чем же все-таки вызвана ваша встреча в Измайловском парке?

— Бедой моей!

Он поднял голову и проникновенно заглянул мне в глаза.

— Один раз только споткнулся на этой дорожке! Один только раз... Попала мне однажды в руки валюта. Прбдал. За несколько минут оправдал несколько концертов... А деньги, они хоть клеем и не смазаны, а к рукам прилипают. И еще раз валюта попала в руки, а потом и сам начал искать... Ну и что же говорить: один раз живем!

Значковский опять тяжело вздохнул.

— Один раз живем! Один раз... Деньги?! Само по себе они ничто! Но я мог на них купить... Я люблю машины. Я люблю всякую технику. У меня дома музыка... Стереофоническое звучание... Ну, и все прочее... Казните! Виновен.

— В чем вы виновны? Давайте уточним!

Значковский опять вздохнул.

— Перебрасывал валюту! В этом и виновен!

— Спекуляция валютой — так надо вас понимать?

— Именно так...

Я попросил Значковского рассказать, как он проводил валютные операции, не перебивал его, дал возможность высказаться. О, он с великой легкостью называл тех лиц, через которых сбывал валюту. Мы их уже знали. Здесь он был правдив. Откуда брал валюту? Вот здесь уже начиналась фантазия. Знакомства на улице с иностранцами, за ресторанными столиками, с туристами возле бензоколонок. Ни сло-

ва о Жаньене, ни слова об инсценировке «подарка». Суммы операций он называл довольно точно.

Пока он все это рассказывал под стенографическую запись, я в иных местах рассказа, где он говорил правду, ободряюще кивал головой.

Он кончил, я сделал вид, что задумался. Много у меня к нему вопросов. Разных вопросов.

— Скажите, Значковский, — спросил я его, — почему некто Жаньен однажды, прервав командировку, внезапно вылетел из Москвы?

Значковский был подготовлен. Он оказался мастером актерских переходов. Он вдруг взорвался... Сыграл нервный взрыв. Но он не закричал, не возмутился, он откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и натянуто, но все же вызывающе улыбнулся.

— Значит, в таком стиле все пойдет, гражданин следователь? Очень забавно. Собрались мне дело клеить? Давайте! Карты на стол! А я-то! Раскис... Раскаялся!

Значковский вытянул из кармана сигарету и закурил.

— Еще вопрос, — сказал я, как будто он и не менял стиля допроса. — Вы сами выбирали машину в Нью-Йорке или эту акцию передоверили своим иностранным друзьям?

Значковский сделал глубокую затяжку, загасил сигарету о подошву ботинка, свернул ее и щелчком кинул на пол.

Я проследил взглядом за полетом сигареты и укоризненно покачал головой.

— Не одобряете? — спросил он меня. — Свинство? Согласен! На большее вы не можете претендовать!

— В чем же вы усматриваете свинство, гражданин Значковский?

— Я искренне признался... А вы мне шьете черт знает что!

— А именно?

— Какого-то Жаньена!..

— Мы ничего вам не шьем. Я терпеливо выслушал ваши откровенные, как вы выразились, призна-

ния. И что же? Откровенности-то и не было. Да, вам будет предъявлено обвинение в спекуляции валютой. Но это не главное. Главное — измена Родине, шпионаж!

— Шпионаж? Это надо доказать, гражданин следователь! Я хотел бы знать, какие у вас на этот счет имеются доказательства. Их у вас нет!

Я обещал Значковскому привести доказательства.

Пришлось выполнить обещание. Мы показали Значковскому фильм — гонки на шоссе. Замедленной проекцией продемонстрировали ему эпизод с переброской информации из его машины в машину иностранного корреспондента. Потом прокрутили киноленту, которая напомнила ему посещения тайника на шоссе за Бронницами. Затем показали суматошные поиски в карманах летчика.

— Может быть, хватит с вас этого и, наконец, вы, Значковский, начнете говорить правду?

Актер предстал перед нами в третьей своей роли. Теперь он не кидал сигарет на пол, торопливо, сбивчиво начал рассказывать. На этот раз в правду.

Рассказ его повторять не к чему. Все обстоятельства дела уже известны.

Оставался последний вопрос. Я ждал, что он сам расскажет об убийстве счетовода. Значковский молчал, видимо, надеясь на то, что нам об этом ничего не известно.

Мы имели показания Родина. В этих показаниях не было полной ясности. Счетовод встретил Родина на пляже в Ялте. Передавая в Симферополе ему документы, он сказал, что это последнее грязное дело, которое он сделал. Он сказал: «Мне все надоело! Я, наконец, хочу спать спокойно! Иначе я сам пойду и доложусь».

Родин передал об этом информацию Шелингу. Как распорядился Шелинг, Родин не знал...

В вагоне «Красной стрелы» Значковский сказал Родину, что он убрал агента.

Шелинг показал, что тот стал для них опасен. Исполнителем выбрали Значковского. Проверить его на деле и связать кровью... Значковский задание выполнил.

Мы знали, что явилось причиной той смерти. Немецкий полицай, затем агент разведки, не желающий больше сотрудничать с ней. Что его могло ожидать другое, когда он стал в тягость хозяевам?

Родин передал следствию и ампулку с ядом «БЦ—12». И он был этим вооружен. Мы изготовили копию ампулы. Только наполнена она была водой.

Когда Значковский кончил свои излияния, я достал из ящика стола копию ампулки и поставил ее перед ним.

— Вы можете мне объяснить, что это такое? — спросил я.

Он уставился на ампулку и в первое мгновение попятился.

— Вы знакомы с этим предметом? — опять спросил я. — Этим ядом был убит... Я не договорил.

Значковский схватил ампулку и раздавил.

— Вот так! — воскликнул он. — Следствие на этом закончено.

Он встал и глубоко вдохнул в себя воздух.

Я махнул рукой.

— Бросьте, Значковский! В этой ампулке вода. Вы бросили в комнату ампулу. В окно! Она разбилась... Там могли оказаться дети...

И вот опять передо мной Старцев — Суровцев. Теперь против него не только те вещественные доказательства, которые я пока приберегал до поры до времени, но и показания Значковского.

Старцев внимательно прочитал показания музыканта, отодвинул от себя листки, всем видом показывая, что не собирается ничего подтверждать.

Тогда я задал вопрос о скрипке.

Наконец-то, наконец кончилась игра в бесстрастность. Он даже не стал расспрашивать, откуда нам об этом известно.

— А вы найдите ее сами! Нет, никогда вам не найти этой скрипки. Она еще годится... Годится тем, кто собирает по малости силы, чтобы вбить осиновый кол в могилу большевиков. Я! Я сам ее сохранил, я исполнил обет настоятельницы лиговского монастыря. Монастыря на нее не построят, но будут ее струны звучать на броне тех танков, которые когда-то еще раз пройдутся по вашей земле!

Устал играть в равнодушного. Вспыхнул. Но тут же и погас. Дальнейший его допрос был признан бессмысленным. Он молчал.

Позже я ему продемонстрировал копии его «информаций» Шелингу, а затем показал материалы, на основании которых он готовил эти «информации», полагая, что получил доступ к настоящим секретам военной техники.

Итак, следствие закончено.

СОДЕРЖАНИЕ

«ИНДЕКС» БЕЗ ИНДЕКСА	3
ИНВИКТА	100
Кающийся взяточник	100
Спиртом отравился ... или?	109
Бежал...	114
Легенда «гончего пса»	120
«Принц с коралловых островов»	125
Тривиальный сюжет	136
Скрипка итальянского мастера	142
«Гончий пес» выходит на охоту	150
Исторические изыскания	158
Полет бумеранга	169
«Принц с коралловых островов» (продол- жение)	171
Кто же за кем охотился?	180
«Invicta»	185
Встречи	188
Развязка	196

Шахмагонов Федор Федорович
Зотов Евгений Анатольевич

«ИНДЕКС» БЕЗ ИНДЕКСА»

Заведующий редакцией А. Т. Ананьев
Редактор Р. А. Маркович
Младший редактор Л. И. Рябова
Обложка по эскизу художника В. Н. Конюхова
Художественный редактор И. Е. Сайдко
Технический редактор В. А. Серякова
Корректоры В. Д. Рыбакова, Г. А. Чехарева

Сдано в набор 15/VIII 1974 г. Подписано в печать 29/XI 1974 г. Бумага
типографская № 3. Формат 84×103¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 10,92; учет.-изд.
л. 10,75. Тираж 40000 экз. А-05380. Заказ № 239. Цена 31 коп.

Издательство «Юридическая литература»,
103064, Москва, К-64, ул. Чкалова, 38—40.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой
Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

31 коп.

